

Лучший выбор
из мира мысли!

«...не может быть законов, защищающих нас от самих себя, ни один уголовный кодекс не предусматривает наказаний за преступления против литературы. И среди преступлений этих наиболее тяжким является не преследование авторов, не цензурные ограничения и т. п., не предание книг костру. Существует преступление более тяжкое – пренебрежение книгами, их не – чтение. За преступление это человек расплачивается всей своей жизнью; если же преступление это совершает нация – она платит за это своей историей».

Иосиф Бродский.
Нобелевская лекция (отрывок). Стр. 78-79.

Дауррия

«Установлено, что ДНК воспринимает речь и ее смысл, их «уши» приспособлены к восприятию акустических колебаний. Мало того, эти молекулы, отвечающие за наследственность человека, получают и световую информацию: человек может не проносить вслух, а мысленно читать текст, но содержание все равно дойдет до его генетического аппарата по электромагнитным каналам. Но, самое главное, ДНК не безразличны к получаемой информации. Одни сообщения оздоравливают их, другие – травмируют. Поэтому содержание речи непосредственно влияет на человеческий геном».

Конкурс «Живой, как жизнь». Стр. 52-55.

№ 1

Чита
май 2010

УДК 882
ББК 84 (2=РУС)7
Б 20

© Все права защищены законом
об авторском праве.
Использование материалов
возможно только с письменного
разрешения авторов.
© Балдоржиев В., Проект, создание. 2010

«ДАУРИЯ»: литературный журнал. —
Чита. Творческая группа «Союз Искусств». 2010. — 80 стр.

Поэзия

Федор Бальдауф	4-5 стр.
Михаил Вишняков	8 стр.
Наталья Кострукова	9 стр.
Владимир Губа	10 стр.
Наши друзья и авторы. Сайт Поэзия.ру	46-50 стр.
Авторы сборника «Венок Рубцову»	51 стр.
Виктория Измайлова	58-59 стр.

Проза

Юрий Локтев	Главы из романа «Белый яр»	11-25 стр.
Александр Гордеев	«Американская сказка». Комедия	26-37 стр.
Александр Лагутин	«Случай с Жигановым». Рассказ	38-45 стр.

Слово о СЛОВЕ. Критика, обзоры, словари

Конкурс «Живой, как жизнь»	«Не убий матом ...хромосому»	52-55 стр.
Литературоведческий словарь		55 стр.

Публицистика. Наши гости

Виктор Балдоржиев	«Земля за Ононом». Главы из рукописи книги	62-65 стр.
Наталья Алексютина	Николай Коняев	66-67 стр.
Цыбикжап Доржин	«Наи Нава – легендарная земля хори-бурят»	68-75 стр.

Мастерская

Михаил Гаспаров	«Если бы я был студентом...»	60-61 стр.
-----------------	------------------------------	------------

Память благодарной Отчизны

Писатели Забайкалья	Фотогалерея 1960-1980-ых. Размышления	56-57 стр.
---------------------	---------------------------------------	------------

Нобелевская лекция (отрывок) и стихотворения:

Иосифа Бродского	76-79 стр.
Бориса Пастернака	79 стр.

«Служенье муз не терпит суеты;
Прекрасное должно быть величаво...»

А. С. Пушкин.

Чувства Человека или

Человеческие **чувства** и животное **чутье** бандерлога – это разные природные способности. Удивительно и странно, что сегодня приходится говорить о них, как о способностях соперничающих. Но это именно так потому, что на этот раз среда обитания у них оказалась одной и той же.

Разговора не избежать, ибо **мы превратились в страну бандерлогов**. Человек этого факта не оспаривает, дискусируют бандерлоги. Все правильно. Куда вели, туда и пришли. А те, кто вел, все время **упрощали, упрощали и упрощали** чувства, язык, философию, литературу, живопись...

Ибо сереньким и безмозглым верхам и их прислужникам, ведущим народ к своим целям, носители и служители Религии, Искусства, Науки во все времена непонятны, многокрасочны, сложны, чужды и опасны. Высокие человеческие чувства, дух подвижничества и творчества – основа основ существования Человека, власти не нужны. И только служители Религии и Искусства понимали: с каждым укрощением и упрощением в каждом из нас стало больше и больше бандерлога. А властитель ликовал, радость его – наше общее горе на века...

Доупрощались: сегодня упрощение стало обычным явлением, нормой, а частую и эталоном. Все просто: нет ничего такого, чего не смог бы сделать бандерлог. Только плати. А можно и так – из любви к «искусству», чего там... Проза? Поэзия? Драматургия? Сонет или верлибр? Плевое дело! Пушкин? Какой еще Пушкин?

И вот на голову бедного Человека обрушились миллионы книг, а закройщики и портные, заняв места инженеров человеческих душ, с экрана телевизора кроют страну и учат Человека как жить. Но бандерлог всегда обманет Человека, потому что Человек жив вечными чувствами, а бандерлог – мгновенным чутьем, ему надо не только выжить, но и нажиться на Человеке, вот он и кружит, приносясь все время к Человеку и окружающей его среде.

Искусство и его служители вымирают от сегодняшней суеты и упрощения всего, которое лавиной накрыло и литературное пространство моей Отчизны – историческую землю Даурию, Забайкалье. Именно это обстоятельство и заставило меня взяться за создание журнала, который ты, Дорогой Читатель и Земляк, взял в руки.

Что же это такое, для чего и для кого?

Прежде всего, – это Литературный Журнал для жителей Забайкалья. Только для Чтения. Человек превращается в бандерлога, когда перестает читать хорошую литературу. В Журнале нет и не будет никакой рекламы и пиара.

В Журнале никогда, ни при каких обстоятельствах и условиях не будут публиковаться произведения низкого литературного уровня. Речь идет не только о литературном, но также и о языковом, грамматическом уровне и эстетическом вкусе. Это основное положение и требование.

Авторы Журнала – одаренные прозаики и поэты. Конечно, предпочтение будет отдано уроженцам Забайкалья, литераторам, пишущим о Забайкалье. Вообще, творческая груп-

па «Союз Искусств» объединяет мастеров пера, кисти, резца и нотного письма на пространстве всего бывшего Советского Союза, а сегодня, благодаря Интернету, – и далее... Они – мои друзья, значит, они и друзья моей Отчизны – Забайкалья. **Каждый из них Личность**. По частям плод творчества не рождает. **Все время создает Что-то, а не занимается Чем-то**, ибо его никто и никогда не смог укротить или упростить. От этих попыток он стал еще сильнее, а талант его засверкал ярче...

Издательство – отрасль развития культуры, а не бескультурья и заблуждения. Заблуждение – трусость, ибо – от блудить: в погоне за деньгами мы выпустили тонны книг, от которых обалдели от радости авторы этой макулатуры. Но ошибка – это то, что не исправлено. Выпуск нашего Журнала – начало работы над ошибками... Публикации основаны на системе поручительства, автор может и сам поручиться за свое произведение.

Материалы не принимаются, рассматриваются **рукописи**. В переписку и переговоры с авторами редактор не вступает. **Вариантов ответа два: 1 – молчание, 2 – публикация в Журнале.**

В литературной суете края Журнал участия не принимает, в конкурсах – тоже. **Журнал издается именно для Чтения**. Номера отправляются в центральные издания, в СП России для рецензий, произведения – (за счет редакции) на конкурсы – «Золотая строфа», им. В. Шукшина, им. М. Волошина, им. С. Есенина и т. д.

Слово – единственный канал общения с Богом. Другого нет. Оно тоже подверглось упрощению. Значит подвергся упрощению и сам Бог. Ведь и само Слово – Бог. Это надо понимать! В нашем Журнале авторов, бросающихся бездумно общечеловеческими ценностями, не будет. В стране, где нет Бога, и сама жизнь непростительна...

Все мы – дети родной земли, и мечта о культурном и высокообразованном крае, самоуважении и самодостаточности наших земляков никогда не покинет ни одного автора нашего Журнала, который, надеюсь, будет развиваться, крепнуть и становиться лучше от номера к номеру. С каждым разом умнее, краше и сильнее, а не проще, глупее и слабее.

Мастера Искусства – тоже люди. Бандерлоги и невежественные властители «побеждают» их, якобы, навязывая общение и дружбу, якобы, не замечая их творений, упрощая их имена и личности до уровня собственных, тем самым отдаляя от Человека, которому для того, чтобы сохранить высокие человеческие чувства, совесть, честь – все человеческое – нужны не бандерлоги и невежественные властители, а подлинные Мастера Искусства, пробуждающие мысль и красоту мира.

Именно их и найдешь на страницах своего журнала, мой Дорогой Читатель, Земляк, родной мне Человек!

Виктор Балдоржиев,
поэт, кавалер медали А. С. Пушкина,
член Союза писателей России.

«Умейте
любить
искусство в себе,
а не себя
в искусстве».

К. Станиславский.

чутье бандерлога?

К БУРЯТКЕ

Люблю я странный твой наряд,
Твои неловкие движенья,
Люблю я твой нескромный взгляд
И чуждой речи выраженья...
Я помню лето... Знойный день
Стоял над дикою пустыней,
Как над запуганной рабыней
Властитель грозный. Листьев тень
Нигде на степь не набегала;
Она с рождения не знала
Ветвей живительную сень:
Как будто сила мирозданья
Ее во гневе родила,
Без жалости, без состраданья
Проклятью почву предала
И почву скудную ее
Бесплодию навек обрекла...
Я ехал тихо... Бедный конь
В поту и пене брел усталый,
Поникнув гривой удалой;
В песке горячем, как огонь,
С трудом он слабою ногою
Переступал. Склонясь главою
Над изукрашенным седлом —
От жажды, недуга и боли
Изнемогая, — лишь о том
Я слал благому Провиденью
Свое горячее моленье,
Чтоб мне хоть каплею одною
Смочило жаждущий язык
Иль утра раннюю росую
Листок обрызганный приник
К моим засохнувшему устам,
Как вдруг... Нежданно там —
На горизонте, где землею
Лазурь сошлась, дымок струею
По ткани светлой пробежал,
В эфире медленно теряясь.
Я быстро повод подобрал,
Скорей туда! — Когда шатаюсь,
Мой конь до места добежал,
У юрты пасмурной и дымной,
Одной на степи той пустынной,
Тебя я, Бальджа, увидал.
С какой улыбкой непритворной
Ко мне навстречу ты пошла,
К моим устам кумыс холодный,
Животворящий поднесла;
С какой заботливостью милой
Меня ты за руку взяла,
И в юрте скромной и унылой
Больного гостя приняла.

Я помню вечер: вкруг огня
Твои родные все сидели,
И ты смотрела на меня,
Как я, больной, склоняясь, к постели,
В припадке тягостном страдал.
Покой больного, к изголовью
Склоняясь, ты молча стерегла,
С участием родственным, с любовью
Ты сон мой чуткий берегла,
И дым струистый отводила
Своею смуглою рукой,
Когда его ко мне порой
Дыханьем ветра наносило.
И если веки поднимал
Я в те несчастные мгновенья,
В огне, как тень, как привиденье,
Твой образ стройный возникал.

Заснули все. Но я не спал...
Мечты сменялися мечтами;
Твои я вздохи узнавал —
И беспокойными очами
Тебя во мгле густой искал.
Я помню утро: закипал
Душистый чай в котле широком,
А ты в молчании глубокою,
Склоняясь к узорчатым коврам,
Своим молилася богам.
Не обо мне ли, одиноком,
Не обо мне ль молилася ты,
И Шигемуни — духу мира,
В лице бездушного кумира,
Вверяла смутные мечты?

Нет, дева степи, не забыть
Во дни судьбы моей ненастной
Твой образ смуглый, но прекрасный,
Твои заботы... Может быть,
Года пройдут, и я тропею
Случайно к счастью добреду;
Тогда, расстроганный мечтою,
Про Борзю песню заведу.
В ней имя Бальджи будет всюду —
И я до гроба не забуду
Твое прощальное: мэнду!

1828 год.

ШАМАНКА

Посвящение Н. К. Х.

(Неоконченная поэма)

Все Вам мои стихи — все Вам!
Я отдаю их Вам по праву,
Они Вам по душе, по нраву.
Делюсь я с Вами пополам
Всем тем, что свыше провиденьем
Поэту в мире суждено;
Делюсь я с Вами вдохновеньем, —
Поверьте, — дорого оно,
Так дорого средь бед и горя,
Когда на сердце дым, туман,
Когда поэту все обман;
Когда рассудок, с страстью споря,
Громит ее, как великан.
Примите мирную шаманку,
Простую дочь тяжелых дум,
Ее красы не наобум
Я срисовал, — я эриванку
Ей на чело не надевал,
Писал, как виделось, шаманку,
И только, только что мечтал.

I

В странах Даурии степной
Над тихой зыбью Горохана
Стоит утесов ряд двойной,
Им дано имя стариной:
«Могила черного шамана».
Поныне виден там курган,
Над ним и летом, и зимою
Прозрачный носится туман,
Вблизи жемчужною струею
Бьет ключ...
Еще покоятся улусы,
Еще не слышен лай собак,
Еще в раскошном сне тунгусы,

И звезды запада горят.
А уж давно, давно блещут
Те скалы утренней зарею,
И с них жемчужно волною
Туманы полноты бегут...
Все спит, покоится в долине,
Но там, на острых скал вершине,
Давно проснулся злой беркут.

II

И утро встало. Дол глубокий,
Онон-Борзя и лес далекий
Лучами солнца облились;
И к небу жаворонки взвились,
И в небе слышны песней трели,
Как звук невидимой свирели.
Стада по холмам разбрелись...
Тунгус разлежся на бутане
С винтовкой меткой, а рука
Дрожит у верного курка.
Добычей весел он заране:
Он метит в жирного сурка;
А там давно в его намете
Аргал дымится и горит;
Вокруг огня в немой зевоте
Семья голодная сидит.

III

О бедность горькая, лихая!
Скажи, где слез ты не лила?
Скажи, кого ты довела
До счастья, до земного рая?
Убийствен твой противный вид:
В очах потухших жажда, голод,
И жгучий жар, и лдяный холод,
Тоска, отчаянье и стыд!
О бедность, бедность! Мать страданий!
Скажи, как создан белый свет,
Ты излила там сколько бед?
Скажи мне, сколько дарований
Ты погубила в цвете лет?

IV

Сидят нагие тунгусята
Вокруг отрадного огня;
Их разбудил со светом дня
Протяжным воем пес мохнатый
(Он увидал, как между скал
Волк торопливо проскакал),
И встали дикие ребята...
Вблизи дырявого шатра
Доит корову их сестра,
Нагих степей очарованье,
Младых, влюбленных тунгусов
Неодолимое желанье,
Гроза нахальных женихов.
Она цветет, степей лилея,
Невинности прекрасный цвет,
Цветет день ото дня полнее.
И ей в пустыне равных нет!
Нужды, заботы, утомленье
Ей ропот на уста не шлют,
Уста ее, как мак, цветут.

В очах сияет вдохновенье,
Но речь и очи девы лгут:
Как сон, ее промчалось детство
И слезы тайные текут...
Шаманство дано ей в наследство,
И сердце демоны сосут...

V

Раздался выстрел; гул мгновенный
Между горами, между скал,
По зыбям вод загрохотал
И стихнул в роще отдаленной.
Тунгус вскочил, тунгус бежит,
От радости в нем сердце бьется,
Шайтанов он благодарит —
Еще он жизнь семье продлит,
Еще ей жизни день дается;
Дымится порохом бутан.
А на траве, росой смоченной,
Горячей кровью обогрелой,
Лежит убитый тарбаган.
Семья встречает с шумом брата —
Он сытный завтрак им принес;
Теперь нагие тунгусята
Глядят на божий мир без слез!

VI

Я посещал намет тунгуса,
Я видел дикую семью;
Картина дымного улуса,
Ты в душу врезалась в мою!
Тунгус не то, что был он прежде,
Он вольность русских полюбил,
Не изменив своей одежде,
Своим он нравам изменил.
А в юртах все осталось то же;
(На наше общество похоже)
В богатых — жемчуг, пышный мех,
За чаркой водки глупый смех;
В убогих — черные лохмотья,
Отчужденно все чистоплотье,
Над дымной войлочной стеною
Висит сайдак, лук косяной,
Копье, ружье, бурхан овчинный;
А у богатых этот бог
Увешан с головы до ног
Какой-то сбруею старинной,
С чеканом золота, серебра;
Пред ним павлиньих два пера,
Пшено в серебряной посудке;
На светлом круге веры стих;
Бурханы в образе малютки
И место для молитв святых.

.....
.....
.....

VIII

Но что ж, скажите, в юрте дымной
Мне так понравилось тогда?
Прилет ли быстрый мотылька
Иль песня девушки невинной?

Отрывок из поэмы «АВВАН и ГАЙРО»

Седая наша старина,
Мешая с былью небылицы,
Преданий множества полна.
Мне сказывал старик разумный.
Какой-то царь иль сильный князь,
Которого закон и власть
От берегов Аргуня шумной
До здешних простиралась гор,
Близ Кондуя имел свой двор:
Там были пышные палаты;
Но, златом и серебром богатый,
Царь богаче был всего
Подругой сердца своего...
Он был старик, а взгляд царицы
Светлее был луча денницы,
Ланиты розами цвели...
Царицу юную зажгли
Нескромного буряты очи...
(Против любви ль стоять уму)
Вся отдалась она ему.
И под покровом бурной ночи
Они замыслили побег;
Казалось, верен был успех:
Все предусмотрено, готово —
И уж с царицей чернобровой
Любовник мчится молодой.
Под нею бегунец гнедой
Был «заангунен» колдунами.
Не уставал он под седлом,
Облитым чистым серебром,
С серебряными стремями,
На третий день конь добрый стал.
И вот у этих самых скал,
Погоню слыша за собою,
Царица бросила седло...

— Но что ж с царицей молодой
Сбылось? Доскажи, мой друг!
— За нею гнался сам супруг.
Уж беглецы из отдаленья
Погони слышат шумный клик.
Ужасен, злобен был старик.
Им не уйти, им нет спасенья!..
Царица, вдруг спрыгнув с коня,
С груди одежду отпахнула
И говорит: «Рази меня!
Рази меня!.. Я посягнула
Изменой очернить себя —
Мой стыд омой моею кровью
И я умру, к тебе с любовью!..
Рази скорей! Уж близок он...
Не громкий вопль, не жалкий стон
Ты от меня услышишь, милый!
Ах, нет!.. улыбка, нежный взгляд —
Мою разлуку возвестят
С тобой и с жизнью мне постылой!
Рази скорей!..» И что ж? Бурят
Привычной, твердою рукою
Стрелу пернатую пустил
И той же самою стрелой
Себя, злосчастный, поразил...

1834 год. оз. Дабасу-Нор.

Мне всегда казалось, что мы с ним родственники... Могут ли немец и бурят быть родственниками? Ощущение это иногда исчезает, но только я проеду мимо борзинского Дабасу-Нора – Соляного озера или выйду на разбитую трассу Александровского Завода, как снова наваждением зазвучат во мне его строки. Стихи хорошо писать во время езды на коне. Это отмечал он, первый поэт Сибири – Федор Иванович Бальдауф, по пути которого прошел и я, его далекий родственник. От Дабасу-Нора – до Нерчинского Завода. Это более трехсот километров.

Жаль, коня нет, а не то поскакал бы, срезая путь, прямо к Нерчинскому Заводу, заезжая по дороге на чабанские стоянки. А вечером, разведя костер, сварил бы тарбагана (он тоже их ел), смотрел бы на струящийся Млечный путь и

Родственник...

далекие звезды. И разговаривал бы с ним о Забайкалье, Адун-Челоне, Торейских озерах, Ононе, Аргуни и шаманах. Мы оба много раз были в родных нам местах и много видели. Интересная беседа получилась бы. Однажды он видел камлание шамана и пораженный записал:

**Как он под звуками тимпана
Высоко прыгает и вдруг,
Волшебной силой окрыленный,
Во прах бросает свой тимпан
И на костер воспламененный
Летит – и чародея стан
В минуту пламя охватило!
Всех тайный ужас обуял,
И все молчание хранило...**

Да, мы с ним во многом схожи. Я нашел его почти через двести лет! И единственный из всех поэтов прошел его дорогами. Случайно ли это? Почему меня, гонимого судьбой и демоническим мановением русской поэзии, судьба забросила в Нерчинский Завод, на Благодатский рудник, где он родился 8 марта 1800 года. И теперь я навек связан с его родными местами, с ним и жестокой, но славной, историей Нерчинских Заводов. И все время должен стремиться туда, а потом бежать оттуда. Как и он. Еще не зная о нем, в далекой молодости я побывал во всех местах, где бывал и он, восхищался природой, людьми, удивительными камнями и растениями, спускался в старые выработки и думал о тех людях, которые побывали здесь до меня...

И писал стихи легко, на ходу. Как и он. Позже прочитал его строки: «Ныне только узнал я, как легко писать стихи при езде верхом; разумеется, тут пишешь уже по памяти». И мы, трясаясь в кузове попутки, сложим что-нибудь. Ровная степь, в обрамлении огромных и пологих сопков, тянется от Дабасу-Нора до Акурая. Далее сопки начнут зарастать лесом, сначала не очень заметно, а потом все гуще и гуще. Тут и были стойбища далеких кочевников. Наших предков. Хамниган, которых русские называли тунгусами, бурят. В общем-то, разницы нет, потому как все – монголы. Летом на всех бутанах свистели тарбаганы, над ними парили тарбазины, проезжали одинокие всадники, в жестких и высоких травах паслись верблюды, кони, коровы, овцы, козы. А вечером на стойбищах горели костры. Он заезжал к ним, дружил со многими и писал о них стихи.

Кому бы захватить мне? Некому! Кругом пустыня с редкими, одичавшими и пьяными, деревьями. Всеобщее среднее образование довело степь до такой степени, что не осталось у человека ни воображения, ни мечты, а с ним и тучного скота. Одна мечта – где бы и что бы украсть, конечно, соответственно образованию. Аттестатов и дипломов завалились, водки – тоже, но работы и никакого скота нет. Некому пасти,

некому разжечь костер в степи и, встретив одинокого путника, угостить его крепким чаем и наговориться всласть... А он и чай пил в степи, и беседы вел, и слушал, как шуршат травы и шумно дышат в ночной степи скучившиеся овцы.

**Я помню дикие картины
Далекой родины моей,
Уединенные долины
И длинных ряд нагих степей...**

Впрочем, что же я остановился? Вперед, вперед на Аргунь, на берегах которой Бальдауф мечтал о Дабасу-Норе и представлял восхитительную поездку верхом, редкие минуты уединения, когда никто и ничем не мешает. Поэту можно помочь только одним – не мешать. И в эти минуты он видит:

**Где и татарин, и даур,
И добродушные тунгусы,
Расставив длинные улусы,
Беспечно дни свои ведут...**

Интересно, какой дорогой он ездил, да и были ли в то время дороги? Может быть, напрямиком, через сопки или берегами речек, задевая стременами густые кусты черемухи и боярышника? Вот базановский ключ, откуда бурлит газами крепчайшая вода. Как много прекрасных мест в Забайкалье, но дальше Базанова – еще лучше: густые леса, великое разнотравье, шумящие реки и бурлящие ключи. Как любил Бальдауф родные места и как ненавидел казенную работу, где был вынужден писать и переписывать бумаги, пить водку и наблюдать за жизнью лицемерных чиновников, в руках которых была его судьба! И он все время просился в экспедицию. На вольный воздух, леса и степи, где так свободно и ровно рождаются строки при взгляде на бурятскую девушку, без всяких претензий и прекрасную в своей скромности:

**Ты так мила в своем наряде!
Цвети, пустыни красота!
Веселых юношей к отраде,
А мне мила ты, как мечта,
Как песнь любви – души созданье!**

Помнил ли он о своих немецких корнях? Он родился в Благодатском руднике, который и сегодня остался в запустении двухсотлетней давности. Родители его шихтмейстер Нерчинского горного округа Иван Карлович Бальдауф и Софья Егоровна Лависова. Шихтмейстер – это горный чиновник XIV класса. Иван Карлович Бальдауф родился в Саксонии, закончил Горный кадетский корпус в Санкт-Петербурге. Софья Егоровна Лависова была гувернанткой управляющего Кличкинским рудником. Детей они воспитывали сами. Александра, Федора и трех дочерей обучали грамоте, арифметике, немецкому языку. Но у первого поэта Сибири упоминания о Германии я не нашел. Только Забайкалье, его родина, глубочайший интерес к ее истории, культуре народов. Он будто чувствовал себя их родственником. И на берегах сверкающего под солнцем Онона, и у подножий фантастических силуэтов Адун-Челона, на стойбище кочевников, разглядывая луки и колчаны. Он любовался бурятской девушкой по имени Бальджа и мысленно слал:

**Нет, дева степи, не забыть
Во дни судьбы моей ненастной
Твой образ смуглый, но прекрасный...**

Какая же у поэта могла быть судьба – только ненастная, но душа – светлее не найти. Именно таким и должен быть поэт. Не потому ли и я в ненастные дни мой судьбы часто обращался к Федору Ивановичу Бальдауфу, и полог мрачных мыслей начинал резжить неясным светом, а дух крепчал с каждой минутой. Я – не один такой, есть другой, более ранний, который первым в Сибири прошел по кремнистой дороге русской поэзии. Он тоже укреплял свой дух поэтическими строками и магическими наваждениями:

**Я – тверд душой и без смятенья –
Морей пучины преплывал.**

За Александровским Заводом – Калга, дальше – Явленка, где роют золото до сего дня, потом – Михайловка, названная по имени первого частного заводчика Михаила Сибирякова, плиты которого с рудой шли по Аргуни до деревни Записино. Там, в глухой тайге, можно еще найти обгорелые печи. Бальдауф, наверное, видел их... Но вот и Ивановка, Воздвиженский рудник, уже видна Крестовка и первые дома Нерчинского Завода, где в свое время жили лучшие умы России, создавшие сереброплавильное дело. Бальдауф работал и томился вместе с ними. И, мечтая написать поэму (не дело поэта!) о горнозаводских рабочих, горячо признавался своему другу, тоже поэту, Алексею Таскину: «Я сумел бы изобразить наши подземелья, внутренность рудников, этот полусвет у забоев и смесь синевы с бледностью на лицах рудокопов перед огнем бленды, и мрак вдали забоев, и звон цепей на ногах ссыльных, работающих у насосов». Но он был поэтом и рифмованного рассказа (поэмы) не получилось, да и не могло получиться. В самом признании уже есть картина подземелий и рабочих...

Мы прибыли вместе с ним в Нерчинский Завод. Вот дома, в которых жили начальники заводов, француз Барбот де-Марни, Мусин-Пушкин, горный инженер и писатель Черкасов, первый журналист Забайкалья Багашев. А вот замечательный двухэтажный дом Кандинских. С этой семьей дружил и Федор Иванович Бальдауф. Наверное, богатые купцы просто баловали бедного поэта, которого не жаловало начальство за пристрастие к питью водки. Когда человек пишет стихи, а все вокруг работают без воображения, тогда и кажется, что весь мир укоряет его. Невольно запьешь. Хотя поэт способен любую работу лучше простого человека сделать. А это опять же будет укором людям... Но продолжим о нем.

В 13 лет, в 1813 году, он вместе с братом отправился в Санкт-Петербург на учебу. Братья поступили в Горный кадетский корпус, где некогда учился их отец. Здесь царил атмосфера науки и искусства, помимо обязательных предметов, обучали языкам, танцам, пению, фехтованию. Поощрялись занятия сочинительством. На выпускных экзаменах присутствовали Н. М. Карамзин, И. А. Крылов, В. А. Жуковский. Преподаватель поэзии и мифологии А. А. Никитин ввел братьев в «Вольное общество любителей словесности, наук и художеств», а также в «Вольное общество любителей российской словесности». Здесь выступали Федор Глинка, Александр Бестужев-Марлинский, Кондратий Рылеев. Здесь же уроженец далекого Забайкалья Федор Бальдауф встретил Александра Пушкина... Они не были знакомы. Может быть, близко не сошлись и в ту встречу. Но был, был в Забайкалье поэт, который открыл в столичных салонах неведомый и далекий мир берегов Онона и Аргуни, даурской степи, бурят и хамниган! Это была его родина и его мир. По этой земле он тосковал. Представленная им повесть о любви бедного охотника Кавиту к дочери богатых родителей Тунгильби была высоко оценена критиками. Это был опять же мир бурят и хамниган того времени.

Беда следовала одна за другой: в 1818 году, в Кутомарском заводе, от руки каторжника погиб отец, брат Александр заболел чахоткой и вернулся в Нерчинский Завод, где впоследствии умер...

Через десять лет, в 1823 году, сдав выпускные экзамены, Бальдауф возвращается на родину – в Нерчинский Завод, где по словам М. М. Сперанского «Бездна зла и очень мало способов к добру». Но здесь родина, к тому же здесь – библиотека, лаборатория, магнитная обсерватория, горное училище. Есть здесь и музыка, и свои сочинители. Во всем Забайкалье – мрак, а здесь – культура. Но и этот мир тяготит поэта. В 1828 году он побывал в экспедиции на борзинском соляном озере Дабасу-Нор. Там глотнул вольного воздуха, а не бумажную пыль. И потому в 1834 году снова попросился туда:

**Душа летит в поля широки,
Туда, туда, где свод высокий
Лазурью чистою облит.
Где неба путник одинокий
Светлее блещет и горит.
Где дух поэта, мощный, смелый,
С твореньем бога говорит...**

.....

Пошлите Вы меня туда!

Там нет высокомерного начальства, канцелярских бюрократов, там нет чувства, что весь мир его укоряет, от которых можно спиться. Там нет удушающих подземелий и галид, там не слышно звона цепей. Там – свобода!

Просьбу оценили, и Бальдауф был отпущен. Что ж, отправимся обратно и мы с ним. От Нерчинского Завода – до Дабасу-Нора... Именно там его ждет гармония.

И вот он снова начал писать мощно и вольно. В июне была закончена поэма «Авван и Гайро» – история о любви русского юноши и девушки-хамниганки Гайро, потомки которой, наверное, и до сего дня обитают в моих родных степях, у берегов речки Борзи, подножий Адун-Челона. Транскрипция, конечно, у Федора Ивановича абсолютно неправильная. Но не в этом дело, а дело вот в чем, вслушайтесь:

**... Там великан Адун-Челон
Своими вечными скалами
Стремится слиться с облаками;
Там блещет озеро струями;
Над ним кружат станицы птиц;
Табун игривых кобылиц
На скалах там холмов гуляет;
Здесь горделиво сын степей –
Верблюд горбатый выступает,
Там ходит стая журавлей,
Здесь в море солнечных лучей
Веселый жаворонок порхает,
А там, усевшись на бутан,
Лукавый, хитрый тарбаган
Проезжих свистом окликает...**

Каково! Конечно, из архивных документов, мне хорошо известно, что первый поэт Сибири Федор Иванович Бальдауф при жизни не был признан. На Дабасу-Норе он побывал еще один раз в 1838 году, перед смертью, а в начале 1839 года отправился в Санкт-Петербург с караваном серебра. По дороге простудился, он давно болел чахоткой. Умер в екатеринбургском госпитале. Могила его неизвестна... Такова жизнь поэта.

Все это печальные факты, а факты всегда сбивают в полете мысль, омертвляют настоящую жизнь и поэзию... Мы вернулись с ним из Нерчинского Завода в степь, на Дабасу-Нор и Адун-Челон. Оставим его там. Он был там два раза, а теперь вернулся в третий раз. Здесь он писал свои лучшие стихи. Значит, здесь он и останется. Пусть наш родственник сидит на бутане, покусывая травинку, ждет свою Гайро и мечтательно слагает:

**В ее устах не дышат розы,
Но дикий огненный ургуй
Манит любовь и поцелуй;
Я видел в зимние морозы,
Как на полночных небесах
Зарница яркая сверкает:
Так у тунгуски на щеках
Румянец девственный играет...**

Не мешайте ему. Пусть он отдыхает от невзгод и людей, подарите ему покой, все равно он весь достанется людям. Он будет сидеть там долго, пока не изольет в строках любовь и мечты, горе и радость – всего себя. А там – вся судьба поэта, там же – и наша судьба.

Виктор Балдоржиев.

* * *

Кто долго жил в Сибири,
друг мой строгий,
чей след терялся на десяток лет,
до слез взволнован,
удивлен, растроган,
когда письмо иль дружеский привет
его отыщут в Нерчинских Заводах
(пылил, пылил почтовый грузовик),
как много дум высоких, благородных
к нему приходит в этот редкий миг.
Отечество. Народ, Служенье долгу.
Потребность правды.

Жажда красоты...
И он уйдет в себя и долго-долго
глядит в окно на мерзлые хребты.
Все испытывший,
столько переживший
в той жизни, что хватило б на троих,
российский юноша, не утоливший
страстей своих и помыслов своих.
Безвестные лежат в снегах дороги.
И он, чей след завьюжила зима,
вам будет благодарен,
друг мой строгий,
за двадцать строк
негрустного письма.

Илья Лавров в Чите

В те годы жил, как приискатель,
среди домишек и дворов
актер, нешуточный писатель
Илья Михайлович Лавров.
В пальто, поношенном изрядно,
души и денег не тая,
он по-старинному отрядно
взирал на прозу бытия.
А, впрочем, что такое проза?
Лавров возвышенно парил,
он воробья и паровозам,
бывало, речи говорил:
— Я вас люблю! — и в целом — мире
стихали вьюги и ветра.
В его немислимой квартире
мысль пировала до утра.
Умен и зорек от природы,
талантливый на доброту,
«Куда мы движемся, народы?» —
он думал, глядя на Читу.
И в час отъезда вдруг устало
сказал: «Забудете Илью.
А знасте, каким я стану?
Кем стану... если не запью?»

Письмо другу

Очарованье Путиным погасло.
Сейчас у нас в провинции, мой друг,
о том писать
и размышлять опасно —
свирепствует реакция вокруг.

Чем дальше — хуже, и необратимо
темнится ворс восточного ковра.
А «нравственность»
и «власть» несовместимы,
как, например, «крещенская жара».

Все призрачно, лукаво и тревожно,
но, если мыслить зорче и точней,
не провоцировать ту силу можно
подпольною работой... Но от ней

отвык народ, хотя и видит с болью,
куда летит безгласная страна.
Страшусь я мысли,
загнанной в подполье,
в России разрушительна она.

Там зреет сила и вскипают страсти,
визжит алмаз, порезавший стекло.
А казнокрадство в аппарате власти —
в Сибири говорят «зело борзо».

Но слепота у правящего класса
лелеет этот призрачный успех.
Очарованье Путиным погасло.
И все теперь прослушивают всех.

* * *

Интуиция совести — это
Божий промысел в жизни поэта.

И живет он, любим и гоним.
Белый ангел витает над ним.

Что свершил — исполнение обета.
Что содеял — одобрено это.

Росстань. Ночь. Вкруг себя очертясь,
он выходит на дальнюю связь.

Все неведомо, смутно, туманно,
но гудит мировая мембрана.

И доносится до человека
плач ребенка, молчание ээка,

марш военный, чеченское зло,
как наколка на сердце его.

Ход светил и свеча пред иконой —
все вершится по жестким законам.

Вот и пишет. Ночами не спит.
Ось земная скрипит и скрипит.

А поймет отдаленное эхо —
здесь поэту и нам не до смеха.

* * *

Ничто не сорвется без боли и мук —
бадейка в колодец и лебеди в лето,
пружина, издавшая раненый звук,
зажатая чутким курком пистолета.

А сердце? Когда зазвонят соловьи,
ударит внезапно, сожмется,
зайдется.

Не пой мне сибирские песни мои —
зайдется, потом оборвется...

На холме Чингисхана

Дремал Керулен.

Ковыли золотились.
Но, вечно синееющим небом гоним,
он встал, и

тумен за туменом скатились
на влажную грудь
европейских равнин.

Столетия прошли.

И припав на колено,
молился со мною монгол у огня.
Еще тишина...

Потрясатель Вселенной,
еще есть мгновенье. Не трогай коня!

* * *

Принародно или в час безлюдный
он придет однажды и к тебе,
разговор мучительней и трудней
о несостоявшейся судьбе.
Вспыльчивость и редкие удачи
не помогут — и не те лета.
На земле мы значим то, что значим.
Остальное ложь и суета.

* * *

От распада смертного и тлена
я избавлен — сбережет меня
мною освобожденное из плена
слово,
как защитная броня,
не подвластно ржавчине забвенья,
холоду прощальной колеи.
Жизнь и смерть, любовь и удивленье
в нем увидят правнуки мои.
Я же буду счастлив от сознания,
что, уйдя в теснины немоты,
не оставил там, где был, зиянья,
промежутка или пустоты.

Владимир Губа

Чита – Новосибирск

Неприступное небо

Ты меня разлюби
— стань свободной.
Я с тобою, как снег на печи.
Будь сестрой мне
— любимой и сводной,
От назойливых слов отучи.

Будут ночи беззвездно-спокойны,
Будут росы к утру холодны.
Почему ты так странно устроена —
Помнишь только счастливые дни.

Не хочу быть в толпе разноликой,
Даже в первом, почетном, ряду.
Ты когда-нибудь слышала крики
В нескончаемо-жутком бреду.

Этих криков тягучее эхо
Гасит звуков мажорный прибой.
Я еще никуда не уехал,
И уеду — останусь с тобой.

Мрачных мыслей
настойчивый зуммер
Душу в жестких запутал цепях.
Чем я жив? Почему я не умер?
И умру — не забуду тебя.

Ты меня излечила от злобы —
Изначальной, врожденной, слепой,
Отогрела и бросила чтобы
Стал я прежним самим собой.

Но остался, как гость инородный,
На никем не измеренный срок
В безнадежной пустыне безводной
Уходящего чувства цветов.

Чем желаннее скрежет зубовный?
Разве хуже приветливый взгляд?
Выбирай — или глупый любовник,
Или все понимающий брат.

Бесконечной ноябрьской тьмою
Наши беды надолго завьет.
Без меня ты взойдешь на седьмое,
На высокое небо свое...

Но когда-нибудь вечером майским,
Всех случайных гостей разлюбя,
Ты вернешься из прожитой сказки.
Я как брат пожалую тебя.

Мы былое слезами омоем.
Будешь ты вспоминать не спеша
Про высокое небо седьмое,
Где неправедным трудно дышать.

По домам разбредемся, по семьям.
Каждый
— в свой неухоженный край.
И поверим в усталую землю,
И забудем потерянный рай.

Но порою пугающе-немо,
Растревожив душевный застой,
Будет нас неприступное небо
Укорять изумрудной звездой

Воспоминание о Тройке

Позади самолёты, позади поезда,
впереди — лишь больничная койка.
Я сегодня узнал, что уже никогда
нам не мчатся на бешеной Тройке...

Ты представь на часок —
белый конь, белый снег,
ямщик весел — добряк и пропойца.
Это было давно,
может даже — во сне,
но звенят до сих пор колокольцы.

Ты представь на часок —
как полозья поют,
как храпят горячо черти-кони!
А за нами летит,
словно звёздный каюр,
ярый месяц, устав от погони.

Так торжественно здесь,
видно — кто-то воскрес!
Города презирая и сёла,
в изумрудные степи,
в серебряный лес
лихо мчит нас возница весёлый.

Эй, кто спрятан в лесу?
Кто нам рад — отвечай?!
Встретит домик
с высоким крылечком —
там прозрачно вино, там еда горяча,
и трещит, как положено, печка.

И всю ночь за окном
незатейливый гимн
будет петь чей-то голос старинный.
Но проснусь я один,
ты очнёшься с другим —
вот такая у сказки кончина.

То ли где-то читал,
то ли видел в кино,
то ли в песне соврал
тот пропойца,
может — было во сне
или очень давно,
но звенят до сих пор колокольцы...

Прохудилась одежда, зачерствела еда,
не спасут ни стихи, ни попойка.
Я сегодня узнал — никогда-никогда
нам не мчатся на бешеной Тройке.

Соната Шуберта

Красивая, таинственная — кто ты?
За встречу запоздалую — мерси.
Поют непредсказуемые ноты,
но плачет предсказуемая СИ.

Красивая, нам вместе быть —
едва ли,
но чёрт возьми привычку
помечтать...
Я помню — в самом ясельном начале
мне вот такую песню пела мать —

Там был бабай —
смешной такой, нестрашный,
и кот там был — бродяга и подлец...
Была там ты —
по сказке Девка Красна,
и я — по сказке Добрый Молодец.

Ах, мама, мама! Что мне твоя вера,
когда годами обогнал тебя,
когда вокруг гуляет столько стервы,
напевное, заветное гуля!

Но, нахлебавшись
грязного до рвоты,
задув по пьянке верности свечу,
красивая, таинственная — кто ты?
Зачем так глупо, бережно шепчу?

Стыжусь былого —
дней пустых и грешных.
Нарывом зреет вдохновенный стон.
Твоей игры солидная небрежность
уносит нежно — в омут или в сон?

Проснуться нет ни силы, ни охоты.
Суд музыки — он самый высший суд.
Красивая, таинственная — кто ты?
В небесном хоре как тебя зовут?

Я думал, что вино меня погубит,
иная есть отравка — просто звук.
Роялем воскрешённый
дивный Шуберт
рыдает от твоих волшебных рук.

Женщины России

Меня спасали Женщины России,
кормили и поили иногда...
Их вдохновлял, конечно же, Мессия,
их грела Вифлеемская звезда.

Меня любили —
больше или меньше —
тащили из неволи и со дна.
Меня спасало много
добрых Женщин...
Но погубила только лишь одна.

Юрий Локтев

Чита

Главы из романа

Пролог

Глава 1

Уже много раз ему снился один и тот же, повторяющийся, словно театральное действие, сон. Впервые привиделся в раннем детстве. Это всегда происходило почти реально, в какой-то мере он был участником сна, но не мог никаким образом проявить свою волю, изменить ход событий.

Желание проснуться терзало душу. Но он должен был смотреть... чувствовать...

Вначале сна появлялось физически осязаемое чужое присутствие. Из песчаного вихря возникало ширококостное, суровое лицо, испещренное глубокими морщинами. Прикрытые глаза с дряблой кожей век, жесткая борода. Образ то растворялся во мраке, то возникал вновь. Песчинки под дыханием бури осыпались – лицо казалось живым... Борода старца шевелилась от порывов.

Потом откуда-то налетал ветер, лицо рассыпалось на мелкие части. Появлялось пространство, проступали бредущие сквозь песчаную пургу, закутанные во все черное фигуры людей. Они медленно и долго проходили мимо, мимо... Появлялись обозы, всадники на лошадях, а невидимый над рыжей бородой рот едва слышно шептал одно и то же слово:

– Агарты... Агарты...¹

Скрип повозок, бряцание оружия, звяканье колокольчиков, гортанные злые крики. Ощущение тревоги и беды...

Сотни, тысячи призраков возникали из ниоткуда и, показавшись на мгновение, исчезали.

А голос шептал странные слова:

– Джо Чи, Субудай, Хулагу...²

Ветер усиливался. Горячий песок проникал всюду, набивался в уши, нос, рот... наступало удушье.

Старческое лицо начинало менять очертания, сжимаясь в гримасы в явном усилии распахнуть глаза... Стремясь разлепить веки, старец прилагал столько усилий, что начал испускать наводящий ужас дикий рев... В прорезях глаз вспыхивала полоска странного мертвенного света...

Он в ужасе просыпался: вокруг был привычный мир. Но отголосок сна напоминал о его невидимой оборотной стороне...

1. Агарты. По легенде более 60 тысяч лет тому назад целое племя во главе со святым исчезло под землей. Святой стал царем вселенной, он знает все силы мира. Невидимо он управляет сотнями миллионов людей, живущих на поверхности земли.

2. Джо Чи, Субудай, Хулагу, видные военачальники и князя Чингисхана.

В середине апреля 1911 года неподалеку от Атаманской площади на стыке двух читинских улиц, Софийской и Амурской, среди белого дня произошло ничем не примечательное событие: с превеликим трудом разминулись две повозки.

Одна, запряженная парой крепких ломовых лошадей, угнула колесом в единственную на перекрестке глубокую рытвину и норовила опрокинуться. Другая – легкая, с откидным верхом пролетка, пытаясь объехать стороной злосчастную тяжело груженую фуру, едва не зацепила кожаными боками торчащие из нее толстые струганные плахи.

Из пролетки выскочил крепкого сложения большеголовый молодой казачий офицер и, подмигнув чернявому худенько-

БЕЛЫЙ ЯР

му подростку, пытавшемуся удержать падающий на бок воз, уперся плечом в высокий решетчатый борт.

– А ну, орел, возьми правую под уздцы! – и, когда парнишка уцепился за сбрую, крикнул: – Тяни коренного! Пошел!

Лошади дружно потянули, и фура, выскочив из рытвины, благополучно выехала на проезжую часть.

Широкое лицо казака осветилось на миг озорной улыбкой.

– В другой раз не зевай, герой! Будь здоров!

Пролетка укатила к вокзалу, а парнишка, забравшись в повозку, недовольно сопя, устроился рядом со спящим во хмелю отцом, долговязым чернявым человеком лет тридцати пяти с кучерявой редкой бородкой. Парень хлопнул вожжами по крутым бокам коренника и направил повозку по ухабистой пыльной улице.

День был погожий, ясный. Легкий ветерок относил от станции едкий паровозный дым, под заборами уже пробивались первые зеленые стрелки травы. Прохожие, оказавшиеся свидетелями быстротечной сцены на перекрестке, вскоре забыли это происшествие. Да и кто мог вообразить, что пролетка увозила к поезду будущего грозного атамана? Семенов и сам об этом не догадывался, поскольку был отчаянно молод и, кажется, счастлив. Путь молодого хорунжего лежал через родной Куранжинский караул в сторону Монголии, куда он был командирован от своего полка для производства маршрутных съемок.

Повозка, груженная домашним скарбом и досками, везла отца большого семейства мастера-кирпичника Зыкова Василия Петровича и его старшего сына Николая к месту нового проживания с мало о чем говорящим названием Белый

Яр. Однако названия просто так не даются. Все дело в том, что инженерно-изыскательская служба России радела за процветание своего отечества. Именно поэтому железная дорога Транссибирской магистрали проходила вблизи встреченных месторождений полезных ископаемых: Замятинский, Собещановский и другие угольные рудники оставались к северу от железнодорожного полотна, но так близко – только руку протянуть.

От Черновских копей дорога взбиралась полого в гору, заворачивала в сторону Ингоды и далее шла в полусотне саженей от крутого обрыва, в борту которого обнажались пласты белых огнеупорных глин. Место называлось Белый Яр или попросту Белоглинка.

Между рельсами и обрывом тянулся пыльный и совершенно разбитый Московский тракт. Домики и длинные сараи, лепившиеся вдоль обрыва, принадлежали известному в Чите хозяину Абраму Ильичу Юдовичу. Сам старик, отойдя от дел, жил здесь же, занимая просторный пятистенок с тенистым, ухоженным садом.

При нем, как тень, находилась пожилая работница по имени Феня. Нескладная, некрасивая, кривая на один глаз, она, словно верная собака, была привязана к Юдовичу, ухаживала за ним, хозяйничала в доме, к тому же отменно стряпала, и старик был доволен этой безмолвной опекой.

Игнатовский кирпичный завод (по фамилии прежнего владельца) – невеликое, но, при умелой постановке дела, прибыльное предприятие. Над входом в конторку висела скромная вывеска «Юдович и компания», хотя на фирменной печати значилось – «Равве, Юдович и компания».

По утрам, опираясь на палку, Абрам Ильич неторопливо ходил в конторку, сидел в стороне, внимательно слушая разговоры, и до тонкости знал, в каком состоянии дела.

– Гришка, – посмеивался он над старшим сыном – управляющим, – ты, дурень, в другой раз китайцев еще больше бери, а плати меньше. Они тебе такого кирпича нажгут – вся Чита обсмеется!

– Напрасно вы так, отец, – обижался Григорий Абрамович. – Знаете же, нет у меня добрых мастеров, а смеетесь. Дайте с Каштака или Песчанки пару человек, вот тогда посмотрим.

Но старик только усмехался. Однако время шло, восток России спешно осваивался. С открытием Новотроицких приисков быстро полезли в гору дела золотопромышленников. Чита строилась, и кирпича нужно было ох как много!

Пришло время, когда Абрам Ильич, еще более погрузневший, позвал сына, усадил его в кресло напротив себя, долго сопел, вздыхал, прежде чем выговорил:

– Вот что, Григорий. Дела мои к закату. Не перебивай! Слушай. С Песчанки заберешь сюда обжигальщика Зыкова Ваську, того, что от Ланготского. Равве скажешь, что я так просил.

Зыковы переехали на Белый Яр в апреле, поселились в бане и дружно принялись строить полуземлянку на два яруса. Григорий Абрамович отрядил в помощь двух работников, дал материалы.

Василий Петрович Зыков попал в Читу из Нижнего Новгорода в 1904 году. Приехал со всей семьей. Слыл отменным мастером кирпичного дела. Поначалу клал «голландки» в воинских казармах Песчанки и Антипихи, после работал у промышленника Ланготского, откуда и попал к Юдовичу.

Обладал Василий Петрович одной счастливой особенностью, которую сам, в общем, не осознавал. Необычайно общительный и доброжелательный, уже в скором времени он имел самые обширные и пестрые знакомства. Его доброжелательность и искреннее внимание подкупали людей, поэтому его знала едва ли не вся Чита.

Григорий Абрамович, души не чаявший в своем обжигаль-

щике, был сражен, когда сам Равве, владелец читинских строительных фирм, однажды, чем-то необычайно возбужденный, прошел мимо него, не здороваясь и скорым шагом направился прямо к Зыкову.

– Петрович! Ты только послушай! – почти кричал Равве, вцепившись сухими пальцами в рукав зыковского сюртука. – Меня городской оштрафовал! – Равве хохотнул. – Как? Ехал я, видишь ли, быстро! Каково? А? Нет, идем, покажу, на чем я ехал! – И потащил мастера за ворота, где стоял вороной жеребец Вечер, любимец промышленника, запряженный в странной формы легкий экипаж на двух колесах.

Равве был первым в Чите, кто обзавелся шарабаном с легкомысленным названием «американка». Он немедленно опробовал удивительную повозку, разогнавшись по Амурской улице. Одним из свидетелей рекордного пробега оказался городской, который отреагировал на это действие согласно своей должности. В результате Равве получил редкую возможность до конца жизни гордиться тем, что стал первым в Чите человеком, оштрафованным за превышение скорости.

Соломон Юдович, младший брат Григория Абрамовича, вел бухгалтерию кирпичного завода и через год после появления у них Зыкова уже не мог себе представить, как это прежде обходился без его помощи. Дело в том, что подрядчик Тай Хо, вербовавший в Маньчжурии китайцев для работы на заводах Равве и Юдовича, присылал людей, ни бельмеса не понимавших по-русски. Василий Петрович как-то незаметно быстро освоил китайский счет и необходимые для общения фразы. Без его посредничества в скором времени никто уже не мог обходиться.

– Ну, Петрович! – с завистью выговаривал Соломон. – Будь у меня твои задатки, да не будь я евреем, стал бы, глядишь, губернатором. Ишь ты, санга-лянга!

Рабочие китайцы жили на Белоглинке в двух длинных деревянных бараках. Добросовестные и безропотные, они с лихвой отработывали свои тощие заработки и оставались при этом довольными. Василий Петрович всячески старался помочь им при расчетах, чтобы все было «ице ту хао» – в порядке.

Китайцы вручную добывали глину и возили из карьера на телегах, понукая хозяйских битюгов. Высыпали ее в творило (громадное корыто, сбитое из толстых досок), смачивали водой из громадных бочек на повозках и гоняли по творилу пару старых коняг, добросовестно мявших глину копытами. Лошади были тоже покорными, видимо, понимая, что следующий этап их жизни – дорога на живодерню. Они всеми силами старались доказать свою пригодность к работе, поэтому выходили из творила крайне редко, только чтобы слегка просушить сопревшие от постоянной сырости копыта.

После замеса глину выгребали лопатами на дощатый настил, укладывали полукругом, накрывали от солнца мокрыми мешками и готовились формовать кирпичи. Днём кирпич не формовали, дожидаясь вечерней прохлады или пасмурной погоды, чтобы при сушке не лопался.

Сырец бережно клали в два ряда под навес, неровности равняли деревянной лопаточкой. Один замес давал около тысячи кирпичей, а в печь для обжига клали до восьмидесяти тысяч. Все делалось споро и точно. Обжигали кирпич только сосновыми дровами из-за ровного жара и малого веса чурок.

Василий Петрович ревностно следил, чтобы кирпич был ровно уложен, правильно просушен, без трещин и сохранял форму. Обходился без помощника, потому как сын Николай вскоре поступил чернорабочим на замятинские угольные копи, чем удивил всех. Даже старый хозяин Абрам Ильич, увидев как-то Василия Петровича, спросил удивленно:

– Не пойму, Петрович, почему твой Николай не захотел

кирпичным ремеслом заняться? Что ни говори, а вырос он на кирзаводе. Все ему тут с руки.

Василий Петрович, правивший кирпичи, из уважения к старику отложил работу и, откинув выбившуюся прядь, отвел:

– Так ить, кто их, молодых, поймет? Ремесло, оно, Абрам Ильич, говорят, от Бога дадено. «Не хочю», – говорит, и все тут! – Обжигальщик огорченно развел руками.

Николай за год освоил все нехитрые шахтерские профессии и уже стал обучаться взрывному делу, когда в мире начали происходить непонятные перемены.

Глава 2

Начальник Оренбургского высшего кавалерийского училища генерал Слесарев, выйдя к середине строя юнкеров, торжественно провозгласил:

– Господа! Свидетельства об окончании училища с отличием вручит войсковой старшина Оренбургского Казачьего Войска господин Дутов Александр Ильич!

Высокий подтянутый казачий офицер, грудь которого была щедро усыпана боевыми наградами, четким шагом подошел и встал рядом с начальником училища.

– Юнкер Первой учебной сотни Семенов Григорий Михайлович!

Крепко сбитый, среднего роста молодец с явно восточными чертами лица строевым шагом проследовал к середине строя и, повернувшись лицом к началству, застыл навытяжку.

– За отличную учебу, отличную дисциплину и выдающиеся успехи в боевой подготовке вручается свидетельство с отличием, присваивается офицерское звание «хорунжий» и вручается почетное направление для прохождения военной службы в Первом Верхнеудинском полку. Приказываю в недельный срок явиться в Троицкосавск в распоряжение командира полка полковника Келлера!

Свидетельство, погоны и пакет с направлением перекевали в руки Семенова.

– Поздравляю, господин хорунжий! – козырнул Дутов.

– Рад стараться!

Вернувшись в строй, Григорий, обладавший необычайно тонким слухом, уловил, как Дутов шепнул на ухо Слесареву:

– Нет, ты только глянь на этого гурана! Он и ухом не повел! Ей-ей, шельма!

Бывшие юнкера один за другим покидали строй и возвращались обратно уже в чине младших казачьих офицеров.

Семенов понимал, что дела его слагаются прекрасно. Кроме того, утром из Второй учебной сотни в казарму явился известный всему училищу оболтус Севка Нестеров, и опустив с шутовской жеманностью глаза, прогундосил во всеулышанье:

– Семенов, я к тебе по деликатному поручению. Ох, уж мне эти дела сердечные!

Григорий насторожился, гадая, какую проказу готовит юнкер.

Севка продолжал, медленно вытаскивая двумя пальчиками из кармана гимнастерки розовый конверт:

– Теперь вот мундир духами благоухать будет. Получите, господин будущий хорунжий! – и тут же отскочил подальше, уловив многообещающий взгляд покрасневшего Семенова.

– Я тебя сейчас в сортир окуну, чтобы ты по-другому пахнул. Хочешь?

Севка, естественно, не хотел и быстренько ретировался, изображая обиду и сетуя на черную неблагодарность товарища.

Два листка, исписанные мелкими буквами с затейливы-

ми завитками, содержали тайное донесение, от которого слегка кружилась голова и приятно щемило возле сердца.

Зиночка. Зинаида Дмитриевна Манштейн, красивая, образованная барышня с безупречными манерами, существо тонкое, светское. Ее дедом по материнской линии был грек Миткас, который служил адъютантом у адмирала Нахимова, ее отец – чистокровный немец. Для многих осталось загадкой, с какой стати она обратила внимание на неотесанного казачину из глухого забайкальского караула, носящего тунгусское название Куранжа.

Григорий был, несомненно, счастлив, тем не менее, принял расположение Зиночки как должное и никаких сомнений при этом, по своему обыкновению, не испытывал.

На выпускном балу Зинаида танцевала только с Григорием, вызывая откровенно завистливые взгляды товарищей по училищу.

До Троицкосавска Семенов доехал вполне благополучно и без опоздания. Граф Келлер встретил его радушно и, распорядившись насчет размещения, пригласил свежеепеченного хорунжего в свой кабинет для беседы.

Среднего роста, сухой и очень подвижный, полковник сразу пришелся по душе Семенову радушием, приветливостью и простотой в общении. Граф усадил Григория в кресло и без обиняков сказал:

– Твое личное дело я прочел. Откровенно говоря, меня заинтересовало, все что касается твоего происхождения, родителей и связей семьи, особенно ваше родство с монголами. Скажи, хорунжий, у тебя есть какие-нибудь свои пожелания или планы относительно дальнейшей службы? – Келлер вприщур разглядывал собеседника.

– Никак нет, господин полковник. Меня полностью устраивает мое распределение в полк.

– Хм. Звучит неплохо. А какую должность ты хотел бы получить?

Семенов пожал плечами.

– Я не думал об этом. Согласен на любое назначение.

– Совсем неплохо! – полковник откинулся на спинку стула. – А в Монголию на топоработы поедешь?

– Так точно. Ваше превосходительство, я родился на границе. В Монголии у меня много знакомых, есть даже родственники. Я там дома.

Граф задумчиво тер указательным пальцем переносицу:

– Ну, что же, хорунжий, поздравляю с зачислением в полк. Работы у нас достаточно, скучать не придется.

Полковник недолго помолчал и сказал тоном приказа:

– Готовься к длительной командировке. Поедешь в Ургу на производство топографической съемки.

Лето в разгаре, зной и порывистый ветер, несущий горячую пыль с выбитых бесчисленными стадами скота троп и дорог, мириады жадных до крови слепней, зеленые мухи, бляение баранов. Гордые силуэты медлительных верблюдов, вдали белые контуры юрт, бескрайние пастбища и характерные для северных районов страны перелески из берез, осин, лиственнок. Обычная картина любого района Внутренней Монголии.

Из густого березняка на опушке рощицы донесся нетерпеливый возбужденный голос:

– Ваше благородие, одного хватит? Их тут уйма!

Семенов, разбиравший походный планшет на треноге, тихо выругался:

– Заставь дурака Богу молиться, он и лоб расшибет! – и уже громко в сторону леса: – Хватит! Тащи сюда, и поскорее!

Молодой монгол в цветном халате, помогавший Семенову, усмехнулся и сказал по-русски:

– Увлекается твой Сашка. Ему бы жениться, а он по степям с тобой мотается. Одна отрада – охота.

– Рассудил! – Семёнов хмыкнул и глянул на монгола. – Ты что, не видишь его? Вся порода в инохода, один дедушка рысак. Ему дай волю, он здесь всех инжиганов до самой России выхлещет, – и, строго, приказным голосом, – Сашка! Тащи козу сюда! Ободрать и через десять минут доложить!

Из перелеска на буланой низенькой лошадке выехал казак, одетый в полевую форму, с винтовкой за плечами и направился к Семёнову. Сзади, на верёвке, привязанной к луке седла, тащился по траве крупный самец косули с ветвистыми рожками.

– Десять минут! Да я, ваше благородие, быстрее управлюсь!

Сашка Подойницын, молодой долговязый казак с унтер-офицерскими нашивками, не скрывал счастливого блеска в глазах.

– Вот охота так охота! Ваше благородие, ведь даром что не дзерены, а их, тута тоже, будто блох на собаке! Я сегодня, паря, такой кондёр сварю – язык проглотите! Вот, ей-Богу!

Глава 3

Заканчивались маршрутные съёмки местности, проводимые по заданию Генерального Штаба. Недавние военные действия в 1900 году по подавлению «боксерского» восстания, показали, насколько слаба картографическая основа планирования военных операций. Такой пробел следовало как можно оперативней восполнить.

Картировалось громадное пространство от Барги на востоке до Эгин-Гола на западе, практически на всем протяжении границы с Внутренней Монголией, через Халху до верховьев Селенги.

В поездке к баргутам³ Третью военно-топографическую команду сопровождал Намсарай-гун,⁴ Четвертую – молодой государственный чиновник из окружения Богдо-Гэгена. Чрезвычайно подвижный и умный монгол быстро сошелся с Григорием, выделяя его из всего офицерского состава команды.

Восстание, вспыхнувшее на юге Китая в 1900 году из-за иностранного засилия со стороны Англии, Франции, Германии и Японии носило название «боксерского», потому что на знамени восставших был нарисован увесистый кулак. Впрочем, оно имело и другое имя – восстание «Ихэ-туаней», что переводилось примерно, как «Свобода во имя благополучия». Постепенно беспорядки продвигались на север, пока не достигли территории строящейся КВЖД. Здесь восставшие принялись разрушать только что построенную дорогу и из 1400 километров готовой железной дороги умудрились полностью уничтожить 1000 километров. Тогда к подавлению подключилась и Россия, послав в Китай свои забайкальские казачьи полки под командованием генерала Ренненкампа. Совместными усилиями восстание было подавлено.

Эта война больно ударила по народам, населявшим Китай. Окончание военных действий вызвало массовое переселение обездоленных китайцев из южных районов Поднебесной в менее заселённые районы сопредельной страны, ставшее вскоре настоящим бедствием для монголов.

Григорий, не переставая, допекал Намсарай-гуна, пытался выведать его мнение о происходящем. Монгол долгое время отшучивался, но однажды, после очередной встречи с многолюдным китайским караваном, направлявшимся в глубь Монголии, не выдержал:

– Глянь, казак! – Намсарай-гун со злобой ткнул пальцем вслед уходящей веренице повозок и лошадей. – Это то, что называется экспансией! Представь, что твою родину постепенно и незаметно занимают чужаки. Ты знаешь наших! – Монгол с болью смотрел на удаляющуюся процессию. – Верят всему и покорны, словно верблюды.

– Может быть, это не так страшно? – Семёнов попытался успокоить друга. – Вон какие у вас просторы!

Намсарай-гун внимательно глянул на Григория.

– Не шути этим, казак! Это мой народ. У него душа невинного ребёнка. Их обманывают, облагают налогами, втягивают в долги, превращают в рабов. Китайцы теперь повсюду, словно тучи саранчи, – монгол сердито засопел. – Думаешь, у нас тихо? Как бы не так! Ты скоро поймёшь многое, дай вернуться в Ургу.⁵ Люди только и ждут толчка. В девятьсот четвертом во Внутренней Монголии объявился какой-то Тохтово Тайджи с отрядом бандитов. Объявил, что восстал против китайцев, нашумел, и теперь он для всей Халхи герой. Мотай на ус, казак, это только цветочки...

Не напрасно ещё в Троицкосавске, перед самым отбытием в Монголию, Артур Артурович Келлер просвещал своих офицеров, как себя вести в чужой полудикой стране. Он открыто предупредил подчиненных, что в Их-Хурэ назревает переворот, что движение против китайской экспансии возглавляет не кто иной, как фактический владыка страны, восьмой перерожденец Будды Майтреи, почитаемый в стране за живого Будду. Имя его – Хутухта-Джебцун Дамба Очирдара Богдо-Гэген-хан. Святой, судя по всему, готовился взойти на престол, и момент для этого наступал самый подходящий...

Ужинали в жилище зажиточного арата, весьма счастливого тем, что принимает у себя таких видных гостей. В юрте, сплошь застланной белыми войлочными попонами, они сидели вместе с хозяином и его старшим сыном. Остальное семейство находилось в другой жилой юрте.

Когда выпили традиционную пиалу с молочным напитком – айраком, Намсарай-гун повернулся к Григорию.

– Не пойму как, но ты приглянулся дарханвану⁶ Норбо. Он велел мне кое о чем тебя попросить.

– Надеюсь, это в моих силах?

– Ну, конечно. Всего лишь требуется перевести на монгольский кое-какие воинские наставления. Я могу на тебя рассчитывать?

– Отчего же? – Григорий, довольный ужином, блаженно откинулся на пышные подушки. – Наставления переведу, а начну с основного для вас. Называется оно «Устав строевой казачьей службы». Ха-ха-ха!

В Ургу прибыли в начале октября. В столице не ощущалось жизни. По утрам подмораживало, ветер мотал по улицам пыль и городской мусор.

Не успел Семёнов отдышаться с дороги, как примчался вестовой от командира Шестой сотни Верхнеудинского полка, приписанной к российскому консульству для охраны, и передал приказ явиться к начальству.

В консульстве усталый, вечно чем-то недовольный, есаул Абросимов протянул Григорию телеграмму, подписанную Келлером: «Приказываю по окончании маршрутных съёмок оставить хорунжего Семёнова при Шестой сотне помощником командира до особого распоряжения».

– Теперь и тебе, хорунжий, придется сидеть в этой вонючей дыре. Небось, не обрадовал приказ-то?

– Ничего, господин есаул, мы тутешние, нам не привыкать! – ухмыльнулся Семёнов и, вытянувшись в струнку, щелкнул каблуками. – Где прикажете разместиться?

Особое внимание к своей персоне со стороны монгольской знати Григорий начал отмечать сразу же и считал это заслугой Намсарай-гуна. Проныра-монгол откуда-то взял, что видный военный чиновник Хатон-Батор Максаржав является дальним родичем семьи Семёновых, и вскоре устроил так, что Григорию пришлось в это почти поверить. В самом деле, он знал, что его бабушка происходила из знатной монгольской династии чингизидов, но значения этому

не придавал. Однако на ее родине все обстояло по-другому, поэтому внуку монгольской княжны пришлось смириться и идти на званый ужин к неожиданно обретенной родне.

Просторная княжеская юрта, сплошь увешанная дорожными коврами, заставленная затейливой, в национальном стиле, мебелью, тонула в ароматах готовой пищи.

– Сайн-байну!⁷ – Григорий, кланяясь, прижал ладонь к груди.

– Са-айн, сайн-байну! – Хозяин, мощный плечистый монгол в богато расшитом халате, поднялся навстречу гостю. – Рад видеть тебя, Григорий Семенов! Гость в доме – счастье для хозяина, родной гость – втрое дороже!

Семенов растерянно развел руками:

– Ей-Богу, Максаржав-ван, не могу взять в толк, каким родством мы с вами обладаем? Намсарай-гун уверяет, что так оно и есть, а я боюсь прослыть самозванцем.

– О! Не беспокойся! – Максаржав, смеясь, похлопал Григория по плечу. – У нас с тобой есть один великий предок. Сам Чингисхан! Почаще гляди в зеркало. Ей-ей, ты очень даже красивый монгол! Твоя бабушка, – Максаржав со значением вытянул вверх указательный палец, – она из нашего рода! И, если ты не станешь возражать, считай себя моим родным племянником! Идет?

– Идет! – Григорий засмеялся и, отбросив несвойственную ему застенчивость, шагнул внутрь княжеской юрты.

На столик поставили блюдо с дымящейся бараниной, глаза князя заблестели.

Жестом отослав женщин, Максаржав вынул из блюда голову барана и положил на столик перед Семеновым.

– Кушай, Гриша, а чего я тебе расскажу, мотай на ус.

Несколько минут Максаржав занимался куском грудинки, покончив с ней, неторопливо вытер жирные пальцы о полы халата. Князь внимательно глядел на гостя.

– Все, что я тебе по-родственному скажу, должно остаться между нами. Беседа эта заказана с подачи твоего графа Келлера. Есть у меня кое-какой должок перед ним. Соображаешь?

Семенов поднял бровь.

– Да, да! А ты думал, все просто так? Нет, дружок! В Их-Хурэ нужно кое-что знать, чтобы не попасть впросак. Уши здесь не развешивай! Гляди в оба. Дело нынче не только в том, чтобы Монголия избавилась от китайцев. – Максаржав сделал пренебрежительный жест. – С ними мы справимся, без сомнения! Но здесь много всякой дряни происходит в Шара-Ордо. – Он вопросительно глянул на Семенова. – Не знаешь? Хм. Ну, это желтый дворец Богдо-Гэгена, короче, его ставка. Хутухта хочет получить монгольский престол, а нашим ванам это – острый нож!

– Ты знаешь, – Максаржав понизил голос до шепота, – реинкарнация, само собой, интересное дело, но многие почему-то считают ее сказкой для дурней. Он же тибетец! Родился в каком-то ямыне.⁸ Короче, чернь! У нас кое-кто хочет посадить на трон хана – чингизида. – Максаржав со значением поднял знакомым жестом палец. – Нашего родича!

– Ага. – Семенов почесал затылок. И разговор, и его тема почему-то не особенно нравились хорунжему. – Ты мне только одно, дядя, скажи, как вы это все в Лхасе⁹ объясните? Кто у вас рискнет объявить, что Хутухта не годится в святые монархи? Духу-то хватит?

Максаржав нетерпеливо махнул рукой.

– Это полбеды! Беда в том, что наши верховные ламы держат сторону Хутухты! Понимаешь? Вот это – настоящий змеиный клубок! И яд у них самый настоящий. У нас ведь, как и всюду, люди объединяются по клубам, партиям, сообществам, бузят по-своему, а проще – за власть борются. Естественно, интригуют и порой гибнут самыми странными смертями. Кому поводья ядом намажут, кому четки, а кому и священную книгу. Людишки наши не часто руки моют. Вот

так! И святейший наш самолично к этим делам причастен. Я думаю, тебе с ним придется встречаться. Будь начеку! – Максаржав слегка замылся. – Знаешь, Гриша, святейший слепнет. Ты уже видел на горке над монастырем Ганданом храм? Это Мижид-Жанрайсиг, его недавно построили. Там статуя Авалокитешвары из позолоченной меди высотой семьдесят локтей! Так знаешь, не помогло! Слепнет старик. Потому, видно, и попивать стал. Ваши ему из Питера шампанское поставляют без меры. Знай и это.

Максаржав умолк, недовольно глядя на блюдо остывающего мяса. Григорий осторожно спросил:

– А кого, если не секрет, ваши на престол метят?

Хатон-Батор вздохнул и, покачив головой тихо проговорил:

– Это не секрет. Тушету Хан Даши Нима прямой потомок Чингисхана. Еще есть претендент – Дзасаку Хан Содном Равдан.

Только думается мне, что гиблое их дело. Уж больно силы неравные, да и людишки наши на Хутухту молятся. Как-никак, живой Будда!

– А ты? – Григорий вопросительно глянул на неожиданно обретенного дядьку.

Максаржав потянулся, разминая затекшие плечи.

– А я, дорогой племянник, по собственному распоряжению Хутухты собираюсь в дорогу. Скоро начнутся кое-какие события, и мне поручено вышибить китайский гарнизон из нашего западного форпоста. Про крепость Кобдо слышал?

Григорий утвердительно кивнул головой.

– Там мне будет спокойнее. А тебе мой совет. – Максаржав строго глянул на Семенова. – Старайся в открытую никого не поддерживать. Все делай с ведома своих командиров. Это – твоя броня и притом самая надежная, толщина в Россию...

Столица Монголии раскинулась дугой на южном склоне возвышенности, сбегающей к речке Толе, на другой стороне которой высилась священная гора Богдо-Ула.

Консульский посёлок, где квартировала охранная сотня, находился в южной части города недалеко от Половинки – так называли китайские кварталы. Здесь же, как бы замыкая восточную дугу столицы, высились крыши буддийских храмов Майдари-сум, Тэгчин-Калбын-сум, Цогчин, вблизи которых не позволялось ютиться юртам горожан. Зато вся юго-восточная часть, за исключением Захадыра – захлапленного пустыря, где располагался центральный базар, – была занята постройками и юртами коренных монголов, русские селились вокруг консульского поселка между монастырем Ганданом и тибетским поселением на берегу Толы.

Григорий быстро освоился в городе, благо Урга была невелика и насчитывала не более восьмидесяти тысяч населения, из которого лам, выделявшихся желто-красными одеяниями, было никак не меньше десятой части.

Единственная улица консульского поселка протянулась на полторы версты. Жили здесь консульские служащие, торговцы, ямщики, казаки, а в западной части красовался единственный каменный двухэтажный дом русско-бельгийской золотопромышленной компании «Монголор».

От поселка на восток по береговой террасе Толы дорога вела к пригороду столицы Маймачену, расположенному в трех верстах от Урги. Маймачен был исключительно китайским городком с фанзами и молельнями, яркими товарами на прилавках, мусором на улицах.

Одиннадцатого декабря, когда от трескучего мороза на Толе гулко лопался промерзающий до дна лед, правительство Монголии объявило об отделении древней Халхи от Китая и провозгласило независимость.

Поздней ночью накануне события русский консул вызвал хорунжего Семенова для получения задания. Его провели в комнату с тисненными обоями на стенах. В смежном зале за добротной резной дверью громко разговаривали и смеялись люди.

Створки распахнулись, вошел высокий, в годах, штатский в помятой фракционной паре. Семенов узнал консула. У Хенина, багрового от выпитого коньяка, слегка заплетался язык.

– Садись, хорунжий, – он жестом указал на стул возле закрытого шторой окна, а сам, придвинув тяжелую табуретку, устроился напротив Григория. – Ну и здоров же ты, казак!

Григорий вопросительно глянул на Хенина. Консул ухмыльнулся и, вынув пальцами из фракционного кармана плотно сложенный листок, протянул Семенову.

– Читай.

Это была телеграмма из Троицкосавска: «Настоящим предписывается хорунжему Шестой сотни Семенову в связи с болезнью есаула Абросимова принять командование сотней. Обеспечить порядок и безопасность дипломатической миссии. Остальные инструкции получить у консула. Келлер».

Прочитав текст, Григорий оценивающе уставился на Хенина.

– Хм. А ты, братец, видно, не прост! – дипломат, не оборачиваясь, ткнул большим пальцем в сторону двери, где продолжалось шумное веселье. – Слышишь, никому из них, а тебе велено передать: завтра Монголия кончает с китайской властью. Понял? Так вот, ты получаешь самые широкие полномочия, чтобы в Урге и Маймачене был порядок, – консул сделал паузу. – Я не знаю, как ты будешь управляться, но и добавит к этому мне нечего. Действуй по обстановке, в военные действия не вступай, первым делом возьми под охрану резиденцию китайского наместника. Амбань¹⁰ и его семья не должны пострадать. Нужен совет – я буду на месте. Ну, с Богом!

Рано утром казаки, покряхтывая от стужи, седлали коней.

– Мороз-то, паря, какой едреный! Нешто не могли они манз летом согнать? А, ваше благородие?

– Всему, братцы, свое время. – Семенов прыжком вскопчил в седло и зычно приказал:

– По коням! Попарно! Рысью! За мной а-арш!

Несмотря на то, что рассвет только-только начинался, и городские постройки лишь слабо обозначились в сером полумраке, улицы Урги уже заполнялись народом. Люди, возбужденные предстоящим событием, сбивались в группы и толпы, кое-где пели, кое-где выкрикивали призывы, кое-где говорили речи. Постепенно толпа начала сбиваться вокруг каких-то центральных фигур, поведение людей становилось все более организованным. Когда в руках наиболее шумных и шустрых замелькали палки, ножи, откуда-то пришли вооруженные ружьями люди, Семенов решил действовать.

– Бадмаев! – Григорий вызвал урядника. – Бери свой разъезд, возьмишь под охрану крепость. Гарнизон за ворота не выпускать! Понял?

– Так точно! – Урядник кинул ладонь к папахе, глаза его горели озорством.

– Ты мне только смотри, чтобы стрельбы никакой! Ежели что, то нагайкой! Ну, вперед!

Разъезд крепыша-буряты лихо умчался на рысях в сторону окраины, прохожие глядели на казаков с уважением и опаской.

Семенов назначил другой разъезд патрулировать наиболее шумные участки с большим скоплением людей и с оставшимися казаками поспешил ко дворцу китайского наместника.

Прибыв на место, Семенов порадовался своей расторопности: еще немного и могло произойти непоправимое. Тол-

па, начавшая разбирать ограждение дворца, при виде несущейся на них лавины казаков, бросилась врассыпную.

– Черт! Нужно сообщить консулу! Данилов! Назначить караул у ставки! Голубев! Твой разъезд должен доставить амбана в консульство! Выполняй!

На смерть перепуганного амбана с домочадцами и слугами на трех экипажах отправили к Хенину, а Григорий, не имея ни малейшей возможности связаться с начальством, решил действовать на свой страх и риск.

Основная опасность грозила от китайского гарнизона. Неизбежно толпа, в конце концов, двинется разбираться с военными китайцами, но если те начнут стрельбу, тогда события легко выйдут из-под контроля и может возникнуть резня.

– За мной! – Полусотня, оставшаяся в его распоряжении, словно на учениях, развернула строй и, переходя с рыси в намет, помчалась к стенам крепости.

Толпа, вплотную подступившая к воротам и стенам крепости, пока еще не решилась потеснить бадмаевский разъезд, а когда монголы увидели несущуюся на них полусотню, желание штурмовать цитадель, видимо, совсем пропало.

– Назад! Назад! – Казаки, свирепо ругаясь, оттеснили толпу подальше от стен. Не теряя времени, Семенов рассредоточил казаков по периметру сооружений и кликнул Сашку Подойницына. Они оставили лошадей у ворот и вошли в крепость.

Урядник мгновенно сориентировался и ткнул пальцем в сторону строения с флагом.

– Ваше благородие, ихий штаб, кажись!

Они беспрепятственно вошли в помещение и действительно оказались в гарнизонном штабе. Начальник гарнизона в чине полковника был чрезвычайно растерян и напуган. Он, путая монгольские, китайские и русские слова, кое-как растолковал, что в казарме находятся около трех сотен солдат с оружием, есть несколько пулеметов, и он не знает, что ему делать, поскольку нет никакой связи с начальством.

Григорий прикинул возможные варианты и пожал плечами:

– Да, полковник, вашему положению не позавидуешь. Однако какой-нибудь выход все-таки есть, – Семенов изобразил раздумье и после солидной паузы заявил: – Разумнее всего, на мой взгляд, вам следует сложить оружие и сдать мне его под расписку. Сохранность оружия и боеприпасов я гарантирую. После этого вы и ваши люди потихоньку покинете крепость. Этим вы сохраните и личный состав, и вооружение. Ну как?

Китаец, поняв, о чем идет речь, мгновенно покрылся испариной. Последствия сдачи оружия без санкции командования могли стоить ему многого, но рев толпы, доносившийся с улицы, действовал куда убедительнее. Решение было принято. После недолгого совещания с офицерами своего штаба полковник принял условия Семенова.

Солдаты гарнизона, услышав приказ своего начальства, в несколько минут снесли все оружие (более трех сотен винтовок и четыре пулемета с боеприпасами) в помещение штаба, скинули военную форму и понемногу, группами, покинули крепость, смешавшись с толпой.

Написав на скорую руку донесение, Григорий отослал его с вестовым к консулу. Казак умчался, торопя плетью свою соловую лошадку, а Семенов, расставив по основным объектам крепости караульных, отправился с остатками сотни патрулировать улицы.

Народу значительно прибавилось. Вокруг шло шумное веселье, но значительных нарушений порядка не отмечалось.

Вблизи Захадыра их догнал вернувшийся из консульства вестовой.

– Ваше благородие! Велено передать, в Маймачене буза возле банка! Видать, грабить будут.

Переменным аллюром пролетели сквозь Ургу и вышли к берегу Толы.

– Жеребцов! – Григорий на ходу подозревал казака, отвозившего донесение к консулу. – Чего там начальство насчет гарнизона говорит?

Вестовой широко осклабился.

– Ох, и ругался господин Хенин! Нельзя, говорит, было манз разоружать. Теперь, говорит, жди беды!

Семенов хмыкнул:

– Ну, Бог не выдаст, свинья не съест. Ему бы на мое место!

В Маймачен ворвались наметом. Дайцинский банк занимал, пожалуй, самое красивое здание, построенное в чисто китайском стиле: с вычурной черепичной крышей, украшенной по карнизу кистями и колокольчиками. Толпа уже выламывала двери. Увидев казаков, лишь некоторые поспешили убираться, остальные принялись, по-своему выражать недовольство и даже вооружаться кольями и камнями.

– А ну-ка, братцы, остудим самых горячих! Нагайками! Пошел!

– Назад! Назад! Осади! – Казаки с азартом принялись хлестать любителей легкой добычи и быстро оттеснили толпу.

Григорий, не сходя с коня, объяснил по-монгольски:

– Приказываю разойтись! При попытке грабежа или неподчинения будем применять оружие!

Этого оказалось достаточно. Толпа остыла и растаяла буквально на глазах. Оставив караул, Семенов успокоил служащих банка и с остальными казаками вернулся в город.

Поздним вечером Григорий докладывал Хенину о своих действиях в Урге и Маймачене. В общем начальство осталось довольным, но после доклада консул хмуро заметил:

– Ты, казак, с китайцами все же намудрил. Наше дело – нейтралитет в таких делах, а ты целый гарнизон разоружил! Ей-ей, нам это может аукнуться!

Хенин телеграфировал обо всем по инстанциям, в том числе в Троицкосавск в штаб полка. Авторитета одной казачьей сотни с избытком хватило, чтобы государственный переворот в стране произошел без кровопролития и серьезных эксцессов.

3. Баргуты – народность Внутренней Монголии на территории Китая.

4. Гун – титул, который переводится с монгольского, как «барон».

5. Урга – русское наименование столицы Монголии Их-Хурэ.

6. Дарханван переводится с монгольского, как князь крупного поселения. Ван – князь.

7. Сайн-байну – приветствие у монголов.

8. Ямынь – постоянный двор в Монголии.

9. Лхаса – город, столица буддийских монастырей в Тибете.

10. Амбань – Дипломатический чиновник Китая.

Торжественно и пышно прошла церемония коронации Богдо-Гэгена. Из Троицкосавска поступила восторженная телеграмма от полковника Келлера. Граф благодарил Григория за инициативу и решительность, просил передать поздравления личному составу сотни. Вслед за этим Григорий получил телеграмму из Иркутска с благодарностью штаба округа за содействие в восстановлении порядка и спокойствия в Урге.

Но самым поразительным было то, что монголы вдруг начали относиться к Семенову, как к национальному герою. На улице не было отбоя от восторженных жителей столицы, каждый из которых считал своим долгом приветствовать и благодарить русского, но так похожего на них, батора-казака.

Пожинать лавры оказалось делом весьма щекотливым. Из Дайцинского банка явилась представительная делегация в сопровождении монгольского советника, которым оказался Намсарай-гун. Делегация прибыла с подарками для батора Семенова. Благодарные китайцы привезли пять тысяч лан деньгами, один цыбик душистого чаю (около четырех пудов) и десять откормленных быков.

Григорий поначалу растерялся и принялся отказываться от свалившегося богатства:

– Господа, я от всей души благодарю вас за щедрый дар. Думаю, что вряд ли я его заслужил. Поймите меня правильно. Как офицер я не вправе принимать подарки, да еще и денежные...

Китайцы, будто не слыша отказа, улыбались и радостно кланялись. Намсарай-гун кисло усмехнулся.

– Этот сотник обязательно умрет от скромности! Господин Семенов, нельзя отказываться. Вас не поймут. Это всего лишь скромный дар от китайского народа, а благодарность к вам лично у них чрезвычайно велика. Так что не стоит сомневаться, берите.

В группе казаков, толпившихся позади делегации, отчаянно жестикулировал и корчил гримасы Сашка Подойницын, призывая своего командира не валять дурака, его товарищи всячески поддерживали урядника, выражая желание попользоваться даром.

В конце концов пришлось все принять и зачислить в артельное имущество сотни. Впрочем, казаки ни минуты не сомневались в справедливости щедрого дара и все как один наслаждались тем, что оказались в небывалом фаворе у жителей столицы.

Несколько позже лично Григорию банк преподнес дюжину кусков превосходного китайского шелка, которым Семенов щедро одарил своих друзей.

Крепчал мороз. Резкий, пронизывающий ветер срывал белую порошку с утрамбованных сугробов на пустынных улицах. Волнения улеглись и жизнь потекла в обычном неторопливом ритме. Отныне в Монголии летоисчисление считалось со дня торжественной коронации Богдо-Гэгена.

Максаржав, получивший должность командующего, отбыл на запад выбивать из Кобдо засевших там гаминов. Намсарай-гун не упускал случая, чтобы по-свойски не поддеть Григория.

– Ты все еще хорунжий? Вот незадача! У нас давно бы в генералах ходил!

Но когда было велено представить Григория ко двору, с советника слетела вся шутливость.

– Ну, Гриша, будь внимателен! Святейший далеко не прост. Ему не нужно рассказывать про человека. Он любого видит насквозь. На лбу монгола бисером выступил пот. – Максаржав велел передать тебе, что и Даши-Нима, и Содном-Равдан в одночасье тихонько померли. Не говори там ничего лишнего...

Ногон-Сумэ, зелёный дворец Хутухты, не отличался роскошью. Довольно простая обстановка покоев должна была, видимо, настраивать на размышления о суетности бытия и грядущем покое. Все содержалось в абсолютной чистоте. Внутри было тепло.

Богдо-Гэген долго щурил подслеповатые глаза, разглядывая молодого офицера. Наконец, удовлетворив любопытство, сказал по-монгольски:

– Русской крови в тебе не слишком много. Шампанское пьешь? – И, не дожидаясь ответа, кивнул безмолвному слуге-монаху, который с поклоном удалился, колыхнув парчевую штору, и тут же вернулся с корзиной, где позвякивали бутылки.

Пили молча. Хутухта, потягивая шампанское из халце-донового бокала тонкой ручной работы, внимательно следил за движениями Семёнова, ничем не пытаясь нарушить молчание. Григорию было немного неуютно под внимательным взглядом монгольского иерарха. Шампанское оказалось превосходным, и слуга то и дело неторопливо подливал в бокалы.

Захмелев, Богдо-Гэген отодвинул бокал, принялся медленно перебирать пальцами костяные четки и, наконец, нарушил затянувшуюся паузу:

– Ты сильный человек, батор. Здесь нужны такие люди. Помогай Максаржаву воспитать побольше воинов, таких, как твои казаки.

Григорий вежливо кивнул головой. Он ещё не решил, что следует говорить. Шампанское начало кружить голову, теплая волна разошлась по телу, пространство комнаты сжалось. Коварный Хутухта вдруг показался милым, добродушным человеком, который, судя по всему, говорит чего-то о нужной ему помощи.

– Для меня большая честь слышать это. Буду стараться, – сказал Григорий.

Богдо-Гэген усмехнулся.

– Корни твои в наших степях, но в душе ты цаган-орос¹¹ и поэтому у тебя, батор,¹² не простая, сложная судьба. У вас говорят: был бы сокол, а вороны налетят. Бойся завистников, берегись друзей. – Хутухта вздохнул. – Не дадут тебе у нас долго служить. Я многое могу тебе рассказать. Душа твоя чиста, поэтому приходи ко мне иногда. Буду рад. Со своими мне сложно. Ближняя собака скорее укусит...

На этом прием закончился. Слуга в монашеском наряде проводил его мимо караулов до коновязи. Смеркалось. Недалеко, за Толой выли собаки-трупоеды, по безлюдной улице брёл стреноженный верблюд. Над монастырём и его пристройками из печных труб поднимались белые дымки.

Начались служебные будни. Караулы, разводы, патрули, боевая учеба. В свободное от службы время Семёнов взялся обучать монголов военному делу. Недостатка в добровольцах не было, их привлекали не только конный строй, джигитовка, вольтижировка, рубка лозы, фехтование, стрельба по груше, которым учил Семёнов, но и возможность поучиться у самого легендарного батора-героя.

Консулу Хенину была не по душе популярность простого вояки, посему он отписал в министерство иностранных дел, что при ликвидации беспорядков в Урге взводом казаков под командованием хорунжего Семёнова были допущены неправомерные действия в отношении китайского гарнизона, что может повлечь за собой соответствующую реакцию правительства Поднебесной. Письмо до поры до времени осело под сукном у министерских делопроизводителей.

После объявления независимости монголы переименовали свою столицу из Их-Хурэ в Нийслэл-Хурэ (монастырь-

столица). Григорий все больше узнавал этот странный город посреди пустынной страны.

Русская колония располагалась на голом каменистом плато. Обитали в ней чиновники и коммерсанты, пестрый народ по национальной принадлежности. Здесь жили русские, евреи, татары, буряты, строилась японская колония, изредка появлялись европейские и американские деловые люди. Работала телефонная и телеграфная связь, по вечерам зажигалось электричество, выходили газеты, из России привозили кинофильмы. Жизнь была насыщенной и интересной.

Изредка за Григорием присылали монаха-прислугу с приглашением. Тогда Семёнов покорно шел на очередную встречу с верховным иерархом монголов. Пили шампанское, текла неторопливая беседа и Григорий ловил себя на том, что слепнувший монарх, в сущности, знает его характер, мысли, желания, кроме того, умеет поразительно точно предсказывать события.

Пока хорунжего не очень тревожили заверения Хутухты, будто грядёт большая война, которая погубит его самого, русского царя, изменит весь ход мировой истории и что он, Григорий, будет большим военным хозяином.

Семёнов был отчаянно счастлив в этой полудикой азиатской стране среди неприветливых к условиям жизни людей.

Шесть полков регулярной конницы было обучено в Монголии при его непосредственном участии. Это был выдающийся результат.

Часы истории немолимо отмеривали каждому событию свое время.

Иногда в китайском районе Урги возникали быстротечные стычки между монгольской молодежью и китайцами. Стоило Семёнову волей-неволей поучаствовать в нескольких из них, выручая своих горячих приятелей-монголов, как Хенин отписал в Министерство иностранных дел о хулиганских действиях зарвавшегося казака. На этот раз военная бюрократическая машина сработала. Началось расследование штабом Иркутского военного округа нарушений дисциплины и порядка, допущенных хорунжим Шестой сотни Первого Верхнеудинского полка Семёновым Григорием Михайловичем. Его самого немедленно отзывали для прохождения службы в Троицкосавск до решения дела в судебном порядке.

Ханд-Дорж, военный министр Монголии, направил просьбу правительства в генштаб России, чтобы Семёнова оставили в покое. В просьбе было отказано. Отъезд должен был состояться 17 января нового 1914 года, но организованные Богдо-Гэгеном проводы охватили всю Ургу, и празднество растянулось на двое суток. Дивизионный доктор Цыбиктаров направил, правда, в штаб полка телеграмму о болезни хорунжего, но консул не допустил ее на телеграф.

Григорий беспокоился и переживал, что опоздание с явкой в полк может ещё затянуться, но друзья позаботились об этом.

Намсарай-гун, сдержанно улыбаясь поинтересовался:

– Ты уж извини, Григорий Михайлович, вот Ханд-Дорж уверяет, что тебе слабо будет отмахать верхами без остановки до Троицкосавска. Стоит ли мне с ним спорить?

Семёнов моментально понял, чего ему предлагают и бросился обнимать Намсарай-гуна.

– На всех станциях-уртонах¹³ тебя будут ждать самые лучшие заводные,¹⁴ – в голосе советника слышалась грусть. – Утром нужно выезжать. Иди, Гриша, попрощайся с Хутухтой.

Прощание с Богдо-Гэгеном было непродолжительным. Монарх на этот раз встретил его вместе с женой – полной

немолодой монголкой. Дондогулам для монголов была воплощением женского буддийского божества Эхе-Дагини. Ее присутствие на торжестве, видимо, говорило о степени доверия самого Хутухты к Григорию. В беседе она участия не принимала, молча сидя на высоко взбитых подушках.

Хутухта подошел к Григорию, и с печалью проговорил:

– Больше мы никогда не увидимся, Гриша. Езжай, дружок, домой. Впереди у тебя тяжелая жизнь. Скоро начнется Большая война, – Богдо-Гэген вздохнул и пылливо, в упор, глянул на казака. – Война тебя пощадит, но умрешь ты не просто. Пуля тебя минует, сабля не коснется, копье и стрела пролетят мимо. Через три десятка лет ты сам призовешь к себе смерть твою, – Хутухта помолчал и, не опуская рук, сказал тихо: – Ты много раз будешь помышлять вернуться в Халху, но, поверь, никогда уже этого не случится. Я не могу тебе сказать, почему, но знай: такова воля Всевышнего. И еще скажу напоследок. Смерть твоя будет от руки врагов твоих. Прощай, батор...

Зима с самого начала 1914 года словно закружила Григория в бешеной метели. Вынесла из дорогой сердцу Урги и принялась метать по казачьим гарнизонам и ведомствам.

Сначала в Троицкосавске Семенов был прикомандирован ко Второй Забайкальской казачьей батарее, где узнал, что весь его полк получил приказ расположиться в Урге для последующей переброски в Улясутай. Вспыхнула надежда на возвращение в свой полк.

Пока запрос командира батареи ходил по инстанциям, Семенова командировали в Томск покупать лошадей. Благодаря своей напористости, Григорий с задачей справился блестяще. Коней он подобрал не как-нибудь, а с учетом кровей и масти для каждого орудия.

Вернулся из командировки незадолго до смотра, который проводил сам командующий Иркутским военным округом. Он, будучи знатоком лошадиных тонкостей, несколько раз возвращался к батарее.

– Хм, Артур Артурович, – генерал покосился на Келлера, – как это тебе удалось? У меня даже гвардейская артиллерия не имеет такого чистокровного конского состава, а ты их по мастям к орудиям подобрал. Ишь ты, серые в яблоках – к гаурицам!

Келлер, не моргнув глазом, отчитался:

– Хорунжий Семенов, тот, за кого мы ходатайствуем, постарался. Исключительно толковый офицер. Ваше превосходительство, я хотел бы иметь его в полку.

– Но-но! – вскинул голову генерал. – Опять ваш Семенов! Видно, и в самом деле отчаянный пройдоха! – Командующий засопел и сердито, вполголоса проговорил, повернувшись к Келлеру: – С ним, граф, дело не просто. От самых верхов надавили. Там что-то связано с Министерством иностранных дел, от них и запрос пришел. Так что пусть казак послужит где подальше. Ему, глядишь, на пользу пойдет...

Командир Первого Нерчинского полка Забайкальского казачьего войска генерал-майор Перфильев был молод и имел самую неприметную внешность. Семенов при встрече вдруг почувствовал на миг, как холодная заноза зависти впиалась в душу.

Еще бы! Его однокашник, приятель с малых лет Михаил Перфильев уже генерал и популярная личность во всей Уссурийской бригаде, в то время как он сам все еще носит младший офицерский чин. Впрочем, Перфильев быстро рассеял неприятное чувство.

– Иди сюда, герой! – Генерал обхватил за плечи Григория и, радостно тиская друга, попытался сдвинуть с места. – Ого, громада какая! Ах, как я тебе, Семенов, завидую! Наслышан, наслышан! О тебе у нас былины рассказывают. И немудрено. Воистину – богатырь!

Радость генерала была неподдельной.

– Значит, так. Сейчас иди оформляйся в Первую сотню к есаулу Тихонову. Они расквартированы в Кневичах, но сейчас ты туда не поедешь, а придешь вечером ко мне. Анна про тебя какой раз спрашивала. Будешь обо всем рассказывать. Договорились?

-
11. Цаган орос. Цаган – белый, орос – русский. Белый русский (монг).
 12. Батор – богатырь (монг).
 13. Уртоны – ямщицкие станции со сменными лошадьми.
 14. Заводные – сменные лошади на ямщицких станциях.

Глава 5

В один необыкновенный июльский день четырнадцатого года на Белоглинке готовили очередную партию кирпича. Старый хозяин, толстый и важный, чинно обходил сыновнее хозяйство, наблюдая за работой. Ни во что не вмешивался. Абрам Ильич только что вернулся из поездки в Дровяную Дачу, где самолично закупил партию соснового сушняка, и теперь рабочие сплавляли плоты по Ингоде.

Все было, как всегда, но в полдень обычный безмятежный настрой работы разорвал не смолкающий, с тоскливым надрывом, требовательный гудок паровоза, пронесшегося на всех парах в сторону Черновских копей.

Василий Петрович долго смотрел из-под ладони вслед стальной машине, гадая, что бы это значило. А ближе к вечеру на Белый Яр прикатил делавший объезд казачьих сел приятель Василия Петровича, войсковой писарь Шемелин, с тяжелой и страшной вестью. Отдышавшись и хлебнув холодного, из погреба, квасу, Шемелин сурово и торжественно произнес:

– Война, Вася! С германцем...

На календаре было 19 июля 1914 года.

Война была мировая да еще империалистическая, но в Черновских копиях об этом не догадывались, и шахтерские бабы, как и по всей России, голосили, провожая на фронт своих кормильцев. Призвали и Николая Зыкова. Обучали их набор военному делу здесь же, в Каштаке. Учебный военный лагерь готовил младший командирский состав, и через два месяца Николай получил увольнительную, чтобы попрощаться с родными перед отправкой на фронт. Был он уже в звании младшего унтер-офицера. В его распоряжении было шесть часов. За отпущенное ему время Николай обошел Белоглинку, прощаясь с людьми.

Василий Петрович, гордый за сына, собирал на стол, пока Николай беседовал с матерью.

Татьяна Ивановна прихварывала после родов. Смущаясь и жалея своего первого, она слабым голосом проговорила:

– Ну вот, Коленька, тебе воевать. Уж ты поберегись. И проводить-то толком тебя не могу. Вот беда.

– Ты, мама, за меня не бойся. – Николай с жалостью смотрел в исхудавшее дорогое лицо. – Вон сколько у тебя здесь заботы, а сейчас и младшенькая. Как назовешь-то?

– А вот ты и назови, – улыбнулась мать. – Отец нехристь. Все одно в церковь не повезет крестить, пока крадучись не соберусь.

Николай ненадолго задумался и предложил:

– Пусть будет Клавой! Идет?

Воинский эшелон, стуча по стыкам Транссибирской, мчал забайкальских парней на запад, на запад...

Время настало иное. Оно было полно слухов и тревоги. Все помыслы были направлены на неведомый запад, где происходило нечто, именуемое войной. Но дни шли за днями, и семья Зыковых жила обычными своими заботами.

Василий Петрович был слегка воинствующим атеистом, и это его приобретенное на жизненном пути качество шло вразрез с истовой набожностью супруги. Василий Петрович частенько подтрунивал над женой, называя святых с многочисленных икон запанибрата: кого Егоркой, кого Петьюхой. Просил вымолить хотя бы рубашку с поясом или косушку с горькой, грозился приладить к Татьяне Ивановне точило, когда она в молитве клала многочисленные поклоны.

Впрочем, к своим персональным убеждениям и привычкам Василий Петрович, как глава семьи, относился уважительно. Одной из таких привычек стало довольно регулярное посещение трактира на Дальнем вокзале. Привлекало его туда разноплеменное и пестрое сборище вокруг бильярда, где царил щеголеватый и вечно веселый Степан Мокеев – человек без каких-либо определенных занятий.

Он блестяще владел кием, но себя держал в руках плохо. Выигрывая немалые деньги, он, не задумываясь, пропивал и просаживал все в компании завсегдатаев трактира. Эта легкость в человеке привлекала и восхищала Василия Петровича, который сам был связан многочисленными жизненными обязательствами.

Однажды вечером Василий Петрович, возвращаясь с подводами из города, завернул «погреться» в трактир. Солнце одним боком уже касалось Титовской сопки, на крыльцо заведения легли длинные тени от наросших кустов тальника. Два китайца, помогавших доставить кирпич, перекидывались словами, не покидая телег. Василий Петрович, конечно же, знал причину их нерешительности. Каждая полшшка давалась им с немалым трудом, поэтому обжигальщик решительно заявил, подкрепляя слова жестами:

– Э-э! Не годится так! Вместе мокли – вместе сохли. А ну, господа, ходи, идем чай пить! Я угощаю. Ясно?

Китайцы возмущенно залопотали:

– Посто, Васили, плати-плати? Деньга самой нада. Иди сама сый пей, наса тут зди...

Ли Сижун, молодой, сутулый китаец, укоризненно качал головой.

– Твоя семья большой, деньга много нада.

Василий Петрович засмеялся и, ухватив обоих китайцев за рукава, потянул к двери трактира.

В помещении было дымно и шумно. Они пробрались в дальний, мало освещенный, угол и уселись на лавку за добротный массивный стол.

Вертлявый половой, брезгливо покосившись на китайцев, спросил Василия Петровича:

– Ужинать изволите?

– Значит, так. – Василий Петрович наморщил лоб. – Неси всем по миске щей, кашу, полграфина и капусты на закуску.

Половой, еще раз одарив китайцев неприязненным взглядом, нырнул в трактирную сутолоку.

Такого оживления Василий Петрович давненько здесь не видел. Поиск глазами, он увидел Мокеева, который стоял в противоположном конце зала у бильярда и, едва не доставая кием потолка, что-то горячо доказывал стоявшим рядом игрокам. Недалеко от их стола гуляла развеселая компания довольно прилично одетых людей.

Половой принес заказ, расставил на столе тарелки и тут же исчез, словно растворился.

– Ну, что ж! – Василий Петрович налил водку в стаканы. – Давайте, мужики, согреемся маненько. – Он сделал строгое лицо, манерно, двумя пальчиками, поднес стакан к губам и лихо, одним глотком, опорожнил стопку.

Китайцы благоговейно глядели на Василия Петровича,

пока он производил это действие, потом осторожно, мелкими глотками, выпили водку и, аккуратно поставив стаканы, потянулись к миске с капустой.

Василий Петрович краем глаза наблюдал за своими попутчиками. Их благодарность была настолько очевидна, что обжигальщик начал ощущать себя почти меценатом.

Внезапно из шумной компании за соседним столом раздался хмельной голос:

– Человек! Тащи сюда хозяина! Пуцай повыкидывает косоглазых! Тут луком завоняло!

Кто-то засвистел, раздался крики. От стола поднялась массивная фигура в серой поддевке и неверным шагом направилась к их столу.

– Щас, я сам! Неруси вонючие! А ну, мать вашу!

– Дай им, Сашок! Бей узкоглазых! Пуцай катятся!

Василий Петрович, растерявшись в первый момент, встал с лавки и шагнул навстречу.

– Пусты! – грозно выдохнул человек и вплотную приблизился к обжигальщику, обдав густым перегаром.

Китайцы сидели, испуганно прижавшись друг к другу, готовые дать стрекача в любую секунду.

– Не подходи! – Василий Петрович сжал кулаки, чувствуя, как злоба закипает в нем, и тут же краем глаза увидел, что от бильярдного стола, бесцеремонно расталкивая людей, на помощь спешит Мокеев с приятелями.

Вокруг вскакивали из-за столов люди. Громила стал загибать в ладонь рубашку на груди Василия Петровича, когда подоспевший Мокеев оттянул здоровяка на себя и, не дав ему опомниться, сильным ударом в челюсть свалил на затоптанный пол. Подоспевшие партнеры встали стеной рядом, наблюдая за притихшей разом компанией. Кто-то высочил из трактира звать околоточного, но спокойствие было уже восстановлено.

Кое-как проглотив ужин, возчики поскорее покинули трактир. Мокеев, провожая Василия Петровича, уже полностью забыл происшествие и, горячась, рассказывал о неудачной игре с заезжими ловкачами.

На Белый Яр добрались по темноте. Когда распрягали лошадей, к Василию Петровичу подошел младший из китайцев Суй Боань и с чувством проговорил, то и дело отвешивая поклоны:

– Холоса человек, Васили. Наса понимай многа-многа, лоботай многа-многа холоса килпица...

Василий Петрович потрепал китайца по плечу и, вздохнув, сказал:

– Да уж ладно с кирпичом этим, пропади он пропадом! Человечи дружка дружку не признают. Иди-ка, Сашка, лучше спать-почивать. – И, закрыв ворота конюшни, побрел косогором к дому.

Глава 6

Первый Нерчинский полк, приписанный к Первой Уссурийской конной бригаде, снялся с летних лагерей под Никольск-Уссурийском девятнадцатого июля, получив срочный приказ. Шли походным маршем два дня. Колонну замыкала учебная команда сотника Семёнова.

Двадцать первого июля на подходе к Гродеково полк встретил выехавший навстречу войсковой старшина Анисимов и вручил запечатанный конверт командиру полка полковнику Жулебину.

Лишь только полк начали перестраивать в резервную колонну, все поняли: происходит что-то весьма значительное.

На вороном жеребце орловской чистокровной породы Жулебин, багровый от волнения, вымахал наметом к се-

редине колонны и ломающимся от волнения голосом возвестил:

– Господа офицеры, господа казаки! Из ставки Государя Императора получена телеграмма о начале военных действий! Господа, Германия объявила войну России!

Какое-то время над полком висела мертвая тишина. И вдруг, налитый полуденным зноем воздух разорвало громовое «ура».

В Гродеково полк ждали. Вся станица высыпала на центральную улицу приветствовать казацкие колонны. Кричали «ура» Государю Императору, России, армии, русскому народу. Война была воспринята с небывалым подъемом. Все верили в скорую, неминуемую победу.

Прошло несколько дней, и Григория охватило нешуточное беспокойство. Мобилизация частей Первого Сибирского корпуса задерживалась из-за неясных отношений России с Японией. Прошедшая война научила уважать возможного противника и Россия боялась получить сразу два фронта: на западе с Германией и на Дальнем Востоке – с Японией. Семенов, невзирая на увещевания Зиночки, телеграфировал графу Келлеру просьбу прикомандировать его к Первому Астраханскому полку и через неделю получил благоприятный ответ с предложением немедленно прибыть в полк. Но в это время поступил приказ о мобилизации нерчинцев, и Григорий немедленно послал телеграмму Келлеру с благодарностью за содействие и сообщением, что идет на фронт со своей частью.

Лошадей грузили в теплушки. По положим сходням, упокаивая и оглаживая пугливых животных, казаки заводили своих питомцев внутрь вагонов и располагали каждого в свои ясли.

– Урядник Заметкин, ко мне! – Семенов, раздосадованный непонятным опозданием фуражиров, готов был сам бежать, чтобы поторопить нерадивых ездовых с лошадиным провиантом. – Гони бегом этих раззяв, скоро отправление!

Вид строевых коней не вызывал у Семенова восторга. Невзрачные «забайкалки» имели, конечно, ряд своих преимуществ, поскольку были неприхотливы и могли кормиться чем попало, но сотник мечтал иметь в своем подразделении крупных чистокровных коней, сильных и выносливых в бою. Пока, по бедности, приходилось обходиться местными породами, но сам Семенов вез двух купленных у улетовского коннозаводчика Соловьёва красавцев: рыжего Атамана и буланого Иртыша. Жеребцы были значительно крупнее других коней, отличались статью и выносливостью. Проверка в бою еще предстояла.

Эшелон с Первой сотней отправился на запад со станции Гродеково в середине августа. Люди рвались в бой, дни в пути тянулись невыносимо долго.

И вот солнечным сентябрьским днем 1914 года на убоженных дорожках московского Кремля густо замелькали желтые лампасы и околыши забайкальских казаков.

– Ваше благородие, глянь какой колокол! Вот это, паря, штуковина! Сколько ж в нем весу? А кто ему бочину-то отвалил?

– Эх, купола-то, купола! Чисто золото!

– Ваше благородие, за Гамбохой Данзановым послать бы надо. Он от царь-пушки никак не отойдет, уже полчаса вокруг топчется.

Семенов водил сотню по Кремлю. В Москве получилась трехдневная задержка и командование распорядилось позвать город казакам.

Трамваи возили казаков бесплатно, горожане норовили хоть чем-нибудь угостить встреченных на улице военных, газеты пестрели патриотическими лозунгами.

Охваченные порывом, люди буквально рвались на фронт. Приподнятость настроения чувствовалась повсеместно.

– Григорий! – Семенова, объяснявшего чего-то на род-

ном языке казакам-бурятам, тербил за плечо сотник Кудрявцев. – Глянь, к тебе дамы дело имеют.

Семенов и сам краем глаза приметил круживших возле их группы двух нарядных дам в сопровождении солидного вида господина.

– Любезный, – мужчина подошел поближе и, приподняв котелок, слегка наклонил голову, – мы полагаем, что с вами едут на фронт и японцы? Это очень любезно с их стороны. Дамы хотели бы выразить им признательность за прекрасный порыв.

Григорий едва удержался от смеха.

– Ну что вы, господа! Это буряты, коренные забайкальцы. Вы ошиблись.

Мужчина недолго пошептался с дамами и заговорщически подмигнул Григорию:

– Да-да, мы понимаем, это военный секрет. Но нам действительно приятно видеть помощь Страны восходящего солнца, это так трогательно! А много их с вами?

– Уж поверьте, у нас их достаточно много. И все-таки вы видите перед собой чистокровных бурят. Отличные, между прочим, казаки!

– Да-да! – дама в сиреновой шляпе прижала палец к губам. – Это тайна. Ах, как интересно!

Семенов только руками развел, видя, что ему не поверили. Впрочем, это было только забавно. Самым важным для Григория было сознавать, что полк следовал на фронт. Позади остались все неприятности, и дома осталась молодая супруга, весьма разочарованная столь скорой разлукой.

На третьи сутки пребывания полка в Москве командиров вызвали в штабной вагон.

– Господа офицеры! – командующий бригадой генерал-майор Киселев внимательно оглядел присутствующих. – Нам предстоит отправиться под Новогеоргиевск близ Варшавы. Обстановка на фронте сложная. Нам навязана маневренная война. На Уссурийскую конную бригаду, как наиболее мобильную единицу, возлагается большая ответственность в обеспечении Варшавской операции. Первый Нерчинский полк займется активной разведкой на северо-западе. Прощу, господа, к карте.

Глубокой ночью эшелон прибыл на место под Новогеоргиевск и немедленно приступил к выгрузке. Встречавшие казаков офицеры штаба фронта были неправдоподобно радужны.

– Вас, ребята, нам Бог послал! – невысокий штабс-капитан с безупречной выправкой был приставлен к Первой сотне для сопровождения на место дислокации. – Я сибиряков знаю. Народ надежный!

– А мы не сибиряки, господин капитан, мы забайкальцы! – вывернулся откуда-то вестовой Подойницын. – Нас, паря, даже с японцами путают.

– Отставить! – Семенов с беспокойством смотрел на восток, где уже начинал светлеть край неба. – Некогда зубоскалить. Седлать коней!

На место прибыли в одиннадцать часов утра, и, пока полк располагался, занимая временные позиции, Первой сотне было поручено провести оперативную рекогносцировку с целью уточнить положение и силы противника, поскольку фронт был весьма подвижен из-за характера боевых действий.

Григорий во главе разъезда из пятнадцати казаков выехал в западном направлении. Минут редкие хутора, они в течение часа двигались переменным аллюром. Любопытный до крайности младший урядник Серёга Юдин, родом из Титовской станицы, наполнившись впечатлениями первого дня, тут же доложил Семенову:

– Хреново тут жить, ваше благородие. У нас дома сто крат лучше!

Внезапно ехавший впереди дозорный остановился и условным знаком показал, что видит чужих. Семёнов уже сам разглядывал в бинокль мелькавшие в кустарнике мундиры. Знакомое по Маньчжурии чувство опасной охоты охватило Григория, и он, выхватив шашку, коротко приказал разъезду:

– Вперед!

Молниеносным броском казаки настигли немецкий разведывательный дозор, состоявший из десятка егерей. В короткой схватке часть дозора была вырублена, а двух, офицера и солдата, взяли в плен.

Этот подарок штабу бригады оказался как нельзя кстати. Пленные рассказали много полезного о передвижении немецких частей на этом участке фронта.

– Ну что ж, сотник, – генерал Киселёв прятал довольную улыбку в усах, – позволь поздравить тебя с первым боевым успехом. Кстати, это и у всей бригады первый трофей, – и, вытянувшись перед Григорием, уже строго и торжественно сказал: – Объявляю благодарность от лица штаба бригады!

– Рад стараться!

Большая война, предсказанная Семёнову слепнувшим старцем в далекой Урге, началась для Григория с первых минут пребывания на фронте.

Глава 7

Большая война росла, демонстрируя силу слепой стихии. Уже был разгромлен русскими под Гумбиненом Семнадцатый немецкий корпус, что обеспечило французам победу на Марне. Уже германский генштаб поставил во главе своей Восьмой армии генералов Гинденбурга и Людендорфа, которые сумели добиться резкого перелома в военных действиях. Заложником новой стратегии немцев оказалась Вторая русская армия генерала Самсонова. Когда армии потребовалась подмога, начались проволочки и интриги в высшем руководстве, и Первая русская армия генерала Ренненкампа опоздала на выручку Самсонову. В результате два центральных корпуса Второй армии оказались в плену, а фланговые корпуса понесли громадные потери.

Теперь Первая армия сама, теряя людей, отступала из Восточной Пруссии на Неман, и лишь подоспевшие из Сибири резервы, в том числе Уссурийская конная бригада, позволили изменить обстановку и вновь занять часть Восточной Пруссии.

Промозглый ноябрь не давал никакой надежды на передышку.

Уссурийская конная бригада по окончании Варшавской операции была перебросена на север в направлении на Ново Место, а спустя некоторое время, ближе к середине ноября, производя постоянные перемещения подтянулась к местечку Сахотин.

Вестовой, дожидывая на ходу краюшку хлеба, осадил коня возле группы офицеров.

– Деша для сотника Семёнова!

– Где Семёнов, господа? – хорунжий с весёлым, румяным лицом крутил головой. – Семёнова не видели? А ты, братец, не подавись ненароком, – обратился он к вестовому.

– Семёнов в обозе с лошадьми! – отозвался проходивший мимо казак.

Вестовой рванул повод, с места взял наметом.

– Эх, дурень! Животину, паря, зазря терзает, – осуждающе проговорил вслед вестовому казак.

В обозе Семёнов, с трудом сдерживая рвущееся наружу раздражение, терпеливо толкавал обозному конюху правила обращения с чистокровными конями:

– Это ведь не монгольские дикуши. Ты понимаешь? Они сухую стерню жрать не станут! Я тебе какой раз толкую, от-

куда торбу навешивать! Или ты все еще морду от задницы не отличаешь? А погляди, как ты Атамана выводешь! Слово козла драного!

– Господин сотник, получите бумагу! – вестовой остановил коня на приличном расстоянии и протянул конверт. – От есаула Тихонова. Просили срочно исполнить!

Семёнов протянул руку, взял конверт и, не глядя на отбывшего вестового, продолжал увещевать конюха:

– Смотри, Капустин, если рассердишь меня, в сотню не возьму! Коней надо беречь пуще себя. Понял?

– Да, ваше благородие! Да как же? Мне, паря, дома-то чо скажут? – расстроенный до слез конюх топтался возле коновязи, глядя вслед Семёнову, который уходил к своей сотне, на ходу раскрывая пакет.

Урядник Никита Заметкин, издали увидев Григория, легонько присвистнул:

– Эй, Чупров, собирай, паря, ребят. Глянь, Михалыч сюда гарцует. Однако, отдохнули!

Задачу получили обычную: войти в соприкосновение с противником в направлении местечка Остатние Гроши, чтобы выяснить его намерения и силы. С рассветом разъезд в пятнадцать коней отправился в путь, а к вечеру уже пятый по счету вестовой был отправлен Григорием с донесением в штаб бригады. Задача была выполнена, но заночевать пришлось в деревне, расположенной в пятнадцати верстах от Сахотина.

Ещё недавно зажиточная усадьба пана Домбровского представляла собой не слишком весёлое зрелище. Хозяйство пришло в запустение, и состояло из пяти свиней да пары коров с телятами. Гусей и кур растащили то и дело проходившие через фольварк солдаты. Присматривала за всем дородная рыжая молодуха, с любопытством косившаяся на казаков. Старик-хозяин звал её Эльзой.

У сретенца Дмитрия Чупрова при виде Эльзы по-волчьи загорелись глаза.

– Во, паря, баба! Слышь, Серёга, – толкнул он в бок Юдина, – давай я вместо тебя сейчас в караул пойду. А? Тебе же нет разницы! Опосля разбужу. Ей-Богу!

Григорий, расплатившись за ночлег и кормёжку со сразу подобрешшим хозяином, назначил караулы и, разместившись с казаками на ночлег, уснул быстро и без снов.

Перед самым рассветом проснулся от приглушенного смеха и шепота.

– Ну ты и кобель, Митька! – шептал с полным ртом жующий чего-то Заметкин. – Сотник тебе, ей-Богу, горячих отпустит. Помяни мое слово!

– А чего? – оправдывался шепотом Чупров. – Такая бабенка ловкая! Отпускать никак не хотела. Насилу ушел. А ты – горячих! За что горячих-то?

– Чупров, ко мне! – Семёнов уже понял, в чем дело. – Опять нашкодил? Я тебя о чем еще в Радовице предупреждал? Забыл?

– Так я, ваше благородие, это... – у Чупрова растерянно забегали глаза. – Она, эта, Эльза-то, вон молока две кринки да хлеба, да ветчины мало не полпуда. Я ведь для ребят...

– Ах ты, благодетель! – Семёнов едва сдерживал смех. – А знаешь, что за такие вольности в военное время можешь словить? А? И чего мне теперь с тобой делать? – Григорий изобразил суровое раздумье. – Вот что. Немедля седлай своего Бурана, бери донесение и ходом в штаб бригады!

Митька истово хлопал глазами.

– В пути не зевай. Если какая опасность, скачи обратно, чтобы мы не влипли. Понял?

– Так точно, ваш бродь! – Чупров, видя, что гроза отменяется, с явным облегчением кинулся выполнять приказ.

С рассветом разъезд двинулся на Сахотин. Рыжая Эльза, выйдя на веранду, искала глазами среди казаков своего ночного гостя.

– Прощевай, красавица, спасибо за угощение! – обернулся Юдин. – В другой раз жди меня вместо Митьки, уж больно ветчина у тебя бравая!

– Отставить! – Семенов сердито глянул на ухмыляющихся казаков. – Глядеть в оба! Рысью!

Подмораживало. Тонкая корочка льда на лужах с хрустом лопалась под копытами коней. Казаки поплотнее запахивали шинели, стараясь удержать последние крохи тепла, унесенные из жилища пана Домбровского.

Когда над безлистыми кронами придорожных вязов блеснул нестерпимо яркий край солнца, разъезд уже подходил к Сахотину. От окраины городка доносились винтовочные выстрелы.

– Вперед! – Григорий понял, что происходит неладное.

Ближе к окраине казаки увидели разбегающихся в панике людей.

Многие были полураздеты. Навстречу разъезду, пригнувшись к холке крупного рыжего коня, мчался наметом какой-то ошалевший всадник.

– Стой! Да это же Митька! Стой, чертяка! – Заметкин преградил путь несущемуся во весь опор Чупрову и, обернувшись к Семенову, испугался, видя, как раскосые глаза сотенного наливаются гневом, Григорий пришел в состояние крайнего бешенства, узнав под седоком собственного коня.

Чупров осадил коня, в страшном возбуждении хотел было доложить о чем-то Семенову и осекся, увидев взгляд сотника.

– Ты что же, сукин сын, делаешь? – начал распалтаться Семенов. – Кто тебе позволил взять Атамана? Кто тебе позволил таким аллюром носиться по твердому покрытию? Ты же ему копыта враз кончишь!

– Дак я!

– Молчи! Этому коню цены нет, а ты на нем, сукин сын, даже без попоны гарцуешь! Почему паника? Почему бегут?

– Дак я ж для вас коня-то спасал! Я ж Бурана своего немцам оставил! А вы, вашбродь! – Митька обиженно засопел.

– Ну, ладно, ладно! – Семенов начал остывать. – Докладывай!

– Дак чего докладывать? Бригада, паря, вечер ушла Цеханов брать, а все тылы и обозы здесь бросили. Утресь ихая кавалерия и навалилась. Вон, обозные кто куда бегут. Насилу сам ушел от германца. Слушайте, как по нашим из винтов шпарют! А знамя бригадное вместе с караулом уже в плену. Вот и докладывай...

У Григория от новости перехватило дух. Большого позора для бригады нельзя было придумать. Поразмыслив, он глянул на Чупрова.

– А ну, Митрий, вспоминай, как немцы в городке расположились! – Он лихорадочно прикидывал, что делать.

– Так что, ваше благородие, на площади у костела вроде застава из ихих уланов. Все спешенные. Дальше, за углом, там целый эскадрон будет. Тоже спешенные, лошади у всех в поводу. А обоз уводят аж несколько эскадронов! Господин сотник, я думаю, всех сил у немца никак не меньше нашей бригады.

Семенов, блеснув шалой улыбкой, оглядел свой притихший разъезд.

– А, была не была, братцы! Я так думаю – у нас получится. Надо порадеть за матушку Россию. Накажем немца за такой позор?

Казаки только таращили глаза, пытаясь понять, куда клонит их сотенный.

– Сейчас мы покажем немцу кузькину мать. Драться приказываю насмерть, себя не жалеть, работать быстро, шуму делать за целую дивизию! – и, выдержав паузу, выдохнул: – В атаку!

Шарахнулись в сторону с полдесятка обозников, обалдевших от винтовочной пальбы и свиста пуль, недоуменно уставились вслед десятку безумцев, несущихся наметом в городок, занятый врагом. До самой окраины было видно, как над головами казаков крутились узкие клинки златоустовской стали, отражавшие лучи всходящего солнца.

– Ур-р-а-а!!! – на площадь перед костелом влетели развернутым строем. От производимого казаками шума и напора нельзя было определить, сколько этих звероподобных всадников в лохматых папахах.

Мгновенно опрокинув заставу, с криками и свистом навалились на спешенный за костелом эскадрон уланов.

Григорий бросал из стороны в сторону озверевшего от запаха крови Иртыша, полосую шашкой разбежавшихся куда попало немцев. Казаки в диком азарте, срывая голос от нагсадного крика, рубили всех подряд, не давая противнику опануть обстановку.

Григорий краем глаза видел, как крутится на месте Серега Юдин, точными движениями опуская шашку на мелькающие среди мечущихся коней головы, как Никита Заметкин настигает убегающих через площадь уланов, как здоровенный бурят Дугар Нимбуев, не сдерживая силы, буквально делит пополам попавших под его клинок немцев.

Панический ужас охватил остатки немецкого эскадрона. Люди метались, не видя спасения. Лишь около двух десятков уланов, вскочив без разбора на коней, умчались вслед за уходящим плененным обозом, даже не помышляя о сопротивлении.

– За мной! Руби-и! – Семенов, не давая остыть панике, немедленно бросил разъезд вслед убегающим уланам.

Конвоирующие плененный обоз немецкие эскадроны, увидев несущуюся на них орущую массу всадников, немедленно побросали захваченное имущество и пленных, в панике бросились бежать, увлекая за собой два авангардных эскадрона.

Ужас, посеянный десятком отчаянных казаков, гнал бросавших на ходу оружие уланов более трех верст, пока Семенов обнаружил, что один гонится за несколькими вражескими эскадронами. Низкорослые забайкалки не могли тягаться с его Иртышом и сильно отстали. Пришлось возвращаться, приводить в порядок отбитый у противника обоз Уссурийской конной бригады.

Казаки, остывая после скоротечного боя, сгоняли к обозу пленных. Разбежавшиеся от немцев обозники, кто откуда, понемногу собирались к повозкам, виновато и восхищенно поглядывая на своих избавителей.

– Ваше благородие, пленных-то больше трех сотен согнали. Куда их? – Никита Заметкин, все еще багровый от возбуждения, вопросительно таращил круглые глаза.

– Ваше благородие! – подлетел галопом Митька Чупров. – Там караульные спрашивают, куда знамя бригады определить?

– Найти обозное начальство и сдать им пленных! Знамя в голову колонны! Идем вслед за бригадой на Цеханов!

Семенов отдал распоряжения и вдруг широко раскинул руки.

– Братцы! А ведь мы с вами никак немецкую конную бригаду отделили! Ей-Богу!

Изумление на его лице перешло в улыбку, и через секунду все трое, схватившись за животы, хохотали, приводя в недоумение суестьихся кругом обозников.

Поздно вечером, после взятия Цеханова, командование бригады производило разборку операции.

– Ваше превосходительство, сведения совершенно ошеломляющие! – начальник штаба бригады полковник Анисимов докладывал все еще не верившему в донесение генералу Киселеву. – Семенов с девятью казаками, получается, разогнал целую кавалерийскую бригаду немцев! Я не пони-

маю, как это стало возможным, но им взято в плен около четырех сотен личного состава противника, почти столько же трофейных лошадей и винтовок! А сколько отбито имущества бригады! Я уже не говорю о знамени бригады! Отбито более ста пятидесяти повозок нашего обоза, головные эшелоны артиллерийского парка Первого горно-артиллерийского дивизиона. А чем могла обернуться победа в Цеханове, навалились с тыла кавалерия немцев? При всем том потери разезда – одна раненая лошадь!

– Немыслимо! – Киселёв то краснел, то бледнел, понимая, чего он мог лишиться вместе со знаменем бригады. – Где этот казак? Я хочу его видеть!

На следующий день, 11 ноября 1914 года, Григорий Михайлович Семенов был представлен к награждению орденом Святого Великомученика и Победоносца Георгия четвертой степени, а его казаки – к награждению Георгиевскими крестами.

Долго после этого сослуживцы отчаянного сотника и бывающие в бригаде заезжие офицеры приходили глянуть на Семенова. Никита Заметкин ворчал, видя очередного посетителя:

– Вот увидите, Григорий Михайлович, я с их деньги стану брать за погляд. Будто дел других у людей нету...

По некоторым сведениям, просочившимся в бригаду, Семенов стал первым боевым офицером русской армии получившим на фронте великой войны эту награду, дающую право на дворянское сословие. Война только начиналась.

Глава 8

Второе вторжение русской армии в Восточную Пруссию заканчивалось неудачей. Хорошо оснащенные и обученные германские войска под командованием генералов Гинденбурга и Людендорфа, с успехом используя подвижные корпуса и кавалерию, начали теснить русских под Преснышем. Чтобы хоть как-то нейтрализовать напор немецких войск, командование русской армии приняло решение двинуть на приграничную крепость Сольдау Первый Туркестанский корпус генерала Шейдемана.

Четвертой Туркестанской стрелковой дивизии вместе с Уссурийской конной бригадой выпало наступать через Свенту-Глиноецк на приграничное местечко Млаву, расположенную в одном переходе от Сольдау. Операция развивалась вяло, но людские потери были огромны из-за непрекращающихся кровопролитных стычек маневрирующих войск.

В штаб бригады ворохами поступали самые разноречивые сведения, тем не менее вновь назначенный начальник штаба капитан Бранд каким-то образом сумел составить из всего этого хаоса представление о том, что немцы намерены предпринять наступление на северном участке фронта по линии Млава – Пресныш, о чем и доложил командованию корпуса.

Очень скоро в штаб доставили приказ. Уссурийской конной бригаде предписывалось совместно с Четвертой Туркестанской дивизией наступать на Млаву южнее главного шоссе, при этом вырвать инициативу у противника и не дать ему возможности развить успех на этом участке фронта.

Ранним утром 1 декабря 1914 года в штаб Уссурийской конной бригады прибыли девять офицерских разъездов, от каждого полка – по три. Офицеры шумно здоровались друг с другом, заходя в приемную, сооруженную наспех в вестибюле местного магистрата. Царила атмосфера раннего утра.

– Господа, прошу! – в двери кабинета стоял свежий и подтянутый Бранд. – Времени в обрез. Получите задание!

Когда офицеры окружили длинный стол в центре кабинета, заваленный штабными картами, Бранд заговорил не повышая голоса:

– Господа, задача у всех простая. Как и всегда, казачьим

разъездам необходимо войти в контакт с противником на предписанном маршруте, выяснить его расположение и силы. А сейчас, – Бранд с веселым задором обвел всех взглядом, – а сейчас мы с вами разыграем самый неприятный и ответственный маршрут. – Бранд взял со стола коробок спичек и принялся отсчитывать, складывая их на стол. – Это маршрут, который проходит напрямик вдоль шоссе на Млаву.

Офицеры начали переглядываться, пожимая плечами, но Бранд, усмехнувшись, произнес:

– Смотрите, господа! У одной спички из девяти я обламываю головку. Р-раз! Итак! Кто вытянет сломанную, тот идет по шоссе. Прошу!

Командиры разъездов молча потянулись к начальнику штаба. Вытянув свою спичку, Семенов, едва глянув на нее, поднял над головой, демонстрируя присутствующим, и со смешком проговорил:

– Каков Мартын, таков у него и алтын!

– И помните, господа, – Бранд напутствовал собравшихся уходить офицеров, – на все про все дается только один завтрашний день – второе декабря! Честь имею!

День пролетел в обычных служебных хлопотах. Лишь к ночи Семенов попал в расположение своей сотни. Четвертинка месяца, зависшая над старым грабом, скудно освещала унылый яблонево сад, забросанный ключьями не успевшего дотаять днем мокрого снега. К ночи начинало подмораживать, и караульные первой ночной смены все бодрее притопывали сапогами.

Первая сотня занимала просторную кирпичную пристройку мрачного на вид двухэтажного особняка с примыкавшим к нему садом. Пили чай. Самовар был единственный на всю сотню, вмещал в себя полтора ведра воды. Желающих хлебнуть кипятка все прибавлялось, кипятили воду по три-четыре раза за вечер. Предмет зависти других подразделений, этот громадный медный агрегат попал в сотню после Сахотина, когда практичный сотник Андрей Кудрявцев выпросил его у обозников, спасенных от плена разездом Семенова.

Семенов сам любил почаевать, потому присоединился к казакам попить чайку, послушать полковые новости, а заодно рассказать, что пишут газеты. Эти беседы тоже были предметом гордости Первой сотни, и авторитет Григория, и без того высокий, был абсолютно неоспорим среди рядового состава бригады.

– Эй, титовские! Сахарок с вас причитается, или забыли? – здоровяк Дугар Нимбуев ехидно щурил глаза на сидящих за столом казаков.

– Отстань, Дугарка, будет тебе сахарок! Вон, Григорий Михалыч идет чай пить, нешто мы сахар-то не выставим?

Казаки задвигались, освобождая место под керосиновой лампой с жестяным луженым абажуром.

– Кружка ваша, Григорий Михалыч! – Митька Чупров перегнулся через спины сидящих, протягивая фарфоровую чашку на расписном блюде. – Чай нынче аглицкий, из трофеев. А ничего чаек!

– Наливай! – Семенов уселся на табурет и, благодушно улыбаясь, обвел всех взглядом. – Порядок! Выглядите браво. Отощавших, больных нет, настроение, вижу, тоже неплохое.

– Все бы оно ничего. – Прохор Лазарев из Улятуевской станицы стоял за спинами казаков потупив глаза. – Оно, конечно, неплохо. Только вот воюешь, воюешь, а все трофеи одному Митьке идут. Разве это правильно?

– Гы-гы-гы! Ха-ха-ха! – заржали вокруг.

– Чего в нем такого, чего б в других не было? – задумчиво продолжал Лазарев. – Ни кожи, ни рожи, одно слово – гуран. А глянь: награда – ему, коня свежего – ему, кассу артельную – ему, даже немка рыжая ему досталась...

– Ха-ха-ха! – покатывались казаки.

– Ладно вам зубоскалить! – оборвал смех Никита Замет-

кин.— В лазарете только что Гамбоха Данзанов от ран помер и сретенский Тимоха Голубев скончался, так в сознание и не пришел.

Смех немедленно утих, и в казарме воцарилась тишина. Семенов поднялся со скамьи.

— Помолчим минутку. Помянем братьев-забайкальцев. Славные были казаки.

Все встали. Люди крестились, произнося про себя слова молитвы.

— А теперь к делу. Где Заметкин? — Семенов искал глазами.

— Здесь я, ваше благородие! — урядник возник из полумрака помещения и встал напротив сотника.

— Готовь разъезд, Никита. Десяток ребят подберешь сам. И чтоб все были здоровы. Понял?

— Да мы все здоровы! С вами в любое дело! — зашумели казаки.

Семенов поднял руку.

— Десять человек. Выступаем в пять утра. А теперь — спать!

Во мраке, под неверным светом усеявших небо звезд, разъезд отправился на задание. Ехали молча, то и дело меняя дозорных, и вскоре достигли первой бригадной заставы. Вскоре первый вестовой уже мчался в штаб, а разъезд, пользуясь предрассветными сумерками, двинулся на запад.

Григорий гадал про себя, что имел в виду Бранд, называя этот маршрут самым опасным. Опасность на фронте таилась везде. Страшнее всего — беспомощность перед противником. А вот беспомощности Семенов не ощущал, поскольку рядом всегда находился его боевой казачий разъезд.

По оврагу, продвинулись до поворота шоссе на самой границе с Пруссией недалеко от деревни Модлы. Спешились и, ведя коней в поводу, подошли к проволочному заграждению. Светало. Уже можно было просматривать вокруг на сотню шагов, и Семенов, наскоро зарисовав расположение проволочного заграждения, тут же составил донесение и отправил со вторым вестовым в штаб бригады. Откуда-то слева прибежал запыхавшийся Заметкин.

— Ваше благородие, там костерок шаает, и немцы вокруг греются. Должно, пост ихий!

Поманив к себе Никиту, Семенов приказал ему и его парнику как можно ближе подобраться к костру и ожидать сигнала. Четырех казаков отослал в обратную сторону к оврагу и велел по сигналу выпустить из винтовок по обойме патронов. Лишь только все заняли позиции, Григорий выстрелил из нагана. Это и был сигнал. Пальба, поднятая казаками, бросила немцев врассыпную, а со стороны полевого караула у окраины деревни поднялась частая и беспорядочная стрельба. От шоссе прибежал смеющийся Чупров.

— Ну, паря, будто зайцы! Бегут, петляют, через забор махнули, никто даже не задел! А там проволока кругом, так и проволоки никто не коснулся! Во!

— Отставить! По коням! — Семенов напряженно следил за перемещением стрельбы. Похоже было, что немецкая застава отходит. — Никита, рогатку!

Заметкин быстро оттянул с шоссе тяжелую рогатку с проволочным заграждением, и разъезд, взяв шашки наголо, наметом помчался в сторону отходящих немцев. Линию сторожевого охранения прорвали, начисто вырубив метавшихся в испуге егерей, и немедленно атаковали отступающую заставу. Все было проделано на одном дыхании. Никто не сумел оказать казакам серьезного сопротивления. Зарубив с десяток немцев, пятерых, с обезумевшим от потрясения офицером, взяли в плен.

Уже полностью рассвело. Селение Модлы, разбуженное ночным боем, ждало дальнейших событий...

Роман издан в «Экспресс-издательстве» в 2008 году.

Пройдут годы... В 1945-ом атамана Семенова арестуют в Китае, а через год повесят в России. Много лет он смотрел на бойни устроенные политиками, сам воевал, и глубокомысленно писал в 1938 году: *«Теории социальных учений являются большим тормозом на пути установления международного равенства, ибо наличие их и увлечение ими отвлекает внимание творческих сил страны от основной задачи, как каждой нации, так и всего человечества, от идеи необходимости установления международного сотрудничества на принципах известной справедливости. Увлечение социальными теориями может дать лишь некоторый шанс на сглаживание заостряющихся углов международных взаимоотношений, иногда вызывающих даже вооруженные конфликты по недостаточным к тому причинам. Несомненно, что пока мир существует, невозможно абсолютно избежать вооруженных столкновений между нациями, но стремление сократить их является долгом культурного человечества, ради его процветания и всемирного благополучия».*

Или, изучая структуру демократических и тоталитарных стран: *«Государственное управление страной, в смысле своего морального авторитета, должно уподобляться храму, в котором не может быть места ни личным, ни партийным интересам. Если беспристрастно определить роль и значение любой политической партии в стране, то никто не может отрицать роль всякой партии, как орудия в руках отдельных личностей и групп, но не представляемого ею населения, под вывеской которого партия только проводит своих кандидатов».*

Разве мог так мудро мыслить кровавый варвар, каким его представляют? Но каким он был и каким «придумали» его? Не по своим ли природным качествам судили его противники?

Человек с берегов Онона... Наш земляк — Григорий Михайлович Семенов. Где мы живем и куда поспасем сегодня?

Снимок генерал-лейтенанта Г. М. Семенова передан потомками белых казаков, уроженцами Трехречья, отреставрирован в Чите.

Действующие лица:

Баянов Виктор Петрович, мэр города Клеповска.

Катя, секретарь Баянова.

Дырялов, начальник местной милиции.

Журналистка на телевидении.

Окопов, делегат от партии патриотов.

Таня, зрительница на пресс конференции.

Костя Бойцов, предприниматель.

Валя, жена Кости Бойцова.

Капитан Катанин, сотрудник уголовного розыска.

Селифанов, русский американец, бывший житель Клеповска.

Майкл, молодой американец, племянник Президента корпорации.

Президент корпорации.

Зрители на пресс конференции.

Картина первая

(На сцене темно. Раздается звук разбитого стакана и одновременно с этим вспыхивает свет. Кабинет мэра города Клеповска. Катя стоит, испуганно прижав руки к груди. Баянов, оторвавшись от разговора по телефону, гневно смотрит на Катю.)

Баянов *(как дубинкой поигрывая трубкой в руке)*: Ну и что, Катя? Какой это по счету стакан?

Катя: За эту неделю третий, Виктор Петрович.

Баянов: Еще один стакан до конца недели и я тебя уволю. *(Подносит к уху трубку. Говорит в трубку. Катя в очень узкой юбке пытается согнуться, чтобы подобрать осколки стакана. Наконец, очень картинно присаживается. Баянов с удовольствием наблюдает за ней. Его голос в трубку все время плавает с одного тона на другой.)* Нет, ты мне лучше скажи будет, наконец, тепло в этом чертовом тринадцатом доме или нет? Когда? Да жильцы там уже сосульками... торчат. И попробуйте только не дать. Зарплаты вы у меня тогда не увидите... Что...о...о?! Вот и за этот год, тоже не увидите. Вот что я хотел этим сказать!

(Бросил трубку, закурил. Катя уходит. Баянов сидит, нервно барабанив пальцами по столу. Снова трезвонит телефон. Баянов смотрит на него с ненавистью, берет трубку.)

Аауі і а: Аа, аа, пёоó ар! Еоі уоі ? А, Ааір +ёеі . І і о даау-оі что? Хоть ты у меня ничего не проси, хорошо? Сегодня меня этими звонками уже задолбали. Что?! Позвонил просто так! Тебе что делать нечего?! Раззвонился, понимаешь. *(Возвращается Катя с веником и совком. Шоу с уборкой осколков продолжается.)* Что там у тебя в порту, докладывай! Ты же какой-то иностранный самолет ожидал. Прилетел? И что, действительно из-за бугра? Час назад? Ну и что там такое? Что за ферт к нам пожаловал? И чего хочет? Так и сказал – частный визит? Ну-ну. Чего ему только надо со своим частным визитом в нашем городишке... Ну, ладно все. Не мешай работать. *(Положил трубку. Катя картинно уходит. Баянов взволнованно смотрит ей вслед. Оглядывается на стенку, где стоят стаканы, сосчитал их.)* Нет, все равно не уволю. Совести не хватит. *(Встал, прошелся по кабинету.)* Интересно, что там еще за буржуй? Если частный визит, то уж не к барышне ли какой пожаловал? Вот бы к нашей Наталье какой-нибудь такой подкатил. А то не знаешь в какой

Американская сказка

Актуальная комедия

институт ее и сунуть. Дерут везде три шкуры. А что? Вполне возможно, что он к кому-то и по сердечному делу прилетел. Теперь ведь не модно знакомиться где-нибудь в очереди за яблоками. Теперь подавай Интернет и всякую там дребедень. Ну, баба будет, конечно, в ауте! Женишок из-за бугора на собственном аеропланте. Живут же сволочи! А я за пятнадцать лет, может быть, уже тридцать штанов протер этим мэровским креслом, а ничего, кроме какого-то жалкого коттеджа не заимел. Тоже мне уважаемая должность: не зарабатывать, не стащить... Да ладно, чего еще мне свою голову каким-то буржуином забивать...

(Входит Катя.)

Катя: Виктор Петрович, к вам посетители. Двое.

Баянов: Сообщи, что сегодня я не принимаю.

Катя: Хорошо, Виктор Петрович.

(Катя уходит. На столе звонит телефон.)

Баянов *(в трубку)*: Слушаю. Ах, Петр Иванович! Добро-го здоровья! Спасибо, спасибо держимся помаленьку. *(Некоторое время нервно, едва сдерживаясь, выслушивает, что ему выговаривают, наливает воду в стакан. Однако говорит спокойно.)* Да ничего там страшного с этим тринадцатым. Паника одна. Ну, хорошо, Петр Иванович, отвечу вам конкретной и прямой: своим местом я пока еще дорожу и потому даю голову на отсечение, что с этим домом все будет в лучшем виде. До свидания! *(Кладет трубку, вытирает платком лоб и шею.)* Уф, ведь однажды вот так не отболтаешься и будешь потом на улице мусор подметать. Конечно, выбра-ли-то меня вроде бы и народом, да только вот «вроде бы...»

(Входит Катя.)

Катя: Виктор Петрович, они не уходят. Один из них Клюковкин – делегат от тринадцатого дома, грозитя графин со стаканом разбить, если его не примите. А второй, некто Селифанов, так тот вообще, Виктор Петрович, говорит, что из Америки прилетел...

Баянов: Что, что? Этот иностранец здесь? А почему «Селифанов»? Русский что ли? Как будто в Америке американских фамилий не хватает. А, да что там говорить – у них там такой бардак!

Катя: Да он говорит, что он вообще родом из нашего города и что даже с вами немного знаком.

Баянов: Со мной!? *(Плюхается в кресло.)* Американец и знаком со мной!? Нет уж, простите, не привлекался, родных и знакомых за границей не имею. *(Бьют маятниковые часы. Баянов смотрит на календарь.)* Уф-ф, как все-таки хорошо жить в новое время. Слушай, Катюша, а, может быть, это кто-то из наших под иностранца косит? Услышал, что иностранец прилетел и взялся косить. Но ведь у того-то ферта частный визит. Понимаешь? Какое-то частное, может быть, даже амурное дело. Зачем ему я? Ему-то чего я сделал? Он, как? На нашего смахивает?

Катя: Да, обычный... Я бы даже не посмотрела на такого.

Баянов: Молодец! Это ты, в точку. Знай наших! Пусть на них свои герлы смотрят. А наши, эти самые... пусть смотрят... На кого-нибудь другого. Хорошо, я приму. Приглашай.

Катя: Кого?

Баянов: Кого, кого? Конечно, богача этого заморского, нашего хрена доморощенного.

(Катя идет к выходу.)

Разбогател же как-то, язви его в душу, если свой самолет имеет. Хотя, постой, постой...

(Катя остановилась на полпути.)

А пусть-ка он узнает, что и у нас демократия. «...Но у нас особенная гордость – на буржуев смотрим свысока». Пусть немного потомится, вникнет, где находится, куда пришел. Сначала я поговорю с этим работягой из тринадцатого дома. Давай сюда нашего родного, местного Клюковкина.

(Катя идет дальше.)

Хотя, знаешь, воевать, так воевать. Значит, сделаем так. Сейчас я самолично выйду в приемную и на глазах этого заевшегося буржуина приглашу представителя рабочего класса в кабинет мэра.

Катя: Какого мэра?

Баянов: Как это, какого? Меня, конечно. Во, как надо!

(Выходят оба. Почти сразу Баянов возвращается, пропуская вперед Селифанова, которого в приемной он перепутал с Клюковкиным. Следом заглядывает Катя.)

Баянов: Проходи, дорогой, проходи...

Катя: Виктор Петрович...

Баянов (оглядываясь): Ну что еще?

(Катя пытается знаками объяснить путаницу, но Селифанов тоже оборачивается и Катя вынуждена прекратить это объяснение. Баянов, ничего не понимая, показывает Кате, чтобы та закрыла дверь.)

Так вот я хотел сказать, что я всегда рад пообщаться с тем, кто в чем-то нуждается. Да, знаю, знаю как вы обо мне думаете. Бюрократ, мол, и все такое. А вот и нет. Для меня нужды простого человека всегда превыше всего. Вот ты даже не представляешь, что в то время, когда я беседую с тобой, как с народным представителем, в моей приемной парится... Ну, вот кто? Как ты думаешь? Ну, этот, в черном пиджаке и с печаткой на пальце. Тыфу ты, тоже показуху мне тут устроил! Не терплю показухи! Ну, вот как ты думаешь, это кто?

(Входит Катя. Приносит графин с водой.)

Катя, я же беседую!

Катя: Виктор Петрович, извините, я водичку заменю.

Баянов: Зачем?

Катя: Эта водичка у вас уже застоялась. Видите осадок. Для здоровья это вредно.

(Катя меняет графин, но из кабинета не уходит. Начинает, смахивать какую-то пыль, что-то где-то поправлять. Баянов, продолжая говорить, смотрит на нее с недоумением. Катя при каждом удобном моменте, когда ее не видит Селифанов начинает знаками показывать, что, это не тот человек, а слыша, что далее говорит Баянов, она то хватается за голову, то закрывает глаза, то, разболтав замененный графин, с бульканьем пьет воду прямо из горла.)

Нăĕĕĕ ãĭ î â: Ì î à èàæãõŷ, òàì ĩ ðããñðãèèðèèëü æëÿüöî â ĩ ò тринадцатого дома...

Баянов: Что ты мне голову морочишь! От тринадцатого дома – это ты. Нет, тебе-то это даже не вообразить. Ты извини, что я испытываю тут тебя, можно сказать, на пределе твоих сил. Так вот в приемной у меня сейчас парится ни много ни мало, как американский миллионер. Хотя и не похож, верно? И приехал он по очень важному вопросу. У нас с ним ожидаются переговоры и, возможно, контракты, заметь себе, на кругленькие суммы!

Селифанов: Удивительно! Откуда это вам известно?!

Баянов: А что здесь удивительного? У нас с миллионерами только так!

Селифанов: Уважаемый, Виктор Петрович, вы даже не представляете, как я рад вашему позитивному настрою.

Баянов: Так вот понял ты теперь, как я ценю свой народ, особенно своих избирателей? Вы же все мне, как родные. Мне вот даже лицо твое кажется знакомым.

Селифанов: Удивительная память!

Баянов: Спасибо. Хотя, с другой стороны, как же мне

вас не помнить, если вы, со своими проблемами, уже всю плешь мне переели, а по ночам, как живые, перед глазами стоите... Ну, это я так... Это я шучу, конечно. Сам понимаешь... Шутка она ведь тоже, в таком вот, открытом общении с народом необходима.

Селифанов: И все-таки для того, чтобы вспомнить лицо через много лет нужна незаурядная, исключительная память. Помните, девять лет назад я приходил к вам с просьбой подействовать мне с квартирой? Я работал тогда, несмотря на свою молодость, ведущим специалистом на механическом заводе. Но я тогда был так наивен...

Баянов: Да, да, да, вот это я, кажется, даже и без обмана, припоминаю. Ну, надо же! Видно, и вправду, есть память! Ты еще тогда заявил, что, мол, вот где-нибудь за границей тебе бы цены не было. Ох, и рассердило меня тогда это твое самомнение!

Селифанов: И тогда вы ответили мне так, я это помню дословно: «Сейчас наступают новые времена, дуют новые сквозняки, вот зарабатывай деньги и покупай себе хоть одну, хоть десять квартир». Спасибо вам, за такое ценное наставление, которое я не забывал потом никогда...

Баянов: Да, признаюсь, было такое. Ну, и как? Извини, конечно, что твоя, я уверен, трудно, но честно заработанная квартира, оказалась в этом злополучном тринадцатом доме. Ну, да ничего, ничего, все будет нормально. Главное, что мы с тобой тепло, по душам побеседовали, даже немного прошлое помянули... Заверь, пожалуйста, от моего имени всех соседей и жильцов дома, что тепло у вас появится уже... Ну, как бы это сказать, вот-вот...

(Подает на прощание руку. Катя с облегчением уходит из кабинета.)

Нăĕĕĕ ãĭ î â: Í î à ðèéí ààòàòì àì ï à ŷ í à æãã Ĭ î èà ÷ò у меня в Клеповске вообще нет своей квартиры, хотя я здесь родился и вырос. Я только сегодня прилетел из Вашингтона, чтобы купить ее.

Баянов: Из Вашингтона?! Купить квартиру?! *(Поворачивается к залу)* Из Вашингтона! У нас в ...Клеповске купить квартиру?!

Селифанов: Да. И даже не квартиру. И не десять. И не многоквартирный дом... А много, много таких домов...

Баянов (обрушившись в кресло): Ну, и зажрался... Так, значит, ты не из тринадцатого? Значит, вы этот самый иностранец, который Селифанов?

Селифанов: Выходит, так... Вы нас перепутали, но это ничего... Зато я убедился, что вы любите народ...

(Баянов налил воды и выпил.)

Баянов: Простите, неловко как-то вышло... Что ж, если так случилось, то будем говорить с вами, хотя сначала я был обязан потолковать с народом. Ну, так и зачем вы к нам пожаловали? И чем я могу быть вам полезен?

Селифанов: Я приехал для того, чтобы купить весь город Клеповск...

(Баянов некоторое время застыло и задумчиво смотрит на него. Это похоже на транс. Потом приходит в себя от того, что сам же икнул.)

Баянов: Ик! Ой, что это со мной такое!? Ну, ну, продолжайте...

Селифанов: Вот поэтому я к вам и пришел. Должны же вы, как мэр знать о том, что у вас будет происходить. Кроме того, я вообще-то надеялся заручиться вашей поддержкой. Вы ведь и сами тут только что говорили о возможных контрактах на крупные суммы.

Баянов: А что, я разве для тебя это говорил?

Селифанов: Ах, да! Это ж было для народа...

(Баянов нажал кнопку селекторной связи.)

Баянов: Катюша, пожалуйста, из приемной ни ногой. И вызови, на всякий пожарный, наряд милиции и бригаду из этой, ну как там ее... В общем, из сумасшедшего дома. У нас

ёубопытный посетитель. *(Селифанову):* Ничего, что я это так? Прямо при тебе?

Селифанов: Да, ничего, ведь вы волнуетесь.

Катя: Виктор Петрович, я не поняла, а пожарников тоже вызвать?

Баянов: Пока не надо. И вот еще что. Пусть этот Клюковкин подождет немного. С народом я все равно говорить буду. Объясни ему всю важность и сложность складывающейся обстановки.

Катя: А он уже ушел.

Баянов: Как ушел?! А с кем я говорить буду?

Катя: Ну, не знаю, он не сказал с кем. Ушел, да и все.

Селифанов: Наверное, он решил, что разговор с вами уже не нужен. Я поговорил с ним и пообещал, что завтра куплю их дом и отремонтирую всю теплотрассу.

Ààÿí î â *(как психиатр всматриваясь и при помощи пальца, ловя взгляд Селифанова):* И он поверил?!

Селифанов: Конечно, поверил. Он же ушел.

Баянов: Велик и непостижим наш народ. В твою чушь поверил, а в мою... Я хотел сказать, правду, не верит. Ты хоть видел, хоть знаешь что это за дом?! Это ж небоскреб! В нем целых девять этажей и десять подъездов! Это самый большой дом в нашем городе. Он, кстати, оттого и замерзает каждую зиму, что самый большой.

Селифанов: Ну, собственно, какая мне разница с какого дома начинать? Начну с тринадцатого, в котором девять этажей. Да там, скорее всего, нужно сразу весь микрорайон оформлять.

Баянов: А ты хоть представляешь, что, значит отремонтировать теплотрассу? Хотя... Кстати, ишь ты, что удумал! Да кто тебе позволит ее трогать? Она же ГРЭС принадлежит.

Селифанов: А я и ГРЭС куплю. Вместе с ее теплотрассой.

Баянов: Что!? Как, ты сказал? Погоди, что-то у меня в ухе зазвенело. В этом или в этом? Стоп, я кажется, уши перепутал. И в глазах что-то похужее... ни на что. Ты никакой черной магией не владеешь?

(Селифанов придвигает ему стакан с водой.)

Селифанов: Да не волнуйтесь вы так, Виктор Петрович, все будет о, кей.

Баянов: Нет, но что же это такое происходит? И главное, я-то, нормальный, казалось бы, человек, сижу тут и разговариваю о том... о чем мы разговариваем... Да ты хоть знаешь, сколько все это стоит?

Селифанов: Да. Я знаю точную сумму всему. А вы?

Баянов: И я знаю. Это бе-ше-ные деньги!

Селифанов: Ничего, у меня и нормальных хватит. Я все посчитал. Я смогу выкупить семьдесят пять процентов всей городской недвижимости. Кстати, здание этой мэрии, вместе с вашим кабинетом и приемной там же...

Баянов: Где-е?!

Селифанов: В тех же процентах.

Баянов: Ну, бра-ат... Ловко ты меня подсиживаешь... А что же я буду делать?

Селифанов: А я вас к себе на работу приму.

Баянов: На должность лакея?

Селифанов: Нет, лакеем вы работать не сможете.

Баянов *(грозно поднимаясь из-за стола):* Что-о?!

Ñàèèò àì î â *(на всякий случай защищаясь руками):* У вас характер не тот. Вы можете работать только в качестве мэра. Я и жалованье буду вам платить. Еженедельно, как в Америке. Ведь проблемы в Клеповске останутся, даже если я его выкуплю весь.

Баянов: А вот и не весь. Пятнадцать-то процентов покупаются все равно не по зубам.

Селифанов: Остальные пятнадцать я выкуплю через полгода, на прибыль, которую дадут купленные мной предприятия. Те, что сейчас обанкротились и простаивают.

(Входит Катя со шваброй наперевес.)

Катя: Виктор Петрович, наряд милиции и бригада из психушки в приемной. Как будем действовать?

Баянов: Пока никак. Пусть отдохнут. Тут у меня разговор очень такой занятный. Тут меня немного покупают. *(Катя опускается на стул у двери.)* Послушай, любезный, сознайся, пожалуйста, сам. Ты случайно не псих? Ты точно из Америки?

Селифанов: Могу паспорт показать. *(Сунул руку в карман. Катя вскакивает и за его спиной высоко замахивается шваброй.)*

Баянов *(Селифанову):* Стоп, стоп! Ничего не нужно. Оставайся на месте... Но если ты нормальный, так скажи, зачем нормальному человеку может потребоваться какой-то город Клеповск?

Селифанов: А для меня он не какой-то. Я же здесь родился и вырос.

Баянов: Какая великая честь! Может быть, адрес скажешь, где ты вырос? Чтобы мы там на стену памятную доску привинтили.

Селифанов: Пожалуйста. Сначала я жил в детдоме имени Надежды Константиновны Крупской, а когда школу закончил, то в общежитии номер шесть при механическом заводе.

Баянов *(спуская пары):* А родители у тебя кто?

Селифанов: Я никогда не видел их, к сожалению...

Баянов *(закуривая):* Н-да... А что же тогда, девять лет назад, ты мне свою историю не рассказал?

Селифанов: Тогда я думал о другом. Я бы тогда к вам не пришел, если б вся моя судьба в то время на волоске не висела. У меня девушка была, мы пожениться собирались, а она в моем общежитии жить не захотела. Мне квартира была нужна позарез. Так мы потом с ней и расстались...

(Катя у двери, сморкается в платок и вытирает слезы.)

Баянов: Что ж, сожалею... Хотя, думаю, в жизни это не самое страшное.

Селифанов: Как бы там ни было, но Клеповск для меня все равно «не какой-то...» А теперь, когда я пожил в Америке и понял, как можно жить, то мне стало просто стыдно и обидно, что мой родной, красивый город, с такой богатой историей и природой гибнет на глазах. И я задумал вытащить его из грязи и невежества.

Баянов: Но где ты взял столько денег?! Их ведь заработать нужно!

Селифанов: Я заработал их честно. А еще мне здорово повезло. Помните ли вы штатовские фильмы о разных счастливицах, которые в Америке мгновенно превращаются в богачей? Нас еще уверяли, что мол, все это американская сказка, и что на самом-то деле такое случается лишь с одним из десятков миллионов. Но ведь случается же! Вот и со мной случилось – я оказался тем единственным из десятков миллионов. Ну, а если мне такое привалило, подумал я однажды, то почему бы мне не поделиться этой сказкой с моим родным городом?

Баянов: Господи... Ты еще и романтик... Разве у таких людей бывают деньги? Да еще такие большие.

Селифанов: А ведь в долларах-то тут теперь все не так и дорого. Если и дальше так пойдет, то скоро и другие иностранцы смогут покупать в России города и села. Кто в одиночку осилит, а кто в складчину с братом или соседом. Им просто этого не надо. А мне надо. Я за Клеповском уже давно наблюдаю и знаю его полный баланс.

Баянов: Что ж, поглядим, у тебя выйдет.

Селифанов *(поднимаясь):* Спасибо вам за то, что вы ни разу не отказались меня принять.

(Идет к выходу. Катя поспешно выбегает вперед его. Баянов было нерешительно идет за Селифановым, но на столе звонит телефон.)

Баянов *(в трубку):* Что? Тринадцатый дом? Ах, тринадцатый дом... С ним все о, кей! Завтра его купит один аме-

рикәнец... И теплотрассу купит... И ГРЭС тоже... А я-то? Виктор Петрович, я. Да, мэр... пока еще. Вполне здоров. Температура 36 и 6. Неделю назад замерял. Нет, на работе не употребляю. Да идите вы к лешему со своим тринадцатым домом!

Картина вторая

(Тот же кабинет. Утро, две недели спустя после приезда Селифанова. В кабинете Баянов и начальник милиции Дырялов. В стороне от письменного стола стоит дополнительный стол весь заставленный стаканами.)

Дырялов: Виктор Петрович, а зачем вам столько стаканов?

Баянов: Да закупили тут, понимаешь ли, для внутренних нужд. Но скоро всем нашим нуждам, видно придет конец, если дело и дальше будет так же развиваться. А ведь у нас такой коллектив! Такие специалисты! А Катя! Ты заметил, какой она замечательный специалист?

Дырялов: Еще бы не заметить!

Баянов: Э...э... что ты мог заметить... *(Нажимает кнопку селекторной связи):* Катюша, зайди, пожалуйста. *(Сидит выжидая, потом спохватился, подходит к столу хватая стакан и замахиивается, чтобы разбить его. Но входит Катя, углубленная в вязание чего-то очень длинного.)*

Катя: Что, Виктор Петрович, опять стакан разбили?

Баянов: Да пока еще нет, Катюша. То есть я хотел сказать... М...да, что же я хотел. Ах, да! Забери-ка у меня вот эти бумаги. *(Вручает ей бумаги. Катя выходит.)* Ну, надо же! Все время путаюсь! *(Бьет стакан об пол. Подходит и ногой поправляет крупные осколки, чтобы они лежали подальше друг от друга. Потом идет к столу, нажимает кнопку.)* Катя, извини, пожалуйста. Тут наш гость, товарищ Дырялов, совершенно случайно стакан разбил.

Катя: Я вас поняла, Виктор Петрович.

Дырялов *(вскакивая):* Виктор Петрович, да вы что?! Как это понимать?!

Баянов: Ничего, ничего, мой друг. Не всегда же мне их бить. Иногда это уже не убедительно. *(Берет стул Дырялова, ставит ближе к разбитому стакану.)* Присаживайся. Здесь будет удобней. *(Еще один стул ставит рядом для себя. Притушивается свет, звучит музыка. Появляется Катя. Юбка не ней еще короче. Начинается шоу по уборке стакана. Наконец Катя удаляется.)*

Баянов: Ну, чем тебе не специалист?

Дырялов *(обессилено):* Конечно, я люблю смотреть фигурное катание. Но это б видеть такое... Можно, я еще один стакан разобью.

Баянов: О, да я вижу тебя допусти, так ты всю посуду здесь переколотишь... Трудно представить, что все это можно потерять из-за этого нашего Робин Гуду или, даже не знаю, как там его называть? Третья неделя пошла. Что, все так и орудует со своей бригадой?

Дырялов: Да, вы правы, Виктор Петрович гуду они наделали нам много. Трудятся, как черти!

Баянов: А мне, знаешь ли, работать стало совсем невозможно. Вот представь, звонит телефон. Ты уже, как положено, весь во! *(Встает из-за стола, показывает боксерскую стойку)* Ждешь, что сейчас тебя чем-нибудь шарахнут, иной раз даже глаза закрываешь. А тебя, вместо этого возьмут и по затылку погладят... У меня от такого перепада аж сердце останавливается. Ну, разве так можно? *(Звонит телефон. Баянов вздрагивает.)* Во, похоже, накаркал! *(Поднимает трубку, принимает суровый вид, говорит в прежнем раздраженном стиле.)* Алло! Да, слушаю. Да, я. Какое там еще к черту спасибо! За то, что теплотрассу отремонтировали? Ну, ладно, ладно уж... Пожалуйста. Вам тоже всего доброго, будьте здоровы! *(Бросает трубку)* Во, видел?! Как

объяснить неосознательным людям, что я здесь не причем? Знал бы ты как трудно такое выслушивать. Да это просто неестественно как-то... Ну, как меня можно хвалить? У меня, в конце концов, должность не такая... Один, правда, сегодня меня порадовал. Из тринадцатого дома, опять же... пожаловался, что в квартире жарко. А потом выяснилось, что он слишком перезакалился и нормальную температуру стал воспринимать, как экстремальную. И как только у меня нервы выдерживают. Вот какую рабочую атмосферу создал мне этот Селифанов.

Дырялов: Да, надо сказать, классно они работают, Виктор Петрович. Команда, конечно, прикатила с ним такая, что держись. И, главное все свое с собой привезли и компьютеры, и машины. У них одних мерседесов штук десять. Прибыли из Владивостока в контейнерах.

Баянов: Боже мой, боже мой! Полная оккупация. И все на глазах. Прут в полный рост, со штыками наперевес...

Дырялов: Да, сразу с утра они, обычно, разъезжаются по всем инстанциям, и всюду оформляют документы на покупку.

Баянов: А на кого хоть оформляют-то? На Селифанова? Но иностранцам же нельзя у нас ничего покупать.

Дырялов: А какой он иностранец? У него наш паспорт. Я сам проверял. У него и прописка в общезжитии сохранилась.

Баянов: Но как прописка-то могла сохраниться? Ведь он же девять лет болтался в каком-то Вашингтоне! Взяли бы и выписали, к чертовой бабушке!

Дырялов: Так он все девять лет за свою койку в общезжитии платил. Деньги присылал. На койке не спал, а платил за нее. Городу же выгодно было... А теперь что? Он эту общагу на второй день приезда купил. Ну, выпиши его с одной койки, так он на другую пропишется.

Баянов: Тьфу ты! Но хоть как-то с ним можно бороться или нет?!

Дырялов: А зачем?

Баянов: Как это зачем? И это говорит начальник милиции?!

Дырялов: А что у начальника милиции нет родственников, которые без работы сидят? А Селифанов три дня назад выкупил механический завод, который у нас уже четыре года стоит и который уже чуть не растащили. И теперь туда людей набирают. Отдел кадров заработал. Моего младшего брата, слесаря высшего разряда, уже приняли. Ходит прямо весь, как не знаю кто. А ведь чуть было не спился человек. Вчера иду мимо, дай-ка, думаю, к нему загляну. На площадку поднимаюсь, слышу «Подгорную» на гармошке наяривает. Ну, все, думаю, прыть надрался вдрабаган. Захожу, а он гад, совершенно трезвехонький. Я даже обнюхал его всего. Трезвый, как стекло, которое только что шампунем помыли. Так ты не поверишь, я чуть было не заплакал. *(Отвернулся, просморкался и вытер глаза.)* Скажи, ты давно видел у нас человека, который бы по трезвяне на гармошке играл?

Баянов: Скажешь тоже. Я и гармошку-то только по телевизору вижу. По всей России, то оттуда, то оттуда кричат, как будто кобылу понужают: Играй, гармонь! Играй, гармонь любимая! А эта любимая все равно только по телевизору играет. А чего ей играть-то, если не с чего...

Дырялов: Вот видишь, а у брата заиграла. Зайди к нему, он тебе эту гармошку в натуре покажет. И даже сыграет. А выпьете с ним, так и спляшет...

Баянов: Ой, давай только без этой лирики. Выпьем, понимаешь ли...

Дырялов: В общем, так. По последним сводкам, Селифанов покупает сейчас сразу пятнадцать предприятий, связанных с выпуском продовольствия: хлебозавод, пивзавод, ликероводочный завод, завод колбасных изделий, ну и все прочее...

Баянов: Пятнадцать предприятий! Да это же вся пище-

вая промышленность города! А ведь среди них есть и государственные предприятия. Куда же государство-то смотрит!

Дырялов: А что государству зеленые не нужны? Селифанов говорит, что сейчас у нас покупаемо все, только государственное чуть подороже. А кроме того, и у государства губа не дура. Предприятия-то все равно останутся здесь. На нас же и будут работать. На нас же будут кормить и поить. Да еще и налоги наши платить. А налоги наши, сам знаешь, надежнее всякой удавки. Просто выглядят чуть подемократичней, чем удавка. Вот и выходит, что государство эти доллары на халяву получит, да и все.

Баянов: Ты как-то не хорошо о государстве начал говорить. «На халяву», понимаешь ли... Налоги тебе, видишь ли, почему-то не нравятся... *(Звонит телефон. Баянов поднимает трубку.)* Алло! Ах, это вы, Петр Иванович! Здравствуйте! Да, я в курсе всего. Да, с Селифановым знаком, был грех. Как? Вы восхищены тем что происходит?! Да, я тоже вроде того... Конечно, Селифанов, знаете ли, очень интересный человек. Я ведь давно уже с ним знаком. Да, он и перед отъездом в Америку ко мне заходил. Да нет, не официально. Посидели, так немного, чайку попили. Я ему даже, что-то вроде напутствия дал. Он в этот раз заходил, благодарил меня... А вот замолвить за вас словечко, Петр Иванович, я, честно сказать, не знаю как. Конечно, я бы мог ему о вас что-нибудь хорошего сказать. Только вы мне сами скажите что конкретно? А, собственно, в чем дело-то? Да, мне он предложил работу. А вот как с вами... Ну, на прием к нему, что ли, запишитесь... Пожалуйста! *(Кладет трубку.)*

Дырялов: Что? Сам, что ли?

Баянов: Он. Ну и дела...а. Ни в сказке сказать, ни пером описать. Ну, да ничего, пусть этот старый хрыч теперь повернется. Ты, кстати, справки навел? Селифанов что, и вправду, детдомовский?

Дырялов: Так точно. Об этом уже и в городе узнали. Он вчера даже со своими родителями встречался.

Баянов: Что нашлись все-таки?

Дырялов: Да. Двадцать пять мам и тридцать шесть пап. Все подали заявление на усыновление.

Баянов: Ну и как?

Дырялов: Вчерашняя очная ставка прошла неудачно. Они, все, как один, узнали его, а он почему-то не узнал ни одного.

Баянов: Ну, знаешь ли, это он заелся.

Дырялов: А с другой стороны, как их узнаешь? Они-то, когда его подкидывали, были уже взрослыми, в сознании, а он-то ведь был совсем грудничком.

Баянов: Логично. А в самом детдоме его признали?

Дырялов: Конечно. Там даже его детские фотографии остались. Видел бы ты, что там сейчас творится. Все классы уже компьютеризовали, в спортзал всяких тренажеров повезли, начали бассейн строить, получили два больших автобуса, мол, для того, чтобы детям на природу выезжать, всю одинаковую одежку у них собрали и раздели их так, что ребятишки сейчас выглядят, как на картинке. А вчера на хладокомбинат разгрузили вагон продуктов, который пришел специально для детдома. Но кто знает, может быть, тут-то как раз и не все хорошо...

Баянов: А что же в этом плохого? Вот детдом-то он пусть, ради бога, покупает и содержит...

Дырялов: Да не в этом дело. Люди же сирот начали плодить...

Баянов: Да ну... Как это они смогли?

Дырялов: Пожалуйста, вот справка. Которая, между прочим, портит нам всю картину. По городу растет количество отказов от детей. Причем, отказываются не только от младенцев, но даже и от школьников. И даже в приличных семьях. С одними вот такими горе-родителями я начал беседовать, так они в слезы. Пусть говорят, мы лишаемся всяких формальных

прав на ребенка, зато он хотя бы вырастет по-человечески. Я уж успокаивал их. Потерпите, говорю, немного. И на вашу улицу придет... этот, как его... призрак капитализма...

Баянов: Ничего себе призрак... Да тут, считай, уже целый загнывающий капитализм. Капитализм в отдельно взятом городе, так что ли выходит?

Дырялов: А хоть бы и так. Мы что не к капитализму все последние годы прем? А по мне так теперь хоть что, главное, что все мои родственники работу нашли. Да и у тебя, Виктор Петрович, тоже кое-что сдвинулось.

Баянов: Что верно, то верно. И сын устроился и жена вдруг решила еще поработать. По крайней мере, Наталью мы теперь в любой платный институт пристроим. Теперь мы это уже потянем.

Дырялов: Ну, вот видишь...

Баянов: Да что ты заладил: видишь, да видишь! Вижу. Но я же не так воспитан! Я что тебе марионетка!? Дай мне хоть немного поспортивляться-то, что ли... Какое я имею право смотреть на все это спокойно? Я же полтора десятка лет мэром просидел и ничего толком не сделал. А этот прощелыга за две недели все купил и все перевернул с ног на голову.

Дырялов: А мне кажется, что прощелыга с такими деньгами – уже не прощелыга.

Баянов: Слушай, а он зарплату как платит? Долларами что ли?

Дырялов: Конечно.

Баянов: А ведь он мне, и вправду, работу предлагал. Мэром работать, только за его жалованье. Ну, а чего бы здесь теперь не работать? Видишь, какая тишина. Хоть телевизор включай.

Дырялов *(смотрит на часы)*: И включай! Да включай же скорее! Где розетка? Куда воткнуть? У него как раз сейчас пресс-конференция по телевизору идет... Черт, да уже заканчивается!

Картина третья

(Пресс-конференция.)

Журналистка: Итак, продолжаем нашу пресс-конференцию. Пожалуйста, следующий вопрос.

Окопов: Господин Селифанов, моя фамилия Окопов, я представляю партию патриотов города, области и страны. Я вот все сидел и, развесив уши, слушал вас, пока не понял: хватит мне сидеть и отсиживаться. Я вас полностью раскусил! Вот вы очень рьяно скупаете частную и государственную собственность! Вы хотите придушить нас голыми руками! Но я от имени своей партии заявляю: мы этого не допустим! Американские шпионы, интервенты и их сателлиты, вон из нашего дорогого Клеповска и в целом из страны!

(Поднял руки в ожидании аплодисментов. Аплодисментов нет.)

Селифанов: Вы хотите сказать, что как человек, любящий свой город, вы не позволите, чтобы люди в этом городе жили лучше?

Окопов: Да не позволим! То есть, нет! Позволим! Но не так! А как? Мы пока этого не знаем! Но так мы жили веками! Такова наша историческая роль!

Селифанов: А вам не нравится, как живут люди за рубежом, например, в той же Америке?

Окопов: Мне не нравится, как живут в Америке!

Селифанов: Вам не нравится ее роль на международной арене?

Окопов: Мне не нравится ее роль на международной арене!

Селифанов: Вам не нравится форма правления в Америке?

Окопов: Мне не нравится форма правления в Америке!

Селифанов: Вам не нравится форма унитаризма?

Окопов: Мне не нравится форма унитаза! ...Погодите... О чем, это вы сейчас спросили? А при чем здесь унитаз?! Вы на что намекаете!?

Селифанов: Да я это так, на всякий случай поинтересовался...

Окопов: Ах, издеваетесь?! Да, мы так жили, и будем жить! А что обещаете вы, господин заезжий?!

Селифанов: А я не обещаю ничего. Но, признаться, вы меня обижаете. Я здесь не заезжий. И если бы мои поступки не нравились всем, так же как вам, то я просто собрался бы и уехал. Но выйдите на улицу. Посмотрите, что уже сейчас происходит в городе. Нужны ли после этого обещания? Я и моя команда – это люди дела, а не обещаний.

(На столе ведущей звонит телефон).

Журналистка: А вот еще один звонок наших телезрителей. Попытаемся разрядить нашу накаленную обстановку... Алло, алло, мы слушаем вас.

Голос из телефона: Ну, в натуре, я аж не вытерпел, аж даже сам решил вам звякнуть, правда, тут телефон попался с этим диском, пальцы никак не попадают. Припотел, пока номер набрал...

Журналистка (перебивая): Вы что-то хотели спросить?

Голос из телефона: Да че там, спрашивать? Меня этот козел партийный, который про шпионов заорал, до печенок уел. Пусть он там съедет и прижмет, что надо, пока ему это самое не открыли. Вот так. А твоя карета, Селифан, правильным курсом едет! И смотри, не вздумай вообще уехать. Мы тут все, в натуре, тащимся от твоей крутизны. Давай, паши и дальше. Мы тебе пока мешать не будем. Хотя, честно признаться, и у нас сейчас в карманах ветер. А с кого, че возьмешь? С нищих? Пусть они сначала че-нибудь заработают. Так что, будь спок. А если против тебя какой напряг пойдет, ты нас извести, уладим. А этот Попопов или Закопов, как его там, пусть перед тобой извинится. Ну, все, братила, покеда, а то менты номер засекут.

Журналистка (торопливо): Так, так, пожалуйста, скорее какой-нибудь вопрос из зала.

Голос из зала: Господин Селифанов, а это правда, что все вы покупаете на свои деньги? Сколько же их у вас?

Селифанов: Теперь, когда наше дело уже подходит к формальному завершению, могу признаться, что на самом деле, не все деньги, которыми я распоряжаюсь – мои. Примерно сорок процентов капитала – это деньги, вложенные в этот эксперимент другими американскими бизнесменами. Вы знаете, что вкладывать деньги в Россию, бояться все. Но кому-то надо начинать. Я смог уверить своих партнеров, что при правильных расчетах и верной тактике, это совершенно безопасно. Если все будет нормально, и наш эксперимент удастся *(а я в этом уверен)*, то, надеюсь, такая же помощь придет и в другие Российские города.

Вопрос из зала: А почему раньше вы не могли признаться, что не все деньги ваши?

Селифанов: Нам это казалось необходимой мерой предосторожности. Нам хотелось представить эту акцию, как некую частную инициативу, чтобы это не воспринялось некой организованной агрессией. Но эти опасения, как мы видим теперь, были излишни. Люди со всей душой идут на встречу происходящим переменам.

Окопов: Это снова я, Окопов. *(Ведущей)* Кстати, я попросил бы, оградить мою историческую фамилию от этого самого, от перековер... от перекувыркания. *(Селифанову)* Наша партия могуча и не боится никого, но тайные методы, вроде мордобоя или откручивания иных частей тела – это не наш метод борьбы и потому я должен сознаться, что, видимо, я тут все-таки маленько погорячился. Вы уж, если что, так извиняйте...

Селифанов: Хорошо. Считайте, что инцидент исчерпан.

Окопов: Но моя партия хочет настойчиво знать конкретный ответ: что останется от России при выкупе российских городов?

Селифанов: Россия и останется Россией. А вот от нищеты российской может не остаться ничего...

Вопрос из зала: Но если ваш эксперимент сорвется, что тогда? Вы бросите все заводы и производства, которые, без вас тут же закроются и вернетесь в свой Вашингтон?

Селифанов: Вашингтон – не мой. Мой город – это город Клеповск. И если вдруг то, о чем вы говорите, то, конечно, мне придется вернуться в Америку. Но это будет трагедией всей моей жизни. Давайте, не будем думать сейчас о плохом.

Вопрос из зала: Я по профессии библиотекарь. Вот вы говорите о возможных благах, а как это отразится на культуре?

Селифанов: Надеюсь, что книга в вашей библиотеке прибавится. Пусть их будет больше и пусть они будут лучше. Это же касается в целом всей культуры. Да и для чего еще жить лучше, если не для этого?

Журналистка: А что будет с нашим телевидением?

Селифанов: Надеюсь, что оно станет профессиональной. Успокойтесь, радио, телевидение и газеты – мне не нужны. Я не Владимир Ильич, проживу и без власти.

Таня: Господин Селифанов, здравствуйте! Меня зовут Таня.

Селифанов: Очень приятно.

Таня: А на частный вопрос вы ответите?

Селифанов: Если его задает такая очаровательная барышня, то обязательно.

Таня: Ходят слухи, что когда-то в нашем городе, у вас была девушка, расположения которой вы в свое время так и не добились. Может быть, причина вашего возвращения в этом?

Селифанов: Да, такая девушка была. Сейчас она замужем и ломать ее семью я не намерен. Но не скрою, что мне было приятно возвращаться в город, где она живет.

Таня: И еще, уж простите, пожалуйста, вы женаты?

Селифанов: К сожалению, еще нет. Пока мне было не до этого. В Америке мне пришлось очень много работать. Но дело даже не в этом. Открою свой личный секрет. Мне не хочется, чтобы моей женой была американка. Все эти годы я надеялся, что эта моя звезда взойдет с моей родины, из России... Надеюсь, я ответил на ваш вопрос?

Таня: Да, спасибо. Наверное, ваш ответ взволновал не только меня, но и многих наших девушек. Однако, господин Селифанов, вам будет очень трудно. Вы со своими миллионами слишком далеки от нас... Удачи вам!

Голос из зала: Господин Селифанов, вы очень правильно посоветовали патриоту Окопову выйти на улицу и увидеть, наконец, происходящее вокруг. Люди стали открытыми, они улыбаются друг другу, даже в автобус они входят не так, как раньше. Это ж неслыханно – люди перестали толкаться в автобусах! Вчера я была на рынке и поразились тому, как много сейчас покупают цветов! Когда я вижу все это, мне хочется крикнуть: это сон! Так просто не бывает! Сердечное вам спасибо!

Селифанов: Спасибо вам за добрые слова и поддержку. Конечно же, это не сон. Вы слишком долго жили в подавленном состоянии. И находясь в нем, вы все время пытались угадать, с чего, с каких примет может начаться улучшение жизни. А нормальная жизнь налаживается так, как вы видите сейчас: с цветов, с улыбок, с доброго слова, со звуков гармошки, которая играет у кого-то за окном. *(Поднимается из-за стола.)* Спасибо вам за такую теплую встречу. Запись этой передачи я обязательно покажу своим американским друзьям и партнерам. А сейчас, простите, я вас покину. У меня еще много работы. Всего вам доброго!

Журналистка: Поблагодарим нашего славного земляка! *(Звучит какая-то музыкальная заставка передачи вроде начала песни «Вот опять небес темнеет вьсь...», к Селифанову подходят берут автографы и прочее, все расходятся, гаснет свет.)*

Картина четвертая

(Квартира предпринимателя Кости Бойцова. На стене спортивные дипломы и боксерские перчатки. На кухне Валя, жена Кости, готовит обед. Работает маленький телевизор. Звонок в дверь. На пороге Селифанов.)

Валя: Ба-а, Селифанов, что ли... Да еще и с цветами. Нет, так не бывает. Ну, проходи, проходи, раздевайся. Сколько лет, сколько зим... И как же ты меня отыскал?

Селифанов: Позвонил твоим родителям. Представился старым знакомым. И они мне все про тебя рассказали. О том, что ты замужем, что живешь как сыр в масле катаешься. Я уж думал не искать тебя, не мешать тебе. А потом решил, ну и что? Почему бы и не увидаться?

Валя: Эх, Селифанов, а ты все такой же наивный... Ну, как ты можешь мне помешать? У меня уже слишком все устроено. А розы твои красивые. Мой любимый никогда мне таких не дарил. И сколько же мы, интересно, не виделись?

Селифанов: Девять лет.

Валя: Бог ты мой! Как, наверное, постарела я в твоих глазах! А ты не изменился... А я, как и прежде, снова ввожу тебя в разорение. Ведь этот букет такой дорогой...

Селифанов: Ничего, вводи. Теперь я выдержу...

Валя (посмеиваясь): Ты что разбогател что ли? Ты где-то в отъезде был? О тебе ведь вообще ничего слышно не было.

Селифанов (отмахнувшись): Да, ездил тут...

Валя: На квартиру-то хоть накопил, или все еще по об-цагам маешься?

Селифанов: На квартиру накопил. Все нормально. Я, знаешь, все тебя забыть не мог. Думал приеду, квартиру куплю, тебя увижу...

Валя: А зачем? Ой, не смеши меня, Селифанов. Я, и впрямь, неплохо живу. Любимого своего редко вижу, зато голова у меня не болит от том, что одеть и что съесть. Он у меня вертится, как веретено и потому в доме, как видишь, полный ажур. Розы-то у тебя, конечно, красивые. Только вот как на них мой любимый отреагирует. Он вот-вот должен на обед приехать. Ну, ладно, наплету чего-нибудь. Ему сейчас не до того. Он последнюю неделю, как помешанный. Слышал, наверное, у нас тут богатенький американец объявился, вот он этого америкашку и догоняет. Какое-то дело у него к нему есть. А тот, знаешь, лица своего нигде не показывает, прямо засекреченный какой-то. Ты посиди пока, журналы вон полистай. Извини, правда, что все они на английском. А мне еще суп заправить нужно.

(Идет на кухню, прибавляет звук телевизора. Слышен голос диктора: «Начинаем наши новости за обеденным столом. Главная новость. Наконец-то господин из Америки оказался на широкой публике. Вчера на четвертом канале клеповского телевидения состоялась пресс-конференция с его участием, на которой присутствовали и журналисты, и обычные зрители. Гостю было задано много вопросов, среди которых была и такая, вот интригующие...» Идет по куску пресс-конференции, где Селифанова спрашивали о его девушке в городе.)

Валя: Что-о-о!? Селифанов? Этот америкашка – Селифанов? Вот так номер! Так это что же? Это он у меня там сидит? *(Выглядывает.)* Точно сидит. И точно он. Тихонечко, скромненько так сидит. На квартиру накопил по копейке и посиживает теперь на диванчике, журнальчик листает. Ну, и что же мне делать? Что-о!? Стоп, Валюха, стоп! Срочно возьми себя в руки! В этой жизни все бывает. А, значит, все должно быть. Так, что же он мне сказал? Ах да, забыть он обо мне не мог. Правильно, правильно. Как можно забыть такую красивую женщину. *(Смотрит в зеркало.)* Ничего себе лахудра! Так! Расческа! Помада! Тушь! *(Выскакивает из кухни. Пробегает в спальную, перепрыгнув через ноги гостя.)*

Селифанов: Валя, что случилось?

Валя: Ничего, ничего Васенька, я сейчас.

Селифанов: Господи, она еще помнит как меня зовут. А Васенькой она меня вообще никогда не называла. Что это с ней такое? *(Некоторое время отрешенно смотрит куда-то в угол, и снова опускает глаза в журнал, но уже ничего не видя в нем. Потом быстро достает из кармана сотовый телефон, набирает номер.)* Алло, Майкл, предупреди, всех наших, чтобы мне не звонили. Я два часа занят. Звонить, если только что-то очень срочное.

(Прячет трубку. Тикают настенные часы, Селифанов смотрит на них. Входит Валя. Шикарное платье с глубоким вырезом, причесана, с ярко накрашенными губами. Включает тихую музыку. Как бы сама, не замечая своего прикида, вроде, как обычно, проходит по комнате, ставит розы в вазу. Потом садится в кресло, забросив нога на ногу. Закуривает. Селифанов в шоке.)

Селифанов: Такой я никогда тебя не видел...

Валя: Да, ничего особенного, такая же, как всегда. *(Смотрит на настенные часы.)* Интересно, где этот козел сегодня застрял. Суп уже остыл и греть я ему не собираюсь.

Селифанов: Какой козел?

Валя: Да муж мой разлюбезный.

Селифанов: А, так это ты для него нарядилась...

Валя: Да... А что? Я всегда его так встречаю. А как еще нужно встречать мужчину, с которым живешь под одной крышей... Или с которым могла бы жить...

Селифанов: Вот как ты его любишь.

Валя: Да как сказать... А куда денешься? Ты же оставил меня когда-то. Да, ничего, я не в обиде. Все мужики сволочи. А мой, честно сказать, так вообще полный идиот. У него одна забота – побольше награбастать. Спит и видит, как накопит денег и умотает на Канары. На всем жметса, даже машину путную себе не купит. А чтобы уж как-то задуматься о душе, так на это его соображалки вообще не хватает.

Селифанов: Ну, а ты? Что бы сделала, имей много денег?

Валя: О-о! Это, между прочим, больной, но очень приятный вопрос, Васенька. Так вот я... Я бы сделала бы все совсем иначе. Я бы... Я бы не уехала на Канары, нет. Я бы отправилась в какое-нибудь другое место. Ведь, на Канарах, говорят, сплошные пляжи, девочки в бикини. А я почему-то красивых девочек не терплю. Не знаю, может быть, потому что и сама еще ничего, а? *(Застывает в красивой позе и вдруг вздрагивает от звонка в дверь.)* Во, явился, наконец! *(Идет, открывает дверь. Входит Костя.)*

Костя: Слушай, там у подъезда такая крутая тачка стоит! Ну, полный отпад!

Валя: Так ты что у подъезда застрял? А я тут тебя дож-даться не могу. Суп уже замерз.

Костя: Там такая тачка, что не хочешь, да застрянешь. А ты, куда намарафетилась? В театр собралась? Только там тебя еще и не видали. Стоп, стоп, да тут, чуя, розами пахнет!

Валя: Ничего себе нюх!

Костя: А ты неделю не попей, так не то что нюх, но и третий глаз откроется. Ведь никак не могу его надыбать. Кто это там у тебя?

Валя: Ну, это один, как бы тебе сказать, мой бывший ка-валер. Только давай сразу договоримся – это не тот случай, чтобы ревновать, понял? Так что не подумай ничего плохого.

Костя: А чего бы мне это вдруг думать? Тут не думать, тут прыгать надо. Ну-ка, ну-ка... *(Снимая с ног ботинки, заглядывает в комнату и разочаровывается.)* Этот что ли? Тьфу, ты! Только адреналин зря потратил. Уж приглашала бы кого-нибудь пофактурней.

Валя: Да не приглашала я. Он сам пришел.

Костя: Кажется, это я уже где-то слышал... Я уж подумал, что там Ален Делон какой-нибудь. А там сидит какой-то детдомовский. Ты что его обидела чем-то? *(Входит в комнату протягивает Селифанову руку.)* Костя.

Селифанов: Василий.

Костя: Слышь, земля, ты тачку у подъезда видел? Что за марка, не знаешь?

Селифанов: Шестисотый Мерседес.

Костя: Твой что ли?

Селифанов: Ну, что вы!

Костя: Да я и то подумал, что быть такого не может.

Селифанов: Почему?

Костя: На таких тачках другие люди ездят. Кстати, Валя, погладь-ка мне свежую рубашку. *(Селифанову)* Вот знаешь, у нас ходят все, как попало и в чем попало. А я так не могу. Ну, а я же, сам понимаешь, выглядеть должен. Сейчас про нас травят разные анекдоты, что, мол, мы тупые и все такое. А мне так нравится быть таким новым русским. Я даже горжусь этим. Хотя над анекдотами о всякой там нашей невоспитанности и необразованности ржу до упаду!

Селифанов: Ржете? А почему ржете-то?

Костя: Ну, а как же не ржать, если смешно?

Селифанов: Скажите, а в чем состоит ваш бизнес?

Костя: Опа-па-а... А вопросик-то конкретный. Ты, земля, случаем не из налоговой?

Селифанов: Ну что вы!

Костя: Да я и то подумал, что не похож. Там сейчас тоже осанистые ходят... Я водярой торгую. Все этого америкашку догоняю, нигде выцепить не могу. Он же всю нашу ликерку хапанул вместе с потрохами. А я договориться с ним хотел.

Селифанов: О чем?

Костя: Да сунуть бы туда левую линию и порядок. Качай этой водяры сколько хочешь. Я бы ему грамотно отстегивал за это, да и все.

Селифанов: Вряд ли он пойдет на это.

Костя: Это еще почему?

Селифанов: Потому, что это незаконно.

Костя: Не понял. В этом месте нашей задушевной беседы надо смеяться или как? Да он с такими бабками сюда прикатил! Ты что думаешь, такие бабки можно честно и законно заработать? Не знаю, как в Америке, пока до нее не добрался, но у нас этодохлый номер. Да знаю я все. Мы тут теперь тоже не лыком шиты... Нет, земля, ты в этом ни хрена не сечешь, говорить с тобой о делах одна тоска. А я сегодня до того нервный, что сам себя боюсь. Давай-ка лучше о другом. Поведай-ка лучше и, желательно, честно, что у вас с Валькой было? И когда?

Селифанов: Увы, ничего того, о чем ты можешь подозревать, не было. Любил я ее когда-то. Но жить у меня в общезжитии она не захотела.

Костя: Еще бы! Чтобы Валька, эта царица, да в общагу пошла! Ей всю жизнь что покруче подавай. Таких баб я и сам уважаю. Это для меня как допинг. Я просто знаю, что я должен быть самым крутым. Меня это бодрит. Ты понимаешь о чем я говорю?

Селифанов: Понимаю, но меня это, скорей, угнетает...

Костя: Нет, мужик не должен быть всякой размазней. С моей Валькой это не пройдет. Она вообще спит и видит себя где-нибудь на Канарах, чтобы там можно было на пляже поваляться, мужиков подразнить. Я бы тоже не прочь туда мотануть, но что мне там с ней делать? В лес со своими дровами не ездят. Ну, да, придется, видно. Так что ей нужен такой мужик, как я. Вот она за меня и держится. А тебе, земля, конечно, благодарность от имени профкома и профсоюза за этот визит вежливости, но больше ты уж здесь не мельтеши. И на всякие дорогие букеты не траться. Береги свой бюджет и храни деньги в сберегательной кассе номер шесть.

Селифанов: Почему именно номер шесть?

Костя *(смеется)*: Да это у меня юмор такой. Для прикола.

Селифанов: Понятно. Конечно, вы правы. Мне лучше уйти. Давайте, подождем, я с Валею попрощаюсь... Все-таки старые друзья...

(Сидят молча. Костя закуривает, потом в нетерпении начинает кулаком одной руки поколачивать в ладонь другой. Чтобы не раздражаться гостем, даже поворачивается к нему спиной. Внезапно звонит сотовый телефон. Оба, не видя друг друга, машинально вынимают из карманов телефоны.)

Оба в голос: Я слушаю! *(Смотрят друг на друга. Звонил телефон Селифанова. Костя в нокдауне.)*

Нăèèò àì î â *(в трубку)*: Я же просил не беспокоить. Ах, это ты Джон? Тебя не предупредили? Да, ты же в Москве. *(Некоторое время слушает. Костя с телефоном в руке прохаживается по комнате.)* Ну, как это, что делать? Ты и сам все знаешь. Если министерство согласилось, значит оформляйте купчую. Ну, все, достаточно, я занят. *(Косте)* Извините, что так вышло. Я предупреждал, чтобы не звонили...

(Костя, подошел к окну и стал смотреть на стоящий внизу Мерседес. Потом быстро распахнул окно.)

Костя *(в окно)*: Эй, мелюзга, а ну кыш от машины! А тебе, Мишка, я точно уши-то надеру. Чего ты там застрял около нее? Никогда машины не видел?! Вон к моему Жигулю иди. Давай, давай проваливай! А то сейчас весь выйду! *(Поворачивается к Селифанову)* Простите, а как вас по имени-отчеству называть?

Селифанов: Василий Николаевич. Вы, извините, что я доставляю вам неудобство. Сейчас я уйду. Не нужно было мне приходить.

Костя: Ну и пришли, так что... Чего тут особенного? Розы вон какие красивые принесли. Валентина такие любит. И что, неужели, у нее к вам никаких чувств не осталось?

Селифанов: Увы, Костя, никаких. Она к вам очень привязана.

Костя: Привязана она... Никак не могу уговорить ее ребенка завести. Все не желает фигуру портить, какие потом, говорит, к черту, Канары. Может быть, вы ее уговорите.

Селифанов: В чем?

Костя: Ребенка завести.

Селифанов: А почему я?

Костя: А почему не вы?

Селифанов: То есть, как «почему не вы», то есть, не я? Ребенка-то от кого? От вас?

Костя: Да какая разница...

Селифанов: А разве нет?

Костя: Да есть, конечно, разница. Но так... небольшая. Ну, не хочет от меня, так может быть, от кого-то, например, от другого...

Селифанов: Ну и ну... Я вас не понимаю. Может быть, у вас самого со здоровьем что-то не так?

Костя: Э...э, лошадям бы мое здоровье.

Селифанов: Ну, может быть травма, какая была, с велосипеда упали, удары там разные...

Костя: Да, меня в основном-то по голове бьют, а чтобы серьезно ниже пояса, такого не припомню. Так что ниже пояса самое здоровье-то и есть.

Селифанов: Тогда зачем вам ребенок от другого? Вам-то что от этого?

Костя: Мне-то? Конечно, если прямо посмотреть, так и ничего... Так ведь жалко. Такая женщина пропадает. Вы же видели, какая она...

Селифанов: Ну, почему она пропадает? Она с вами живет.

Костя: А кто ее знает, может быть, с другим-то ей было бы лучше.

Селифанов: Все это странно как-то. Конечно, я ее любил. Но вас-то как понять?

Костя: Да вы за меня не переживайте. Я такой, что со мной всегда договориться можно.

Селифанов: О чем?!

(Входит Валя с разносом. Начинает накрывать на стол. Костя специально сочно любителю ей, вот, мол, полюбуйся как хороша.)

Валя: Ну, так что, мужички, чего примолкли? О чем без меня говорили?

Костя: О тебе, конечно. О том, что тебе пора и о ребенке подумать.

Валя: Так уж и пора? Тоже мне советчики. Это что, ваша совместная рекомендация?

Костя: Да вот спросить тебя хотели. А могла бы ты, к примеру, от Василия Николаевича родить?

Валя: Ну, во-первых, к примеру не рожают, а во-вторых, Костик, я же просила тебя понапрасну не заводиться. Василий Николаевич только вот-вот до тебя зашел и ничего такого у нас с ним просто быть не могло. Это мой старый друг. Он зашел повидаться и не более того.

Костя (*Селифанову*): Вот представляете, Василий Николаевич, она все время выставляет меня каким-то дикарем, каким-то ревнивцем. А я, может быть, уже исправился. Может быть, я серьезно спрашиваю. (*Вале*) Ну, вот скажи, а могла бы ты все-таки родить от него или нет?

Валя (*некоторое время молчит, взвешивая ситуацию*): Надо подумать...

Костя: Та-ак... (*Начинает медленно, угрюмо рассказывать по комнате. Пытается успокоиться, он даже считает про себя, но сил сдержаться нет.*) Так, значит, как ты сказала?! Надо подумать! Ничего себе! Вот это ты выдала! Я ее пять лет уговаривал, так она, зараза, даже слышать меня не хотела, а тут смотрите-ка, растаяла – «я подумаю...» Да вы что, уже сговорились? Вы что, уже все дела обмозговали? Вы что, меня, честного коммерсанта, кинуть собрались? Хотите без меня на теплом песочке свои кости греть? Ну, все, голубки, я вам сейчас обоим роги-то пообломаю! Сейчас я вам «думаю...»

(*Валя хватает мужа за руки. Селифанов встает, направляется к двери*).

Селифанов: Ну, ребята, вы просто не нормальные. Извините, я не хотел ссоры. Видит бог, я и не думал вмешиваться в вашу частную жизнь. До свидания! (*Снимает с вешалки свою одежду и уходит не одеваясь.*)

Костя: Катись, катись, жених хренов! Газуй на своей таратайке. У тебя не машина, а куча металлолома. (*В окно*) Эй, Мишка, куда ты там ушел, черт тебя возьми! Иди, звездани ей по фаре! Да не бойся, я разрешаю! (*Вслед Селифанову*) Да, дай мне такую дорогу, как в Америке, я тебя и на Жигуле сделаю. Всю баранку изгрызу, а сделаю!

(*Выхватывает из вазы букет и выкидывает в окно.*)

Валя: (*сидит на диване, схватившись за голову*) Идиот... Да ты хоть понимаешь, что наделал? Ты хоть догадался, кто это был? Не воспользоваться таким знакомством...

Костя (*глядя в окно*): Догадался. Вон, вырывает на своем драндулете. Тоже нервничает. Давай, давай зацепи мой Жигуль. Я его так оценю, что и со своей тачкой расстанешься... Или хотя бы уж в люк въедь, что ли... Все! Господин отбыл. Я его, главное, спрашиваю – твоя машина? Нет, говорит, куда там мне. Тоже мне конспиратор, шпион несчастный!

Валя: Сам ты, идиот несчастный...

Костя: Вот, черт! Куда же адреналин-то деть. Пойти морду кому-нибудь расквасить или что? Тебя никто в последнее время из соседей не обижал?

Валя: Ух, какой заботливый ты вдруг стал у меня. А соседи-то здесь при чем?

Костя: Да чтобы далеко не ходить.

Валя: Нет, но судьба давала такой шанс... Взять и все испортить. Ни себе, ни людям... Ты ведь сам его неделю, как Савраска бегал, искал!

Костя: (*по-боксерски попрыгав, перевел дух*) Да, ладно, что теперь... Проехали, называется. Может и к лучшему все. Все равно ты у меня круче всех. А я, скотина такая, чуть было тебя не променял.

Валя: На что?

Костя: Да, черт его знает, на что. Мы еще и договориться не успели... Жаль, конечно...

Валя: Что жаль?

Костя: Так не договорились же! И ты тоже хороша. Знаешь, что я ревнивый. Могла бы, ну, как-нибудь не так, про этого ребенка сказать... Мы с тобой сколько живем, и ты мне все «отвали», да «отвали», а тут с первым встречным поперечным сразу: «Я подумаю...»

Валя: Да я же знала кто он такой! Его же вон, только что по телевизору показывали!

Костя: Но ты могла бы как-нибудь потоньше-то согласиться.

Валя: Так я же надеялась, что ты поумнел.

Костя: Надеялась она! Чего на это надеяться-то! Дура!

Валя: Сам дурак! Все, плакали твои Канары! Так ты в этой дыре и останешься.

Костя: А ты? Что, твой шанс остался, да? Ты сходи к нему, сходи! Он же тебя любил когда-то!

Валя: Я подумаю...

Костя: Как ты сказала? Как ты сказала?! Ах ты, стервова Вашингтонская! Ну, теперь уж точно все! Теперь уж мне и соседи не нужны! Все, держите меня четверо!

(*Гаснет свет, слышится звук разбитой посуды.*)

Картина пятая

(*Рабочий кабинет Селифанова и его сотрудников. Все за столами, все работают, кто-то приходит, кто-то уходит. На первом плане Селифанов. Входит Майкл, садится перед Селифановым.*)

Селифанов: Ну, что Майкл, чем меня порадуешь?

Майкл (*говорит с ярким английским акцентом*): Даже сам не знаю, Василий Николаевич. Найти вашу Таню было ноль проблем. Она есть подруга телеведущей. Но говорить с ней нельзя абсолютно.

Селифанов: Вот и хорошо. Почему она должна говорить со всеми? Ты отыскал ее и на этом тебе спасибо. Теперь я сам с ней поговорю.

Майкл: Она и вам ничего не будет говорить. Два дня назад, она видела как вы, Василий Николаевич, ехали на Мерседесе. Ваш Мерседес ей очень не понравился и она сказала, что если к ней подъедет человек на таком автомобиле, то она и одного слова ему не будет говорить.

Селифанов: Так и сказала? Н-да, и что же делать? Что ты мне посоветуешь?

Майкл: Василий Николаевич, у нас в Америке так много красивых девушек, которые будут говорить вам сколько угодно слов, особенно, когда вы будете ехать на Мерседесе, или даже просто на Форде.

Селифанов: Стоп, Майкл! Спасибо за совет. Я понял как к ней подъехать. Значит, так... Завтра с утра ты купишь какой-нибудь подержанный, запомни, подержанный, и не смей купить новый, – Запорожец.

Майкл: За-по-рожец? Что это есть?

Селифанов: Да это, собственно, ничего. Ну, это такая, как бы сказать, традиционная, что ли, русская машина украинского производства. Она похожа... Ну, как это объяснить? Да ни на что она не похожа. Погоди... Пойди-ка сюда. (*Подводит Майкла к окну.*) Вон, вон, видишь, маленькая такая...

Майкл: Это что? Которую на веревках протащили?

Селифанов: Именно она. (*У Майкла едва не подкашиваются ноги.*) Но ты купишь без веревки, а такую, чтобы ездила она все-таки сама. (*Возвращается к столу, Майкл на ослабленных ногах плетется следом.*)

Майкл (*печально*): Уважаемый, Василий Николаевич, вы могли убедиться не раз какой я вам преданный сотрудник и друг. Так вот, Василий Николаевич, я обещаю вам, что если

вы будете ехать на этой машине, то никому в Америке, даже своему родному дяде, я об этом не расскажу.

Селифанов: Спасибо, друг. На что только не пойдешь, чтобы добиться расположения девушки, которая понравилась.

Майкл: Я вас очень, очень понимаю. Перед этой машиной она, конечно, не устоит. Бедная девушка... Она вас обязательно полюбит.

Селифанов: Ты думаешь? Спасибо на добром слове. Ты ведь заметил, как она мила, как обаятельна...

Майкл: Видел, но я не могу понимать. Вы говорили, что вашу первую любовь вы не покорили, потому, что были слишком бедны. А Таня не хочет говорить одного слова, потому что вы слишком богаты. Скажите, какие мужчины нужны вашим русским женщинам? Как это у вас говорят, какого им нужно рожна? Я никаких третьих мужиков не знаю. Для того чтобы покорить первую девушку, вы стали богатым, а теперь вы будете всегда ездить на этом... украинском производстве?

Селифанов (*смеясь и похлопывая Майкла по плечу*): Ну, все, Майкл, спасибо за помощь. Нехорошо, что я отрываю тебя от основной работы. На твоём столе уже гора новых документов.

(*Майкл выходит, сталкиваясь в двери с человеком, в руках которого объемный чемодан. Входит Катанин.*)

Катанин: Так, ну и кто тут будет из Америки?

Селифанов (*оторвавшись от бумаг*): Да все мы здесь отсюда.

Катанин: А вы не в курсе, как пройти в книгу рекордов Гиннеса?

Селифанов (*шутит, видя его дорожный вид*): Отсюда вы никак не пройдете.

Катанин: Да я понимаю. Не дурак. Извините, вы же американец, а я, вы слишком по-русски выразился.

Селифанов: Да нет, ничего. Когда выражаются слишком по-русски, это звучит иначе. Так что вы хотели?

Катанин: Я хотел узнать, как записаться в книгу рекордов, этого самого Гиннеса? Вы же из Америки и книга из Америки. Обязаны знать.

Селифанов: Так, наверное, нужно куда-то в редакцию или в издательство написать...

Кто-то из сотрудников: Василий Николаевич, так это же хобби Майкла. Он этим просто бредит.

Селифанов: И верно. (*Поднимает трубку телефона, набирает номер.*) Майкл, извини, что снова отрываю, но тут для тебя сюрприз. К нам пришел человек, который установил какой-то рекорд и хочет записаться в книгу рекордов Гиннеса, зайди, пожалуйста. (*Катанину*) Сейчас он соберется и подойдет. Подождите немного.

(*Катанин начинает садиться, но не успевает. Почти тут же в кабинет врывается взъерошенный, взволнованный Майкл. В одной его руке секундомер, в другой метр*)

Майкл: Где!? Где есть этот человек? И что он натворил? Где его рекорд?

Селифанов: Майкл, да что это с тобой? Успокойся. Вот этот человек.

(*Майкл горячо хватая за руку Катанина.*)

Майкл: Я не имею возможности быть спокойным в таком случае. Я есть фанатик Гиннеса. Вы установили рекорд? В чем?

Селифанов: Да успокойся ты, наконец. (*Катанину*) Простите, вы кто? Где вы работаете?

(*Катанин с опаской оглядываясь на Майкла, взгромождает на стол тяжеленный чемодан, не спеша раскрывает его. Майкл смотрит во все глаза. Катанин, достает полицейскую фуражку, надевает ее, проверяет, ровно ли одел, и даже, щелкнув каблучками, козыряет кому-то. Майкл вздрагивает и вытягивается перед ним на манер американского пехотинца. Невольно подтягивается и Селифанов.*)

Катанин: Сотрудник уголовного розыска, капитан Катанин. Садитесь, садитесь, я не дурак, чтобы передо мной стояли.

Селифанов: Ну, так и в чем же ваш рекорд?

(*Майкл выхватывает из кармана записную книжку, роляет ручку, потом находит и стоит почти навывтяжку.*)

Майкл: Я обязуюсь точно все фиксировать и донести кому положено.

Катанин (*пристально глядя в него*): То есть, как это, донести?

Селифанов: И вы тоже успокойтесь. Он хотел сказать, передаст. Продолжайте.

Катанин: А ничего, если я буду говорить, как по писаному?

Селифанов: А у вас получится?

Катанин: У меня профессиональная память. Сегодня про меня в стенгазете написали. Да так складно, что я почти все помню.

Селифанов: Что ж, валяйте, как по писанному.

Катанин: Ну, все. (*Майклу*) Приготовьтесь фиксировать. Итак! Вчера, двадцать второго января одна тысяча девятьсот девяносто девятого года я, капитан милиции Катанин, за два часа тридцать пять минут раскрыл пятьдесят шесть преступлений. (*Селифанов невольно встает перед ним и склоняет голову. Катанин знаком просит сесть.*) В результате этого рекорда нашим бедным гражданам будет возвращено имущества на сумму одиннадцать миллионов шестьсот тысяч. Ну, это новыми, самыми последними, можно сказать, свежеструганными деревянными.

Майкл: Простите, я не понял единицу валюты?

Катанин: Ну, значит, рублями. То есть, деревянной валютой. В доллары переводить не стоит. Иначе это будет не серьезно.

Майкл (*Селифанову*): Василий Николаевич, я никогда не слышал о ваших деревянных монетах... Да еще таких свежих, не покрашенных...

Селифанов: Майкл, пиши дальше, я потом попытаюсь тебе это объяснить.

Майкл (*Катанину*): Так как же вы дошли, то есть, доказали, доехали до такого?

Катанин: Все это были грабежи и кражи, которыми я занимался до этого. Воруют и грабят сейчас у нас по-черному.

Майкл: Как?! Разве у вас и негры есть?

Катанин (*Селифанову*): Вот, сразу заметно, что он настоящий американец. (*Майклу*) По-черному, это значит, капитально, то есть, когда уже дальше некуда. Так вот, в моей зоне, в зоне моего пристального внимания завелась неизвестная наглая банда. Она чистила все подряд и все подчистую. Я и мои доблестные сотрудники не успевали составлять протоколы и описи награбленного и украденного. (*Внимает из чемодана папки и показывает.*) Составляя протоколы и пользуясь при этом шариковыми ручками, мы в кровь и мозоли истерли все свои средние пальцы. При чем заметьте, опергруппа пишет, а коварная банда не унимается!

Селифанов: А искать не пробовали?

Катанин: Но когда? Случалось, что я отчеты дома при луне дописывал. Даже дополнительно двух помощников из управления попросил.

Майкл: Это были писарчуки?

Катанин: Обижаете, фрэнд. Это были самые изощренные опера... Волки!

Селифанов: Ну, а как же вы раскрыли-то все это?

Катанин: Исключительно благодаря (*пишите, пишите*), благодаря профессионализму, смекалке, чуду и жабе! Корооче, дело было так. Ну, а теперь, если можно, я своими словами, без газеты? На окраине Клеповска затаился такой приметный с виду особнячок, а напротив, еще один такой же, в котором жила одна очень чувствительная дамочка. И вот эта дамочка замечает, что к соседям что-то все время везут и везут, везут и везут, днем и ночью, сплошным пото-

ком. Ну, не богатые вроде люди, а везут. И вот тут-то ее жаба не выдержала. Можно сказать, сорвалась, как с цепи. Прибежала эта дамочка к нам, вся в истерике: за счет чего эти подлецы все богатеют и богатеют! Разве могут подлецы у нас богатеть?! А я ж, не дурак... Я тут же все смекнул. Эге-ге-е, сказал я сам себе, а не отложить ли нам несколько свежих протоколов, да не прогуляться ли с этой дамочкой за город? Поехали. Дамочку взяли с собой. Правда, ехать с ней было исключительно трудно. Жаба ее давит и давит, давит и давит, ну хоть скорую помощь вызывай!

Майкл: А сами вы не пытались ее освободить?

Катанин: Ты уж поверь мне, мой американский френд, что от такой жабы просто так не освободишь. Так вот приезжаем мы в этот особнячок. А там добра: видимо-невидимо. Вещи все по этажам, как по полочкам, а угнанные автомобили, все восемь штук, в неприметном гаражике на выстое. Эти бандюги, как выяснилось после, переняли наш опыт работы. Мы копим дела и описи, они копят натуральные, уже описанные нами, вещи. Мы сортируем дела, они сортируют вещи, мы не успеваем и они не успевают. На этой-то системе они и надорвались. Мы нашли у них все. Даже наш милицейский УАЗик за номером (*смотрит в дело*) А321БД и мое личное боевое оружие, пистолет системы Макарова с именной надписью «ударнику социалистического труда» за номером... (*Листает бумаги, не может отыскать номер*).

Селифанов: А пистолет с УАЗиком почему оказались у них?

Катанин: Так... Это самое... Тоже сперли. Эта кража была зафиксирована за номером тридцать три, дробь «М». (*Показывает обложку папки. И вдруг провозглашает.*) Вот так, господа бандюги, работает наша славная милиция! Не пугайтесь, это я вдруг вспомнил строчку из стенгазеты. Ну, а если по-простому, то вот таков был мой, одноразовый, так сказать, улов.

Майкл (*поднявшись и очень патетически*): Нет, не напрасно моя американская душа всю жизнь мечтала о России. Россия – это великая и щедрая страна. Она щедра на все, даже на рекорды. Ведь здесь установлен не один, а сразу три рекорда!

Катанин (*восхищенно*): Да ты что!

Майкл: Убедитесь своими личными ушами. Первый рекорд – это рекорд господина сыщика капитана Катанина. Второй рекорд – это рекорд вашей хитрой, ненасытной мафии. И третий рекорд – это лягушка!

Селифанов: Какая еще лягушка?

Майкл: Василий Николаевич, я вас очень русским языком прошу, не перебивайте, пожалуйста. (*Катанину*) Ведь это верно, что дамочка прибежала к вам под нажатием?

Катанин (*растерянно*): Ну, было что-то вроде этого...

Майкл: Вот! Где вы видели, слышали или читали, чтобы какая-нибудь дамочка была задавлена лягушкой и под ее нажатием явилась в полицию? Скажите, а лягушка была самец?

Селифанов: Да не лягушка это, а жаба. Послушайте, объясните же кто-нибудь Майклу, чем отличается простая американская лягушка от обычной русской жабы.

(*Майклу начинают что-то объяснять по-английски, сопровождая это выразительными жестами. Майкл согласно кивает головой.*)

Селифанов: Ну, вот! Опять дня на три выбили человека из колеи. Я ж говорил, что в команду нужно брать только русских. Но куда денешься, племянник босса. (*Майклу*) Ну что, все понял?

Майкл: О...о...о, О, кей, о, кей! Совсем все понял.

Селифанов: Ну, добро! Пора заканчивать. Расслабились и хватит. Работы еще вал. (*Майклу*) У тебя все? Все зафиксировал?

Майкл: Есть еще последний вопрос. (*Катанину*) А что стало с женщиной?

Катанин: С какой женщиной?

Майкл: Ну, с которой эта лягушка спрыгнула.

Селифанов: Ну, вот, объяснили, называется...

Катанин: А дамочка ничего. Упорхнула в свой особнячок. Счастливая была до слез, собиралась даже шампанского хлопнуть. (*Щелкнул пальцем по горлу.*) Видно, жаба ее отпустила.

Майкл: Уф, ну, слава богу, что все-таки отпустила. Я за эту дамочку так волновался...

Картина шестая

(*Тот же, но празднично оформленный кабинет, со столиками для фуршета, на стене флаг США. Присутствуют: Баянов, Катя, Дырялов, Окопов, Таня, Костя Бойцов с Валентиной, капитан Катанин. Все празднично одеты, капитан Катанин в форме. Здесь же журналистка с телевидения и оператор с камерой. Журналистка стоит у дверей кабинета, прислушиваясь к тому, что происходит там.*)

Журналистка (*оператору*): Ну все, приготовься. Официальная часть закончена. (*Открывается дверь. Выходят президент корпорации, с ним Селифанов. Позади видны люди из команды Селифанова.*) Господин президент, господин Селифанов, можно задать вам несколько вопросов?

Президент (*улыбаясь*): Не люблю журналистов, но сегодня с большим удовольствием на любые вопросы.

Журналистка: Приезд в наш город такого финансового магната как вы – это очень большое событие для нас. Какова цель вашего визита?

Президент: Мой визит в Россию вызван исключительнейшим событием в деятельности нашей корпорации. Затем, инициатором которой был господин Селифанов и в которой сам он рисковал всем своим капиталом, закончилась. Сибирский город Клеповск, в котором я имею честь находиться, выкуплен нами почти полностью.

Журналистка: Я вижу, вы очень довольны этим результатом?

Президент: Еще бы! Это маленькая, но важная для нас победа. Думаю, что господин Селифанов доволен не меньше меня. Он блестяще здесь поработал и корпорация, в связи с этим, пришла к редчайшему, можно сказать, исключительному решению. Все члены корпорации, кто поддерживал господина Селифанова своими вкладами, отказались от них в его пользу. Мы решили, что это будет заслуженным подарком открывателю Новой Америки!

Журналистка: И что это значит для господина Селифанова?

Президент: Это значит то, что Клеповск родной сибирский город господина Селифанова становится полной его собственностью. Необходимые документы на этот счет уже оформляются.

(*Все присутствующие аплодируют.*)

Журналистка: Господин Селифанов, скажите, что вы сейчас чувствуете?

Селифанов: Когда-то, впервые ступая на землю Америки, я верил в свою счастливую звезду, которая, как я надеялся, ожидает меня там. И эта надежда оправдалась потом ни один раз. Я очень благодарен корпорации за столь щедрый подарок и хочу, чтобы город Клеповск процветал, здравствовал и был не хуже любого города в Америке.

Журналистка: Вы продолжите работать у нас и дальше?

Селифанов: Я был бы счастлив, но...

Президент: Но, Клеповск Клеповском, а господин Селифанов, как опытный специалист, нужен нам в другом месте.

Баянов (*вмешиваясь в разговор*): Как!? Вы хотите купить еще один город?

Селифанов (*печально*): И не город, и не два, и не десять и не район и не область...

Президент: А все, что расположено между Уральскими горами и Тихим океаном. О нашем эксперименте знают уже

и японцы, и китайцы, и немцы... Но мы не можем допустить подобных шагов с их стороны. И потому теперь мы намерены действовать решительней в чем, судя по всему, получим серьезную поддержку со стороны правительства США.

Журналистка: Но почему вы надеетесь на такую поддержку?

Президент: Но ведь правительство и так уже делает это.

Окопов (*оттирая журналистку*): Позвольте, но каким образом?

Президент: Америка дает России кредиты, которые она в конце концов, не сможет выплатить, и ей придется рассчитываться как-то иначе.

Окопов: Но это же бандитизм!

Президент: Напротив, моя страна хотела бы вам помочь. Вы все сейчас недовольны своим государственным правлением. Но вы ничего не можете сделать с ним. А моя страна может. И многие ее шаги направлены именно на это. Народно это будет только полезно, если он не пойдет за правительством, которое и сам не уважает.

Журналистка: И вы сами разделяете эту политику?

Президент: Но разве вам, в вашем городе стало хуже? Да, теперь мы намерены вложить в вашу страну еще больше финансов. Мы не можем рисковать, вкладывая мало. Вкладывая мало, можно проиграть все. Вкладывая мало, мы делаем наш капитал зависимым от капитала и правления, существующего в стране. Все малое легко поглощается. Поэтому мы должны вложить столько и купить столько, чтобы это, напротив, могло подчинить и выправить менее совершенную финансовую и налоговую систему другой страны.

Журналистка: Но почему именно Сибирь? Почему не европейская часть России?

Президент: Сибирь – это первый этап. Она менее загрязнена, более целомудренна и потому ее нужно спасти в первую очередь. Нам кажется, она более всего подходит для создания Новой Америки. Вы сейчас много говорите о том, что для России начинается новое историческое время. Но оно новое и для Америки. Я верю, что уже в самое ближайшее время на флаге Соединенных Штатов появится еще одна, но, думаю, самая крупная звезда!

Селифанов: Однако господин президент, я должен заметить, что штат в России не может называться американским, ведь Россия не находится на континенте Америка. По аналогии у нас должны быть либо Соединенные Штаты Азии, либо Соединенные Штаты России. К тому же, зачем этим названием демонстрировать какую-то экспансию, которой нет на самом деле. Ведь Америка не нападает на Россию. Это Россия по-дружески приглашает Америку к себе. Мы не поглощаем друг друга, мы просто объединяемся. Мы просто нужны друг другу.

Президент (*обезоружено, разведя руками*): Господа, я еще раз убедился в том, что господин Селифанов по заслугам получил сегодня наш скромный подарок.

(Президент шагнул вперед, давая понять, что интервью закончено. Все аплодируют. Все переходят к столикам. Где-то звучит музыка. Появилось шампанское. Все с фужерами расхаживают по залу. Селифанов находит Таню, со вкусом одетую, но очень скованную.)

Селифанов: Таня, не волнуйся. Будь раскованней. Ты слышала, что сказал президент? Теперь весь город Клеповск наш. Только мой и твой...

Таня: Знаешь, для меня все это, как в тумане. Я даже спрашиваю себя – зачем я здесь вообще? Все это как в сказке.

Селифанов: А это, Танечка, сказка и есть.

Президент (*подходя и с восторгом любясь Таней*): Так, так, господин Селифанов. Вот какая она эта ваша русская звездочка, которая всегда влекла вас в Россию.

Селифанов: Да, это она.

Президент: Поздравляю вас, будьте счастливы!

Селифанов: Спасибо.

Президент: А вот скажите, господин Селифанов, как показала себя в России вся ваша команда?

Селифанов: Вполне достойно. Хотя были и неприятности.

Президент (*к разговору начинают подтягиваться и другие гости*): То есть, что именно, это было?

Селифанов: Две сломанные ноги, одна рука и сотрясение мозга.

Президент: Это было нападение?

Селифанов: Нет, это были падения. Двое упали в открытые канализационные люки и один свалился в телефонный.

Президент: И, вероятно, все были американцы?

Селифанов: Конечно. Вы же знаете, что русские в люки не падают. И когда мне докладывали, что кто-то из наших упал в люк, я уже заранее знал, что это американец.

Президент: Что же делать? Может быть, для американцев разработать какой-нибудь специальный прибор?

Селифанов: Думаю, что он будет неудобен и сложен. У русских эта способность от рождения. Она выработалась в них эволюционным путем. Ведь вся их жизнь – это сплошные канализационные люки. Если бы русская жизнь была без люков, то русские были бы недостижимы для Америки.

Президент: Но все же, как быть американцам, чтобы не падать в их чертовы люки?

Селифанов: Я полагаю, их следует закрывать.

Президент: Bravo, господин Селифанов. Все гениальное просто. Впишем это отдельной строкой для наших специалистов. Первое, что должны сделать американцы в России – это надежно закрыть канализационные и прочие люки.

Президент: Скажите, а как показал там себя мой племянник Майкл, буквально, господи, помешанный на России? Теперь-то я надеюсь, его помешательство закончилось?

Селифанов: Хорошо показал. А кроме того, я благодарен ему за то, что он помог уладить мои личные дела, которые улаживались с таким трудом. Для меня и Тани он теперь самый почетный гость. Это очень эмоциональный, порядочный молодой человек. Из него будет толк.

Президент: А не лукавите ли вы, господин Селифанов? Как расценить, в таком случае, тот факт, что сейчас мой племянник проходит курс реабилитации в психиатрической лечебнице Нью-Йорка?

Селифанов: Но ведь это бывает почти со всеми американцами, которые впервые побывали в России. Думаю, что теперь у него уже совсем другое помешательство.

Президент: Как это понимать?

Селифанов: Ну, если раньше он был помешан на России, то теперь он помешан от России.

Президент: И тем не менее, мне его жаль. Бедняга все бредит о какой-то ужасной лягушке и о запо рожце. Кстати, хотел вас спросить, что это такое – запо рожец? Врачи в Америке сказали, что это, якобы, что-то относящееся к болезненным фантазиям Майкла. Они утверждают, что на подсознательном уровне это как-то связано с его нереализованными мечтами... Так что же это такое?

Селифанов: Ну, что там скрывать, есть у нас это, есть. Грех сказать и грех утаить. Если хотите, то завтра я вам покажу. Приготовьтесь с вечера. Хорошо, если бы сегодня вы легли пораньше и крепко выспались.

Президент: Да, господи, ваша страна полна тайн и загадок. Ведь Россия – это очень интересная, своеобразная, дикая и великая страна.

Селифанов: И будущее России таково, что знать его никто не может...

(Занавес)

Александр Лагутин

Чита

«Не вина, а оплошность
Разбивает стекло».

Иосиф Бродский

...И очутился Адрон в народном суде.

Забайкальская жара и не думала спадать. Ежедневно африканский зной плыл по городу удушающей дымкой, застилая все, что имелося на пути. Плотно забивалась в нос, легкие, обжигала грудь. Дождя не было уже с месяц. Раньше времени зазимонились листья тополей и акаций. Земля-матушка дала трещины, медленно высыхала. И даже под тополями казалась жухло-безжизненной. Ноги увязали в плавящемся асфальте. Втопанные колечки от пивных баночек резко сияли. Словно ювелирные драгоценности на животах африканских танцовщиц... По безлюдным улицам японские легковушки ползли скорбно. Областной центр между двух речек выстилался налетом тяжело-серой пыли. Горожане мечтали о прохладе берегов Ингоды и Арахлея. У кого имелись дачи – спасались от пекла там.

Адрон Жиганов, прервав цепь суетной тщеты, заглянул в ближайшую «рыгаловку». Очень уж хотелось Адрону выпить морозного пивка. И кое-что обдумать: месяц заканчивался; ясно-житейского состояния души не было. По истечении месяца он делал фифти-баланс, забавную арифметику жизни. И запросто получал эмоциональный оргазм. Сидела в нем какая-то бесшабашность русских трактиров...

Здесь назначали встречи: деловые, любовно-товарищеские. Доморощенные писакса забегали услышать соловатовую речь. Журналисты редакций газет, штатные и вне, признанные и непризнанные. В основном гиляровские (современные) – опохмелялись. Редко, но заходила и недобитая большевиками интеллигенция из университета: доспорить семинар, лекцию, коллоквиум... Неучастливая молодежь: скоротать часок с воблой и пивом. Глуповатая попса с серьгами в ушах, наколкой, обнаженным (кое-где) телом убивала время от Интернета и родителей. Студенты институтов бар облюбовали – тоже вроде люди... Тянула к себе «рыгаловка»: заграничная шарманка на ярмарке. Хотя собирався не лучший народ, гурманами едва ли пахло!

Людей в разухабистом заведении – что в сеянном огурце. Гул точно на ухоженной пасеке. Над черным потолком – одеяло табачного дыма.

Кивая известным лицам, Адрон сел у финиша веранды. Окинул шпажным взглядом помещение. Увиденная картина никак не вдохновляла на творческие да и иные радости. Знакомые до икоты физиономии виножоров. У околоточных хануриков, ценителей «Солнцедара», казалось, выступила гниловатая плесень на щеках. Руки, впалые груди мужиков – в кружевах наколок. Ах, ты, сволочья родня!

Вольно сидели женщины итальянского звания – мадонны тротуаров. Копны роскошных грудей, не окольцованные пальцы, глубокий вырез декольте. О, расчетливые стервы с калеными лицами. В зрачках – столларовые бумажки. Травленные блондинки кривили абрикосные рты. Щурили гла-

за, ужаленные сигаретным дымом. Одна фантастическая дюза ножницами для маникюра ковырялась в зубах. Напыщенно-блатная мешанина звуков из динамиков; зудящая реклама отвлекали от сосредоточения.

Деревянные столы обслуживали молодые подавальщицы. Глаза обтекали клиентов: нечто заранее враждебное. Эх, «не из Смольного барышни!»

В углу веранды экзотичный Рашид (туркмен) готовил шашлыки: завлекающе пахло бараниной. Официантка принесла «Клинское» – холодненькое, факт. Завозного пива разных сортов, на любой изысканный вкус. Это влекло не только местный люд. Рядом сидели отпетые выпускники ИТК, не способные присосаться к булькающей жизни. Настырные будто слепни.

Широкая стойка бара в полумраке, там хозяйничает Додик-одессит. Бармен-коротышка с улыбкой шесть на девять, глазами весельчака. Редкость, насколько можно видеть извозчика в пенсне... Как южанин очутился в забайкальских дачах одному Богу известно. Додик отменно готовил кофе по-турецки. Шаманил по-дедовски, перемальывая старинной машинкой зерна. При этом аппетитно раскуривал трубку.

Случай с Жигановым

δὰνῆεας

Кайфовал. Табак опять же из Стамбула... Хорошим знакомым, друзьям кофе делал отдельно. Шумящая очередь (как в 60-е за хлебушком), едва ли сие замечала.

Еще Додик рассказывал коллекционные анекдоты, хохмачки, блестяще изображая героев.

С известным барменом-коротышкой Жиганов знакомился так. Заканчивался воскресный вечер лета. Воздух пах джазовой обработкой ансамбля Утесова и ругательствами. Из угла кто-то из местных обалдуев громко спросил:

– Додик, выдай что-нибудь одесское!

С неподражаемым акцентом, тот отреагировал сразу же:

– Бора, Бора, ви выдаете дочку замуж?

«Перец» анекдота громко договорил Жиганов:

– Да, выдаем. Выдаем понемногу.

Люди залыбились, позже началась ржачка: дошел юмор.

Додик же, закрыв бар, ежеминутно извиняясь, уселся рядом.

– Жили в Одессе? – спросил Давид Львович, теребя рыжую бородку.

– Да, в Аркадии, Тенистая улица.

– А я таки на Петра Великого.

Адрон кивнул: знаю мол, центральный рынок, около факультета Водного института.

– Расскажите хохмочку, ай, как соскучился?

– Ну, это-то с удовольствием. – Одесский двор. Истошный крик: мадам Бытовухес, из вашего лифчика дети гамак сделали!

– Ничего, пусть качаются, он чуточку стал мне жать.

– Ха-ха-ха... Я такой не слышал, вот же, поц. Можно за «свой» толкнуть?

– Можно. – Лэхаим. – И корректно попросил:

– Не делайте монополии на торговлю Одессой, будто Сруль с арбузной Гавани. Это ви в Чите – умница, а Одессе ви еле-еле идиот!

И начались с этого приятельские отношения. Выяснилось: работник торговли с оригинальной фамилией Шмеерсон уважает поэзию. Сочиняет вирши для газет, подписывается на украинские издания, читая реформаторскую ересь... Сейчас, видя Жиганова, улыбаясь, кивнул. Поднял руку: «Сердечный виват!»

Иногда из роя возгласов, смеха и мата долетали обрывки фраз. Адрон начал кое-что запоминать (для работы):

– Не выеживайся, сука, нажила двух ребятишек с Федей, блин...

– Что за сволочи, кинули на тысячу баксов...

– Ну, кореша: дунем – плюнем, загудим ...

– Все российское изгнали с эфира, остался лишь полиэтилен, ну, ...

– Алкоголь без пива, сам знаешь: деньги на ветер...

– Вставай, Архип – петух хрипит...

– Итить твою за ногу под забором три раза сряду, с переподвыподвертом...

– Ничто меня не возбуждает так, как тугая пачка долларов ...

– Прожила, как в ж...пе сгнила...

– Гуран пьет не на те деньги, что есть, а на те, которые будут ...

– Мы сами воспитали этот быдлятник...

– Интеллигенция едва ли нужна любой власти, можно доказать уважаемый коллега...

– Для нас гибель литературы, что потеря Бога. – Она дает свет, надежду, к жизни изюминку возвращает...

– Если стихи не лечат, вряд ли это поэзия...

– Это не музыка, а триппер: быстро цепляется. А отделиться трудно ...

– Димочке Билану, понтовитому, отдалась бы, ну до зубовного скрежета...

– Гуманитарный факультет источник всех российских бед...

– Вопишь, почему отсутствуют в газетной каменоломне фельетоны, триптихи, журналистские расследования, а? Цензура скрытая, редактора прикормленные, тьфу...

– Очковтирательство – из жаргона картэжников, но кто ведает?..

– Как бы мы плохо ни говорили о министрах, они думают о нас еще хуже...

– Своим – все, остальным закон...

Уже затевался народный танец раздолбай. Булькнуло его имя, оглянулся: с угла поднялась рука, здороваясь по-немецки: (рот фронт!) И вторично назвали его имя.

Адрон сразу же узнал Фоминых Максима. По комсомольской еще работе знакомы. При встречах улыбочиво, расшаркивались. Кое в чем оказывали информационную помощь. Не гнушались вечером выпить коньячку в фирменном баре. Однако перейти на «ты» что-то сковывало. Была в нем как-то еле уловимая говнистость...

Адрон давно выдал шуточные стишки с таким концом:

Он, как серая цапля, печален,

Рассказал о себе, подлеце,

Опрокинув рюмашку в начале

И две рюмки – в конце.

Сæé â óçèî ì êðóâ ì æèèè ñàè «Õäï ëâé». Î ï ðàââü âàè çâï ятное прозвище: тамбурмажорного роста, длинные ноги. Но походка какая-то мультипликационно-воробыная. Чаще смотрит в землю, будто уронил что-то нужное. Даже общаясь в кабинете с человеком, вопрошающе смотрел на паркет. В глаза собеседнику – никогда, отсутствовала такая привычка.

Ему опыт управления заложили Советы депутатов, факт... Исполнял чужие замыслы на орлиной высоте. Бюрократическая деятельность отразила специфику ритма жизни Максима. Имел «руководящее» брюшко, офигенную пятую точку. Чисто рыхлая опара. Лик – землистого цвета. Небритые щеки (модно) опустились брылами собаки. Во рту постоянно ментоловая сигарета...

Через минуту жали дружно руки. Гость хотел, по современным нравам, обняться. Адрон же, по безотчетному импульсу – уклонился.

Наряженный Максим аккуратно опустился в кресло, заскрипевшее, будто тарантас под Чичиковым. Подтянув стрелки отутюженных брюк, закурил. По-актерски, улыбнулся. Физиономия – луна в ясную погоду.

Загомонили одновременно, перебивая собеседника, впрочем, не замечая этого. Вспомнили ближайшее окружение: «того уж нет, а те далече»... Разговор выдыхался не так сразу, насколько шампанское в бокале – осела пена и конец.

– Хочу представить друга яростно-туманной юности. Вы как?

– Для чего, Максим? Годков уже «полтинник», лишние знакомства обременяют.

– А он хохочет, читая ваши байки. Вы умудряетесь из обыденности заурядной извлечь аккорд надежды. Откуда только вдохновение черпаете? Не каждому журналисту удается! О, Монтана!

Присловье такое было у Максима. Помолчал. А потом:

– Консультация во как необходима! – Он поднес ребро широкой ладони к горлу. Выразительно и по-свойски подмигнул.

– В городе, кучно советников, частных адвокатов. Профессия модно-востребованной стала...

– Честно, Адрон. Вас ожидал: помощь необходима, скоро выборы думские.

– С этого бы и начинали, дружище...

Так закрутилась авантюрная история.

Чур, необходимо обрисовать героя: фигура далека от стандарта. Суждения его порой шокировали друзей. Иногда – рвали душу своей обнаженностью. Но напряжешь извилины – кругом прав!..

Адрон Эмильевич, уйдя на пенсию (военную), ощутил: финансы – в худом состоянии. Из категории «опрятной бедности» свалился в разряд «нищеты». Натуральной кровью заслуженные льготы государство отставникам убрало. А действительную цену себе Адрон чужал, констатировали армия и звезды на погонах. Был убежден – вряд ли честь является обузой. Данность такого характера многих товарищей злила... Критично относился к булькающей за дверью жизни. Ежедневно копался в книжных магазинах, затем – уличные развалы словесности. Редкие ценители поэзии считали его близким по группе крови.

Имелись друзья, действительно преданные, на суровую нитку выстраивал отношения. Эти его знали остроумно-жизнерадостным, панически щедрым на юмор. Чувства свои включал с пол-оборота: заразительно-лучистый дар, налет трогательной искренности... Любил и хорошую компанию, достойных собеседников, забайкальские песни. Бродяжничество по тайге, охоту. Интуицией обижен не был, говорили: звериный нюх.

Однако, «какое, милые, тысячелетие на дворе?» Дети учились на платной основе. Разные университеты. На удивление быстро росли любимые внучата. Денег на текущую жизнь оставалось мало. Семья ютилась в тесноте институтского общежития. Часто ужинали слезами...

Под натиском жизненных обстоятельств «рубил капусту», где мог. Часто – за опереточные деньги. Предпринимал смешной бизнес в экстремальных условиях рынка. Не гнушаясь заработками в бульварных газетах края. Безобразничал на страницах: краткие рассказы, юморески. Перо оказалось легким, слова – высокооктановое горючее. Журналистику любил, сколь море обожал истинный рыбак. Хотел закрепит ее. Большой стиль, традиции Аграновских. В негуманный век, как мог, доносил идеи гуманизма. Обожал писать о Человеке труда. Кому сейчас нужна на деле востребованность рабочего человека? Истинно, чудак!..

Хорошо зная изнутри творческую среду, вкалывал под псевдонимом. Но какую тайну можно сохранить в захудалом

центре, где борзописцы вместе пили-ели. А переспав, растили общих детей? Где всякая кочка мнит себя Казбеком? И фамилия «Гальянов» – секрет полишинеля для компании...

Как маслом облитый Максим дал знак юноше среднего роста. Тот чисто мешок с зерном: плотен, стильно одет, выбрит. В веснушках, с рыжиной, кучеряв, лишь томно-жеманное лицо – настораживало. Смахивал очень на рекордсмена, вернувшегося с медалью из-за кордона. В руках, уже знатно набодяженого, армянский коньяк. И тарелочка с горсткой лимона, мелким сахаром.

– Давайте по существу, парни. Тяжелый день, жара: из подмышек льет, – начал хозяин столика. – Любо?

Фоминых нацедил из карманной фляжки водочки в бокал: хорошие люди шампанского не употребляют, представил юношу:

– Юрков, кандидат в Думу. Ему туда нужно по-любому и всяко. Вряд ли постоит за деньгами: имеет личный бизнес, кошелек-самотряс. Команда в штабе – известные спецы; знакомые во властных учреждениях. Так ведь, старина?

– Административный ресурс есть, действительно, – опустил голову кандидат.

– С какого бока к выборам, незаметная личность моя?

– Не скромничайте чересчур-то. Вряд ли это модно сегодня. Деловые качества мы чуем на расстоянии, – эмоционально говорил «Цапля». – Вы, поздравляю, руководите избирательной комиссией. Вывели сегодня: из осведомленных источников. По команде сверху, этаж шестой, знаете о ком речь... А Вам не сказали еще? Как молочко грудному ребенку нужна помощь. Реальная, а не хухры-мухры и детсадовская отсебятина. Вы в юриспруденции, писательстве, знакомствах чудных – дока. Горожане уважают: желваки не выпячиваете, контактны, это влечет, знаете ли... Да какие к черту спецы по выборам, хоть завтра оторви да выбрось! О, Монтана! Адрон Эмильевич, дорогуша! Уважаю Ваше мнение. Кто осведомлен, тот и хозяйничает в городе. Ясен пень, иду с карефаном в дышловой упряжке...

– Батюшки, расписали чище Леонардо (универсально), – отзывался наш герой.

«Мещане лезут во «дворянство» – вспомнилась шумная пьеса. Переваривая услышанное, казался невозмутимым индейцем. А думы бегали мышью в темном погребе. Слухи о назначении главным в окружную витали. Звонил дважды и юрист администрации, Елифанцев. Но конкретика отсутствовала.

В Думу честный кандидат вряд ли пройдет: барьеров множество. А «денежный мешок», шизофреники – пожалуйста. Вперед, с гимном и флагами! К услугам: сомнительные политехнологи, юркие журналисты. Мыловарня, открывшаяся на телевидении в реформаторское время, чересчур шумливое радио. Наконец, окружение: деньги и «административный» ресурс, много значащий для кандидата. Хочется-то самой малости: депутатской неприкосновенности... Компания по выборам похожа на собачью свадьбу. Э, да кто желает сейчас идти в представительный орган? Разочарование западной демократией у большинства – полное... А может «тряхнуть яблоню», что-нибудь и упадет? Ассигнации ведь лучше, чем их отсутствие. Прямо только сорока летает! Или сохранение лица важнее? Без рублей можно как-то перебиться. Озноб стыда, если что, будет долго, факт...

Товарищи зыркали жадно. Ждали реакции, тишина затягивалась уже до явного неприличия. Фоминых лихо крикнув, отпил глоток, закурил вновь.

– Хотелось услышать согласие, действительно, – разверзлись уста Юркова. – Башли имеются, а детали утрясем завтра.

– Э, мозаика пока, а сложится ли узор? Дайте время рас-

кинуть мозгами, – уронил журналист. – Я не спешу наносить «боевую раскраску», что-то обещать. Созвонимся через неделю и покалякаем. Любо?

На этом знакомцы разошлись в противоположные стороны.

«Вчерашние Иваны – дырявые карманы» тайм-аут не сдержали. Телефонные звонки на мобильный, «эсэмэски» оказались целеустремленны. Ну, желали срочно встречи, что-то эмоционально бубнил Фоминых (привет, Монтана!)

Лоскутно-осколочные мазки избирательной картины выяснились: убоги.

Увиделись: Адрон держал фактор слова и времени. На этот раз с обескураживающей хренотенью разглагольствовал кандидат. Цицерон не важнецкий: лепет октябрёнка с манной кашей пополам. Таковую околеслицу не услышишь и за десять минут до открытия пивной на Чкаловской. «Цапля» слушал вполуха, подперев по-бабьи щеку. Хмурый, похож на известного киноактера Балужева. Они были в курсе избирательных вопросов, аж оторопь брала! Откуда?

– Фу, это пена, говорите, что сделать? – инициативу за рог взял Жиганов.

– А ничего. Все уже сделано. Из облизбиркома завезут пакет о якобы голосовавших досрочно стариках-избирателях. Вам на акте закорючку поставить, секретарь завизирует бюллетени. С нею вопросы обговорены, действительно, – хмыкнул Юрков, томно.

– Работа трудна, молоко за нее не дают, знаете ли...

– Ну, башли после выборов, а сейчас аванс.

– А если подвох? Обычно артиллерия бьет по своим.

– Ну, бросьте! Макс ручается, и гарантирует сказанное, действительно.

«Цапля» кивнул начинающей сесть головой: о, Монтана! Дуэт смотрел в упор. Такой взгляд у охотника на подлетающую стаю уток. Помогите, читалось явно в глазах – хочется быть избранныком. Мельтешить на телевизионных экранах, интервью давать в газеты, опять же. Учить ребятшек жить дальше. Пасти, в общем, разболтанный донельзя славянский народец...

– Э, венчаете с подлостью, ребята. Знаю ситуацию, фальшак почти везде. За верность общей подлянке – руководителям суют конверты, тет-а-тет. Обидно за избирателей, тоска по венам струится. Новый человек дивится: спрос нищих не управляет богатым воображением! Однако руководство автоматически контролируется. Берии с Ежовым нет, а информацию есть кому сливать. Контора лихо-военная, зарплату четко отработывает. Чувствую, будут шероховатости, едва ли хорошая команда ваша. Вызовут к станочному или чего хуже, факт...

– У нас схвачено и за место заплатили, – цинично улыбнулся Юрков. – Сейчас башли правят миром, а знания тю-тю... Рад знакомству, Адрон Эмильевич, о вас хорошие отзывы, действительно. – Он звучно щелкнул изящными пальцами.

«Импотент учит производителя! И мнит себя эстетом, работая кистенем. Пора лезть в томик Фрейда», – думал неприязненно журналист. Уклонился от стола, ломающегося от хороших блюд и алкогольного пойла, брюхо набивать – лукавого тешить.

Кандидат неподдельно удивился отказу.

...В кои веки сели с женой ужинать. В дверь забарабанили костяшки пальцев. Хозяин открыл, не интересуясь даже, кто стучит.

– Вы Жиганов?

– Да.

– Следовательно районной прокуратуры Ханцевич. В воздухе мелькнуло красного цвета, удостоверение. – Есть несколько вопросов. Разрешите?

– Вы уже зашли. Проходите в рабочий кабинет.

Хозяин накинул легкую рубашку. Сел в любимое кресло, медленно раскуривая рабочую трубку. Посмотрел вопросительно на явно нервничающего следователя.

– Где пакет с бюллетенями?

– В сейфе думаю.

– Их там нет.

– Адресуйте вопрос коллегам: за документы не отвечаю. В инстанции пакет вручили членам комиссии. А ох-ра-ня-ла бумаги доблестная милиция. Туда шлёпайте.

– Уже беседовали с кем надо, – многозначительно ответил работник правоохранительной структуры. – Однако все-таки скажите: где?

– Э, – сказал уже с омерзительной краткостью. – Не знаю.

Интересный разговор в таком ключе продолжался минут двадцать. Ни к чему хорошему трендиловки не привели. У франтовато одетого Ханцевича лицо – задумавшаяся гиря. Он еще раз внимательно оглядел полки. Набиты под завязку фолиантами юриспруденции; редкие тома философов, энциклопедии. Хмыкнул, без энтузиазма, участковому с постным лицом: отыщите понятах...

...Ханцевич и в школе, и на юридическом, занимался только баскетболом. Любил спорт. Получалось очень даже неплохо, и рост здорово выручал. Малыши из подъездов «элитки» хохоча, кричали вечером. «Боб, достань воробышка!» Юрист лишь грустно улыбался. Запирал машину, и – в неудобную «однушку».

Возраст уже придавливал: близился тридцатник. К заходившим «до утра» девушкам относился скорее равнодушно. Ни одна не цепляла мужского внимания. Баскетбольный мяч незаметно отошел на задний план. Началась цепко-болезненная привычка к алкоголю. Сначала Борис истинную цену крепким напиткам не ведал. А водка-то многих людей сбодала...

Из реформируемой системы уголовного розыска его вытурили быстро. По сути, мало работал на государство. На себя – да, этого отнять нельзя. Ох, и любил же Борис тысячные ассигнации! Умно брал взятки у подозреваемых в криминале. Химилил с отчетностью секретного аппарата: расписки-то брал, а вот деньги, ни-ни. Три года жил, чисто Бог в Одессе. Японского «мерина» купить успел. И капитальный гараж в центре урвал, факт. Что ж, всякая птичка свой зобок набивает...

Однако, вскоре началась борьба с оборотнями в погоне: шумно-идеологическая. Чисто показушный бред для населения. К тому же заказанный сверху – без микроскопа видно. Озаботилась головка страны вдруг и почему-то. Борис так считал. И вот: развернутые объяснения; звонок кадровика – явиться. Его путаный отчет работникам собственной безопасности. Потом заседала в расширенном составе коллегия областного УВД. Внятно разъяснить цифры, личную нескромность, жалобы – как-то не случилось. Стекло доверия начальства к Ханцевичу улетучилось. Потеряв лицо, исправить трудно...

Опосля, шумное в кругах забайкальского розыска, увольнение. Мать-их-перемать!.. «Легко еще отделался. Шишков-то Юрка с Центрального – в тюрьме», – думал «бывалый» розыскник.

В растрепе чувств начались долгие поиски «хлебного» места...

Кадровая ситуация в прокуратуре была тоже, аховая. В районном звене дел скопилось – выше крыши. Завал и путаница в материалах, надзоре, жалобах граждан. С леопардовой гибкостью «пересел на другой стул». Устроился поначалу надзорным клерком, затем – следователем. Браконьера назначили лесничим, бывает...

Как-то поздней уже осенью вызвал «сам»:

– Чего уклоняешься от алиментов?

– Так брак-то гражданский, – живо отреагировал молодой следак.

– Чтоб больше я жену ни видел. Уяснил? Точно? Или? –

Тощий, маленького росточка прокурор изучал, глаз буравчиками. Эвенкийские щелочки впивались победитом-сверлышком, бр-р-р... Борис же молча гадал: для чего вызвали? Где успел «накосячить»?

– Давно у нас?

– Второй год, – пронюнил, смотря филином – не мигая.

– У молодого Ветрова забори избиркомовский материал.

– Слушаюсь, – показал дивный рост Ханцевич, – когда?

– Завтра. И доведи любым способом до кондиции, – мытарил прокурор. – Уяснил? Точно? Или? – Лексикон, будто у служителя погребальной конторы.

– Да, конечно...

Материалы, как таковые – отсутствовали. Была кипа объяснений взятых дознавателями у избиркомцев. Из них уяснить конкретику, сложно. Телефонные звонки, опечатанный сейф, кто-то в бегах. Недостача сотни бюллетеней для голосования, лишние подписи в черновой ведомости. Сюжеты по телевидению, регулярно прокурорские. Так, разговоры на бытовом уровне. Однако, раз указали...

Следователь крепко задумался. Затем достал «склерозник» с телефонами нужных людей. Сделав пару звонков, покотил в любимое до слез отделение милиции. Красно-белый галстук в горошек, одеваемый редко, придавал дурную значительность.

О, дуб силен корнями! Оперативники встретили старого кореша радушно. «Жаль – говорят, что ушел, старичок. – Так вы ж знаете, – отвечал – ситуацию. Вилы в горло!»

Выпили неспешно коньячку. Закутив, обоюдно рассказали о ежедневной бурлящей жизни. Обсосали до косточек тему, интересующую гостя. Один из молодых лейтенантов выразил расцветенное сомнение... «А как же закон, ребята? Конституция?» Однако, слушали вполуха, начинающий! Задним числом быстренько оформили розыскные донесения. С ними, гуртом – к дежурному судье района.

Ловчев оказался знакомец, служившим в свое время в милицейском управлении. Поехали выпивать-договариваться в район курорта «Молоковки». (Меньше догляда – больше собственного лада). Захватив для антуража парочку обшительно-штормовых дев. Безотказных, как известная машина «Зингер».

Спустя час, лес утонул в криках, топоте, объятиях. Юридическая структура интегрировалась в токовище. Со вкусом уничтожили захваченную еду. Сгоняли за ящиком «Агинской», водочки хорошей, пока не раскрученной. Благо и город рядышком...

– Тихо, – анекдот из жизни. Было именно так, вилы в горло! Оказался у шефа по делам, то, сө. Стук в дверь, такой острожно-неуверенный. Заглядывает невзрачный мужик, кержачек битый. Лицо – налимно-желтая слизь, щетина. В общем, сильно трепанная временем личность.

– Сколько, грит, даёте за убийство?

– А кого замочил-то?

– Дык еще никого. Тещу вот задумал.

– А-а-а, если захватишь мою – отвечает прокурор, – дадим год. Условно.

После столетней байки все так и зашлись от хохота. Зарядил Борис компанию даровым весельем. Отсмеявшись, Фемида вновь «приоткрыла личико»: дала зеленый на незаконное мероприятие. Мать их в бабуку!

Папка с бумажным штемпелем еженедельно разбухала. Конкретика отсутствовала: выводы экспертиз доказательствами не стали. Упорно-туповатый долбёж свидетелей – результат копеечный. Подкрепить явную «липу» абсолютно нечем. Трое (за водку) допрошенных бичей – не в счет. Журналист брезгливо наблюдал уродливую возню. Немая правда мычала...

Вместе с тем «сам» завизировал препроводительный документ. В подsunутую следаком бумагу о передаче суд не

глянул. И тут же, без стеснения, веселый звонок по мобильному: ушло дело. Будто эхо из преисподней донесся голос: ба, наконец-то, сколько можно ждать...

Дозорный по законам в районе – главный, открыл сейф. Извлек раскрытую бутылку дорогого «Хенесси», шоколад.

– Ух, ещё гора с плеч!

– Достали? – спросил Ханцевич, выпивая залпом предложенную рюмку.

– А то, еженедельно телефонили, – фамильярничал записной глава юстиции. – Загляни-ка в бухгалтерию, есть премиальные. Кстати, жена обозвала тебя Иродом...

...С Капитолиной Абагуевой Ханцевич познакомился на молодежной спартакиаде. Увидел великолепно сложенную фигурку девушки в купальнике около бассейна. И все, прилип раз и навсегда. Стать, гены, походка – не отнять. Длинная темная коса, лучезарная улыбка. Губы в глянце бесцветной помады. Чего только стоили глаза – большие переспелые вишни! Ясно-здоровая душа, открытая миру, редкость...

Многие звали по-свойски – Капа. Из таежной глухомани родом, чикойская. Семья древней, той ещё, веры. Обряд старый. Многодетный и работающий. У дивчины был строгий нрав, мягкосердечие за характером таила. С отличием заканчивала спортивный факультет пединститута. Призер многочисленных соревнований. Кроме живописи и знаний ничто не интересовало.

Для уставшего чувствами розысника Капа – отдушина. Свидания, цветы, десанты в кино. Пара встречалась обычно в студенческом общежитии. Тикал на прикроватной тумбочке будильник. Высокий старомодный графин с водой на столе. На полках художественные (авторы на слуху) книги, фотографии. Вузовские учебники, монографии по спорту, лично расписанные этюды.

Стерильная чистота комнаты быстро осточертела. Лейтенант юстиции ощущал себя пухом в чистом воздухе. Институтские подружки, обуявшие томную лень годков, казались надутыми-глуповатыми. Обе из больших деревень края; девушки там смешливы, и на язык чутки. Все хи-хи, да ха-ха, щебет, мечты о замужестве. Трындежа этих язв чурался – молодые, что с них взять?

Ежедневное оживление в дружеский пейзаж вносила конфетно-букетная стадия. И затем, постепенно – ликёрная, рюмочка, другая... Крепкий алкоголь девушка ни употребляла.

Капу легкокрыло и запазушно, по-доброму информировали окружающие.

– Знай, сверчок личную жердочку, – говорили многие.

– Когда сама шагнешь, чуешь: лёд прозрачно-хрупкий!

Ходила Капа пьяная радостью, с ухающим сердцем, ловя в глаза ветер. Циничные забулдыги восторженно глазели: походка, что надо! Улыбнулась девчонке судьба. А затурканный дежурствами опер казался молчуном, «себе на уме». Это вовсе не мешало постепенному сближению. И узнавание, как снятие шелухи и явление глазу белого тела луковицы... Борис стал любим и выкупанным в ласке. И, как у современной молодежи, – добрые интимные отношения. Однако к женитьбе Ханцевич был глух. Зачем свадьба? Хотя девушка нравилась, очень. А у близкой родни, отрицательное мнение.

– Ни наших она кровей! – заявлял громогласно дядя-стоматолог.

– Жениться рано! Да и нищая, спортсменка-то. Имя и то дали шенячьё, – пилила Бориса мать. – Майя Бессараб что, хуже?

– Если лягушку обсыпать сахаром, кушать всё равно невозможно! К тому же Майя, досковая! – хохотнул единственный балбес. – Извини за натуральный слог, мамочка...

Та глядела: уставший санаторный врач на избалованно-го болезнью отпусника...

Главный в семье, дока в бытовых грешках, по привычке отмалчивался. И на лице отражалась гамма растерянных чувств. Хмыкал, закуривая любимую многолетне трубку. Затем ужом выскальзывал на уютный, с цветами, балкон. На рюмку коньяка шурина приглашать забывал...

Будто детская свинка исчерпывалась тяга к невесте. Счастье, дотаивало. Недавние (и какие!) чувства словно бы отеснили в шкафчик памяти. Между ними стали видны края Беломорканала. К тому же девушка однажды выпалила: беременна! Диагноз коротко-ясный, не рецепт ОРЗ... Борис по совету мамочки начал уваливать от встреч. Лавировал, выдумывая какие-то детсадовские причины. Убедил сделать греховный аборт: не блещущая новизной мысль. Изменил «симку» телефона. Жить переехал в зимний дом элитной «Смоленки», к тётке.

Теперь же, короткая одинокие вечера, жалел о разрыве. Вспоминал алые щеки, губы и на позвоночнике – сладкий холод. Чувство тоскливой собачьей вины, ежедневно. Ведь родился сын, Ермолай! Что и говорить: родная кровь, наследник. И думалось (в мечтах) – опора в жизненных бурях и выбоинах...

Эмоции бились встревоженными рыбками в аквариуме, не находя исхода. Рецидивной форточницей жалила суть: чур, а может замириться? Упасть вот так, по-старинному, на колени? Правовед вспомнил бородатого отца. Языческому молчуну далеко за шестьдесят, склеротические жилы, чудакват. Весь какой-то домашний, светящийся; неподдельная аура ласки ближним. Морщинистая шея, щетина белее снега, а взгляд до сих пор остро-внимательный. Могутные плечи десятиборца. Да ведь тайга слабых и говорунов не жалует! Не так ли?

Родных братьев Капы видел, молчалычников тайги, шибко уж подвяленных лесным воздухом. И температуру их эмоций при единственной беседе ощутил: «Спешешь, лысая выхухоль, хватануть блинок пока, горяч?» Ощутил чугуна во всем суставе: так говорили вроде бы до революции. Да-а-а, эти могут убить, точно. Белку в глаз стреляют, вот...

Да, змея меняет шкуру, но ей не изменить натуру. С каждым днём мучил себя Ханцевич: «О, Господи, какой-же я м...дак!»

Человек успевает себя познать за жизнь, не так уж длинен клубок...

Прокурорские радовались рано...

Как же чувствовал себя виноватый в «чп» городского масштаба? Ибо по квартирам и домам торопились сплетни. Икс увидел его в следственном изоляторе. Игрек говорил ахающим собеседникам: уже всю Ивановскую даёт показания... Что ощущал Адрон на деле?

В глазах авантюристов – воеводой. Успокаивали коньячком, заглаживая вину. С умным видом отпускали никчемные советы: образуется, чего так журналист бушует! Спустим дело на тормозах, наши люди есть везде... Свидетель (пока) хмыкал в густые засеребрившиеся усы: не верю! И отстранено наблюдал за копошением человеческого муравейника вокруг. Усвоил, афиняне ещё изрекали: где люди, там скандал!

Юрков с «Цаплей» скрывались лягушками в болоте. Оказались жучилами, адамово племя! Стали реже звонки, номера – заменили, встречи, игнорировались. Гулливер от политики в Думе сидит, наказания электората выполняет! Власть своих отыскала... «А что ты хотел, старина? Амбициозные друзья опасны, как взрослеющие романтики. Замес-то у них сибирский»...

Об ассигнациях, поддержке, естественно, забыли. Оставив наедине с юридическим крючкотворством, фантомной болью. Как паралитика на марафоне бегунов. Незаметно бросили и собутыльники. Запятнал себя одиночеством. На

душе – с утра кюхельбекерно... Однажды, под улыбочивое настроение (редкость) все-таки дозвонился. Менеджеру в офисе представился известным (лукавил) хроникером, чтоб соединил навверняка. Нехитрый приемчик, а ведь сработал.

– Здравствуй, это ЧИК!

– Кто-о-о! – с заминкой, хлябко спросил Юрков.

– Честь Имею Кланяться. Так здоровалась интеллигенция – кто уцелел, – после революции. Что депутат хочет шепнуть?

– А-а-а... – Долгая пауза, женские голоса, треск и шорох в аппарате. – Я разбросаю дела, позвоню, – скисший очень голос.

– Добре, не заигрывайтесь только. Я точу перо, господин, товарищ, депутат. Желая глубоких оргазмов! – И бросил трубку, не попрощавшись.

Звонка от народного избранника не дождался. Что ж, век живи, столько же учись...

Аркадия Юркова в депутаты кликнул нелюбимый отчим.

– Зачем? Я в этом ни бэ, ни мэ, каждая птица летает на своей высоте...

– Деньги будешь иметь, – ответил почти родственник. – Стремись на главу комитета, а через тебя, Шилкой – бюджет. Распределишь тышконки между своими и, аюшки! Старость обеспечена, шабаш...

– А где миллион на выборы?

– «Лимон» дам, с возвратом, естественно. – Отчим, строитель известный, – продолжал:

– На бензин, рекламу, взяточники – хватит. А штабной команде отдать рубли «забудешь». Цыц ты, прием-то от рождения Христова! Так делают почти все кандидаты, и шабаш...

Юрков так и сделал. Специалистам, даже товарищам бабло не отдал, лишь рассчитался по мелочам. И месяцами скрывался от рассерженного люда. Вести города: мальчишка с боксером-охранником ходит! Из-за этого испортил отношения с влиятельными бизнесменами. Нет, видно, хохол его маму любил... Комитет не достался, проехали, чистый голяк. А депутат-одиночка, без связей, кому нужен, а? И Аркадий ушел в запой: с цыганами, гитарой и медведем. Две недели сидел под замком у водки...

Впервые в кабинете прокурора, стыдно. Ознакомительная беседа шла – картина маслом, с анекдотами и чаем. Хотя и был заковыристый вопрос, в конце уже, после морального давления: где черная папка?

– Дома в кабинете, ее видели.

Он, залпнувшись, глядел на следователя, устроившегося в кресле. Тот не сводил с Адрына внимательных глаз. Опосля речь шла о возврате изъятого паспорта. Ханцевич глянул в кипу шелестящих бумаг: действительно, забрали. Действительно, нарушение закона. Начал было звонить дежурному, кому-то из группы оперативников, участковых. Тщетно. «Хороший все-таки парень – думал свидетель. – Жаль служит в дявольской организации, испортится. Ведомство похоже на изношенное белье».

За окном было уже поздно. Палом зажглась в душе опять тревога – раскаяние. Алкоголь в харчевне-обжорке; утеха от сердечных болей. Мгновенное утешение, а нет, тогда остается только выть, хоть на луну. Вот же чяки ряки! В дрова Жиганов упивался редко, если случалось, пел любимую отца:

Тран-сваль, Тран-сваль, стра-на мо-я!

Го-ришь ты вся в ог-не.

Под де-рев-цем раз-ве-си-стым

За-дум-чив бур си-дел.

Приглашался затем он и на другие, всякие неинтересные, мероприятия. Откликаясь на телефонные звонки всегда хмурого секретаря. И расписываясь в корешках, вручаяемых стажерами, повесток.

В угарном помещении, будто египетский сфинкс, отмалчивался. Читать официоз, копии документов, беседовать с адвокатом – отказался. Затуманенный взгляд устремлял в неважно промытый линолеум. «Ноль внимания, фунт презрения!» – говорила в таких случаях бабушка Марфа... Ну, полная отрицаловка, говорят в узких кругах... Второй следователь, в хитросплетениях закона искушенный, поведением Адрына был шокирован. Такого не случалось в его бурной деятельности. За ним кто-то есть! Свидетель оказался еще тот фрукт, с кодексом знакомый! Щеки служивого рдели точно у недозрелой девки. И он, сорвался в истерический мат. Исписанные и чистые бумаги летели со стола в коридор. Иглой в душу входило хрипато: «Посажу-у-у!!!». Изрекалась казэнщина: хорошо, грамотей? Мы тоже не лыком шиты, будем задерживать, поддержка суда имеется. За хранение патронов – привлечем.

И еще кричал что-то по-сучьи, визгливо. Затем, глядя в очи допрашиваемому, взял трубку местной связи.

Не трогайте душу, не надо,

Я сам её пну сапогом.

– Чи-и-во-о? Поэт, что ли? – удивился следачок.

– Зачем ломаете ружьем через колено? Третий раз подмечаю, – в запале выдохнул Жиганов. – За Афган – «звездочка», медали, факт! Задерживайте, оделся ж для камеры. Любопытно: чем обоснуете свою чуховину? Я не судим, к административной ответственности даже не привлекался. Кроме грязно-подлых слухов отсутствуют доказательства. Есть заявление, ознакомьте, гласит же УПК! Статьи его разжевываете, а «ура!» что-то не выкрикивается. Хвастаете о судебных руководителях, но даже и косвенных улик нет, факт...

– Обоснуем, не жаржавеет. – Это Ханцевич со щеками школьного знамени. Закуривший дешевую сигарету, хотя не приветствовалось.

– Это-то, как раз вы и можете...

Вошел заместитель прокурора, куратор мелких дел. Растрепанные, колечками волосы, очки с диоптрией, борода. Страшноватый диагноз психиатра, глаже. Точно чяки ряки!

Из маленького кабинета горемыка отправился пустым восвоися. Чертыхаясь и ругая знакомых от мала до велика. Не давали уюта свинцовые, тучно наплывающие, мыслишки. Будто включенная зажигалка рядом с газом. Погода – что настроение. На сучьем небе – октябрьские тучи, похожие на брюхо черной дворняги. Крошево мелкого дождя. Ветер-хулиган детским мячиком разбрасывал по улицам бытовой сор. Изношенные временем троллейбусы без пассажиров с лязгом грохотали по улицам. Китайской стеной выстроились в ряд легкие машины. Редкие жители, без оглядки, спешили по домам. Мужчины, чур, осторожным каботажем шли вдоль заборов... «Хорошо, – думал, – в молодости учил юриспруденцию. Какая-то практика, методы работы заступника, штатного журналиста. Да годами реанимированный опыт, плюс известность».

И этот рюкзак богатства двинулся оборонять жизнь?

Интуиция сработала. И надежда забрезжила в конце длинного по времени, тоннеля.

Правильно, что бортанул адвокатское содействие! Леон, защитник дошлый, исчез; якобы и не участвовал в разговорах. Еще бы личные подписи отозвал – даже славенько! У бедолаги работа стала бы жиже. Ведь из процесса в очередное слушание дело кочует! И молва против: узаконенные барышники! А они – юридические муравьи, видимо, без специальной формы, кабинетов... Да на кой ляд сдался заступник! Чтобы работал, потея, давая толковые советы – вручи гонорар. А за здорово живешь, юридическая помощь – блеф. Исключительно для забито-неграмотных простачков, верящих очередной заманухе. Не в штатах каких-нибудь, соединенных, живем и в королевских графствах. А на чернозё-

ме, суглинках и аргале. Во кино и немцы! Так рассуждал Адрон, двигаясь к родному жилищу.

А из-за него, какие шероховатости? Не уклоняется от встреч, являясь даже по звонкам. Защищается: опираясь на юриспруденцию – чему учился в свое время. И не предпринимает обходных трасс. Из головоломок жизни выбирать лично: адроновское кредо. Отметил же философ: нравственный мир внутри человека, свод звезд над головой – костяк бытия.

Решил: постулату неуклонно следовать в дальнейшем.

На заседание суда пригласили безликим извещением. Долго ждал вызова в коридоре серого здания. Думал: почему все карательные учреждения серого цвета? Люди бегали озабоченные, словно только что вздул их начальник. Веяло почему-то душным склепом. И задремал Жиганов: спалось неважно. Уже под утро вставал. Хлебал кофе, любимая трубка рядом.

Сигнальная ракета: вспомнилось осеннее турне к матушке. Это как к роднику сходить, умыться. И напиться от души, вдоволь. На поезда билеты отсутствовали, заполненный автобус – к услугам! Затем, маршрутным такси, где, как сеledка в бочке, хнычущая ребятня, вещи. В эвакуацию едут люди, что ли?

Уже чувствовалась близость холодов. Деревья без листьев стояли осиротело-грустные. В степи: предсмертный лепет трав. Угрюмого ветра шелестящий свист. На мелькающих полях – грачи, вороны. И лошади, выщипывающие тень свою. Нет-нет да – стада: тощие коровы, овцы. Остовы разрушенных коровников, ферм, стоянок чабанов. Осевшие срубы нищих годами деревень. Люди показывались редко. Эх, заплеванное сегодня время... Вдоль ухабистого шоссе – столбы, с глянцевыми фото кандидатов в депутаты. Что ни столб – постамент избранника. Во кино и немцы! Многие знакомы с детства: обыкновенные шулера с узким кругозором. Даже клички позорной не заслужившие. Шикарный кабинет – для прикрытия хищений, ибо экономика для них – индийская грамота. Ах, как свихнули жизнь...

Мы всегда из родной глуши. И до конца будем помнить холодрыгу, голод. И семилетних планов иго. Годы идут, а теперь уже и погост виден...

Чирикал воробьями день. Ласточки, качаясь, сидели между проводов. На улицах – сникшие заборы с лысыми тополями. Редкие лужи блестят слюдой. В огородах забытые граммофоны подсолнухов, в метры лебеда, как эхо современных репрессий. Валяющийся штакетник садчиков и заколоченные наглухо дома. Будто невесты грустят о женихах своих; замки истлели – едва ли отыщутся ключи...

Босоногое детство с черной окаемкой под ногтями. Благодать: речка, лапта, зоска, послевоенная школа. И где же вы, дружившие со мною стаи голубей? И-е-эх, счастье – дело потерейное...

Избяная моя сторона. Уже вовсю дымились трубы хаток, когда к своей причапал. Когда-то уютно-оживленная, в разводах акаций и густых тополей. Забрехала лениво овчарка во дворе, дружно поддержанная бездомным сборищем. Дернулась белая занавеска, как на проявляемой фотографии – родное лицо. Эх, мама, уже седая, и у тебя такой печальный взгляд!

Узнав, начала щелкать дверные затворы, причитая:

– Ой, что ж без предупреждения, сына! Разболакайся...

Расцеловались крепко. Обнял сухонькое тело. Будто в детстве: хотелось уткнуться жалко в фарук от людских обид. И опять от ресницы свербит заслезившийся глаз...

– Закури, сынок! В доме так не хватает мужчины...

В комнате вкусно пах испеченный ржаной хлеб. О, это слаще всяких деликатесов из-за моря. Котыра Цап Царапыч терся о джинсы, довольно урча. И прекрасно-безобразный Трезор царапал от радости запотевшие стекла. Уютно

стало, будто руки в варежке. И наступил в кои веки покой, мучивший шоссе километры. Да и сердце, брызжащее хмелем, овчаркой хрипевшее – успокаивалось. Емкое слово ДОМ, всего-то три буквы, а медово-целебное...

На русской печке забурился старинный казанок. Туда кучно сбросили любимые им пельмени. И стол в момент накрыт, и рюмочка церковного кагора: «За встречу!»

Кердык восьмому десятку матери, но такая же шустро-неугомонная. Точь-в-точь в молодости: отличная певунья, работница. Из громадного, в доперестроечные времена, хозяйства, остались собака и кот. Да четыре курочки с боевым генералом, естественно, Петей. Летом – мелочь на огороде, картошка, добрый полив на типовых сотках. Хорошо удобренная навозом земля спасала мать. Целый день на ней, как и в советские времена. В праздновании не было и суток! Выскребет дочиста сорняки, огород – натюрморт. И скуден иногда урожай; но главное – шель-шевел, бабушке много ли нужно? «Меня спасает движение-от, что ты настоятельно предлагал, – говорила по телефону. – А телевизор: зло; убедилась твоей правоте, сына. Многие умерли, сидя возле антихристов ящика».

Однако зрение подводило. И лекарства, черника, отправляемые с земляками, содействовали мало. Годы, что сделаешь? «С такой нервотрепкой до 60-ти хотя бы дотянуть! – размышлял Адрон. – Будто сердце достали вилами и забыли о них».

Прополоскал горло рюмкой «Абсолюта».

– Как поживаешь, матка?

– Так и живу, сына. У мира на виду, ежегодно думая, что последний. С продуктами, мануфактурой-то сейчас хорошо. Да и ты помогаешь, старухе. Отец радовался бы! К пенсии добавили-от 500, за войну. Наконец-то, есть уголь и много дров на зиму. Вот немножечко бы здоровья, сына. Умирать-от совсем раздумала. А газеты твои, книги, читаем вечерами. В улице, завалинкой, многим соседям ндравятся-от, особенно – Фаине Антоновне, директрисе. Помнишь ли ее? Умерла-от недавно... Ай, давно ли в зыбке был, а теперь – нат-ка, седой!

...Через вату сна просочилась девица с голым животом, о, мода! По-барски кивнула: заходите. В библиотечной тишине зала сидело шесть человек. После уточнения анкетных формальностей, истинной росписи – слово.

– Ваша честь! – взглянул на судью. – Сверх меры узаконенная шпана вела дело. И, что называется, в «одни ворота».

– Выбирайте обороты! – изрекла, уткнувшись в бумаги, судья.

– Кого-то оскорбляю, Ваша честь? Даже в мыслях ни-ни. Называю беспредел именем своим. В рамках юриспруденции, затертым сленгом, великодушно извините простофилю.

– Ваша честь! Пройдя годовое шоссе, узрел: вряд ли оно с односторонним движением. Правда жизни требует уточнения имеющихся обстоятельств. Хлюпики от следствия не удосужились записать жалобы в протоколы. «Забыли» взяты экспериментальные образцы почерка. Краем уха, слышал: «брали» их, думаете, где? В финансовых бумагах архивного дела. А державный пенсион вручают уже шестнадцать лет. Не только почерк меняется...

С исхода знакомства с работниками «государственного ока» взывал: адвокат не нужен! Ответили мне, несмышленишу: так положено. Что ж; людина одинешенек, а законов – тьма... Допрашивают в качестве свидетеля. Акцентирую вновь, не заявляя адвоката в деле. В бумагу не внесли, а имел наглость просить об этом! Через два месяца хотели предъявить обвинение. Не допросив в качестве подозреваемого. А уж тем более – обвиняемого! Во кино и немцы! И заступник вновь в кабинете, боялся: получит на их сленге, «частник»? Думаю – желаема следователям его закорючка.

Ох, как еще желаема! Чтоб «слепить» видимость правового документа, факт ...

И это – защитник? Какой совет даст человеку, оказавшемуся в жизненной заварухе? А что реальнее кружки воды, поданной жаждущему? Да-а... – Короткая пауза. – Вновь заявляю об отказе услуг адвоката – игнорирование. А требования процессуального кодекса, этой «библии» следователя! Опять суть и форма Права, нарушены. Что-то кучновато их в деле! Даже на фоне криминала, покрывшего чумой область...

В зале – больничная тишина. Служитель Фемиды оторвала голову от кипы бумаг. Секретарша, заслушавшись, хронику не вела. Спецкор «Вечерки» тоже забыл про блокнот и авторучку. По лицу охранника-пристава что-то прочесть, сложно.

Выступающий перевел дух. Лоб платочком вытер. Затем, собравшись, далее:

– А проведение обыска, госпожа судья? О, это же бином Ньютона для малолеток! Санкции прокурора, решения вашего коллеги, не имелось. На девственном бланке отсутствовал и автограф следователя. Ну, прямо Семёны Порфирьевичи классические! Чисто заказное дело, ушки-то явно торчат... О каком же юридическом послушании разговариваем? Разве высказанное не фальсификация следствием дела? Могу немного обобщить, Ваша честь?

Судья кивнула головой. К бумагам более не возвращалась, слушала выступающего.

– Говорят: и обезьяна падает с дерева! Требует Закон: для утверждения истины провести следственное действие. Официально закрепить информацию задействованных лиц, и получить весомое (не) доказательство в тянущихся материалах. Не было очных ставок, к примеру. Если чего-то я накуролесил, тем паче очники затребовать. Да-а... – Свидетель откашлялся и заговорил далее:

– Опять же продукция тухлая, изначально. Избиратели про рассматриваемый случай забыли, факт. И сплетни, похожие на осколочное эхо в лесу – затихли.

– Излагайте всё-таки по существу, Жиганов, без обобщений. Вы же не в лекционном зале института.

Жирно черкавшая карандашом вопросительные знаки представитель Фемиды оторвала взгляд от испсанного листа. Протерла уже бархаткой стекла модных когда-то очков. «Если смотреть, рухнет бетонная стена – думал Адрон. – Взгляд, скальпель!»

...Галина Зиновьевна Христолюбова внешне лик судьи точно оправдывала. В линеечку пробор каштановых волос, заинтересованные, с хитринкой глаза. Чёрный костюм служителя Фемиды, блузка, массивные очки. В женские балетских уже лет чванство отсутствовало. На совещаниях говорила убедительно, с юмором, без всяких шпаргалок. И её фразы не царапали слух нотками металла. В отличие от многих желчных коллег по юридическому цеху... А по бытовому облику вряд ли догадаешься, где Христолюбова работает. Милые Глафира и Фая, выручалки-соседки, узнав, с недолго охали-ахали. Верить отказывались начисто.

В детстве Галочка всерьёз мечтала о работе хирурга. Как знаменитый Пирогов, о котором много и взахлёб, читала. И девушка с глазами оленёнка классно занималась в училище, реализуя мечту. Молодые годы вкалывала до изнеможения разъездным фельдшером в участковой больнице. Копила стаж для медицинского факультета. Грезилась малепусенькая перспектива учёбы.

Затем – бурный роман с главврачом, закончившийся абортom. Неожиданно для всех – и себя! – отнесла документы на юрфак. «С чего бы это, доча? – заволновалась, хлюпяя носом, лапотная мать. – Мы же с родной хотели выучить на хирурга». Матери, одной по жизни, здорово досталось. Старший Аверий, кормилец, умер в раннем возрасте (неудачная операция). Мужа с фронта так и не дождалась...

Известно: Господь и намерение целует. Это: судьба любимицы, хорошистки, пушистой Галочки Христолюбовой. Когда грызла науки в университете, мысли в душе, лисьи: а если опять в здравоохранение? Были какие-то шапочные знакомства, ассистент-жених заваливал телеграммами. Однако со временем увлеклась непонятным для многих законодательством. Блажью – по захолустному мнению сельчан. И, в конечном итоге, связала жизнь с ведомством Правосудия.

Коллегия назначила судьёй в Христовом возрасте – дар ко дню рождения. О решении начальства, по-бабьи, горевала многократно. Вечерами, в одиночку на тесной кухоньке (собачка не в счёт!) убеждалась: жизнь – многообразнее законов (и нюнила). Рабочие нагрузки оказались архибольшими, нервы, волокита. И ответственность за вынесенные решения: подсудимые, истцы, заявители.

И нынче утром, опаздывая, усмотрела труженика прокуратуры. В мозгу, зарницей: дело «вел» ждущий явно Г. З., юноша. Ох, и много же «косяков»! С горечью вспомнила чертыханья при изучении материалов. Но разговаривать с прокурорским чином, не стала. Мышкой прошмыгнула, вежливо кивнув на «здратье!» И вот начало заседания, полупустой зал, ершистый журналист. Он сначала едва ли понравился. Затем, по колким ответам, логике выступления, поняла: истина у него под мышкой. Хорошо излагает, верные аргументы, на «ты» с законом. Какой же он простофиля? Ему до него, как пешком до Лондона...

Внимательно осмотрела ещё раз известного газетчика.

– Утверждаете, данные ранее свидетельские показания?

– Не ухожу далеко от сути, – ответил Адрон. – Ну, раз в жизни могу выступить в суде! До божьего – далековато... Не дрожу арабским скакуном на ипподроме. В хоре злопыхателей расслышите мой колокольчик, будьте ласка... – Увенчал речь юридически, лихо. – Искажение фактов, коллизия гражданско-уголовного законодательства: ей-ей, налицо. И явная фальсификация следствием документов. Решайте: кто виноват в юридической шехерезаде.

И, неожиданно, с ребячьей дурашливостью:

– Да здравствует российское правосудие!

В зале одобрительный шумок, скрип кресел.

Стоял забайкалец с видом уличного школьника перед инспектором районо. В помещении было душновато. Жиганов вспотел ещё от первичности ситуации. Э, как бы всё на месте, да через шпалу!..

С женой договорился встретиться в китайском ресторанчике.

Евдокия, увидев мужа, резко и с шумом встала. Будто в молодости сердце ёкнуло от радости. Это его солнечный удар! Много прощающая в жизни. Скорее, нутром ощущая эмоциональную мятежность половины.

Дуня нервно теребила скомканный кружевной платочек. Лицо от ожидания измученное, взгляд туманен. Импортная тушь чуток размазана, глаза – у беременной зайчихи такие же. Чего ей только не наговорили доброхоты-пиявки, крови не боящиеся!

– Ну, что?

– Отпад полный, родимая. У суда ничего против, абсолютно. Виновных в двухгодичной мерехлюндии, увидишь – покараю...

Наши друзья и авторы

Αααί δὺ πᾶεὸαἰ ἰ ὑσέϋ.δó. Ἀπᾶᾶ 500 δόππῆι ὑσὺ ÷ί ὕ δ ἰ ἰ ὑσὶ ᾶ
 πῖ ᾶπᾶᾶ ἰ εὐα, 1 ἰ δᾶδᾶί ᾶᾶ ὀ ες 480 ᾶᾶτ δῖ ᾶ. ἰ οᾶί δ πὸδῖ ᾶᾶ-
 οέε. Çà δᾶçἰ ᾶᾦ ᾶί εᾶ πὸδῖ ε ἰ εçῆτ ᾶ ἔεὸᾶδᾶὸδῖ ἰ ᾶ ὀδῖ ᾶί ὑ ᾶᾶ-
 ὀ δὺ εέε ᾶρ ὀπῦ ἰ δᾶᾶᾶ ἰ ὀᾶῆῆῆᾶὀῆῆ, ἰ ἰ πῆᾶ ÷ᾶᾶ δᾶᾶῆῆ ἔῆᾶᾶϋ πᾶῆ-
 ὀᾶ ᾶί ἔᾶᾶ π ἰ εἰ ε ἰ ᾶ ἰ ᾶᾦ ᾶᾶὀᾦ...

Александр Кабанов

ἔῆᾶᾶ. ὀῆδᾶῆἰ ᾶ

* * *

Должна очиститься реторта,
и перегонный куб — остыть,
поэзия — до мяса стерта,
как много надобно забыть!

В расстегнутых ширинках комнат,
клавиатуру теребя,
но, кто рискнет и нам напомнит,
что надобно забыть себя?

О, сколько жести в этом жесте,
багровой кожи с бахромой...
...я позабыл, в каком ты месте,
читатель нелюбимый мой.

И я хлебал из общей кружки
литературный сабернет,
и не заметит новый Pushking,
что старого на свете нет.

* * *

Есть в слове «ресторан»
болезненное что-то:
«ре» — предположим режущая нота,
«сторан» — понятно —
сто душевных ран.
Но, почему-то заглянуть охота
в ближайший ресторан.

Порой мы сами на слова клеваем,
но, Господи, как хочется словам —
обозначать совсем иные вещи,
испытывать иные чувства к нам,

и новое сказать о человеке,
не выпустить его из хищных лап,
пусть цирковые тигры спят в аптеке,
в аптеке, потому что: «Ап!»

У темноты — черничный
привкус мела,
у пустоты — двуспальная кровать,
«любовь» — мне это слово надоело,
но, сам процесс, прошу не прерывать.

* * *

Арахна январской латыни,
прилипчивая метель —
и город в ее паутине
гудит, как рассерженный шмель.

А нам не хватает смертельно
спасительного забытья,
и память жирует отдельно
и чешется, словно куля.

И мы собираем примеры,
высокой болезни такой:
автограф Милосской Венеры,
оставленный левой рукой,

протез коlobка-инвалида,
контактные линзы совы,
и мы обожаем Майн Рида
за всадника без головы.

Сугробы, овраги, изъяны,
похмельные стоны окрест,
и мы выползаем из ямы —
большой похоронный оркестр.

Не ищут добра — от добра ведь?,
и снова метель и опять:
и мне — ничего не добавить,
а вам — ничего не отнять.

* * *

Между Первой и Второй мировой —
перерывчик небольшой, небольшой,
ну, а третья громыхнет за горой,
а четвертая дыхнет анашой.

Не снимай противогаз, Гюльчатай,
и убитых, и живых не считай,
заскучает о тебе все сильнее —
черный бластер под подушкой моей.

Приходи ко мне в блиндаж,
на кровать,
буду, буду убивать, целовать,
колыбельную тебе напевать,
а на прошлое, дружок, наплевать.

Потому, что между первой-второй,
между третьей и четвертой игрой,
между пятой и шестой «на коня»,
ты прошепчешь:

«Не кончайте в меня...»

Перестанет истребитель кружить,
как бы это, не кончая, прожить?
Позабудут цикламены цвести,
после смерти — не кончают, прости.

* * *

Ресторанчик, одесская трасса,
фортепьяновый край бытия,
выковыривай черное мясо
между белых клавиш ея.

Там, где знак: «Осторожно. Распятье!»,
где машины идут под откос,
я купил тебе черное платье
мимолетное платье из роз.

Потому, что в атласном и белом
я и видеть тебя не могу,
потому и плыву оробелым,
в хризантемном увядшем снегу.

Натыкаясь на гвозди и перья,
на империю в синем огне,
и не знаю, откуда теперь я,
и зачем ты привиделась мне?

Бэтмэн Сагайдачный

«Новый Lucky Strike» — поселок
дачный,

слышится собачий лайк,
это едет Бэтмен Сагайдачный,
оседлав роскошный байк.

Он предвестник кризиса и прочих
апокалипсических забав,
но, у парня — самобытный почерк,
запорожский нрав.

Презирует премии, медали,
сёрбаёт вискарь,
он развозит Сальвадора Даля
матерный словарь.

В зимнем небе теплятся огарки,
снег из-под земли,
знают парня звери-олигархи,
птицы-куркули.

Чтоб не трогал банки и бордели,
не сажал в тюрьму —
самых лучших девственниц-моделей
жертвуют ему.

Даже украинцу-самураю
трудно без невест.

Что он с ними делает? Не знаю.

Любит или ест.

* * *

Проснулся после обеда,
перечитывал Генри Миллера,
ну, ладно, ладно — Михаила Веллера,
думал о том, что жизнь —
нагромождение цитат,
что родственники убивают
надежней киллера
и, сами не подозревая,
гарантируют результат.

Заказчик известен,
улики искать не надо,
только срок исполнения
длинноват...
Как говорил Дон Карлеоне
и писал Дон-Аминадо:
«Меня любили,
и в этом я виноват...»

Заваривал чай, курил,
искал сахарозаменитель,
нашел привезенный
из Хорватии мед,
каждому человеку
положен ангел-губитель,
в пределах квоты,
а дальше — твой ход.

Шахматная доска
тоже растет и ширится,
требует жертв,
и не надо жалеть коня,
смотрел «Тайны Брейгеля»,
переключил на Штирлица:
он прикончил агента
и вдруг увидел меня.

Слободка

Ближе к вечеру —
воздух становится подвижной,
с подоконника вспархивает
бабочка Адмирал,
наблюдая странные похороны:
бутыль самогона
закапывают под вишней,
и думает:
«Так еще никто не умирал...»

Самый дальний край
херсонской слободки,
в овраге — цыганский табор,
багульник, чертополох, камыш,
выбритые до синевы
скулы и подбородки
домов, шиферные шевелюры крыш.

Днепр тянется лентой тугоплавкой —
в ржавых пупырышках
сухогрузов и барж,
плавни слегка отвечивают
холодной сваркой,
бабочка сама себе командует:
«Шагом марш!»,

и возвращается
на адмиральский мостик,
ставни открыты,
в комнате женский стон,
затем, умоляющий шепот:
«Ну, еще разочек, Костик...»
бабочка недоумевает
и погружается в сон.

А по двору гуляют:
запах сапожного клея,
крашеной кожи,
слышится молоточный стук,
старый сапожник оглядывается,
сплевывает, и, не жалея —
забывает последний гвоздь
глубоко в каблук.

* * *

Будто скороходы исполина —
раздвоилась ночь передо мной,
и лоснилась вся от гуталина,
в ожиданье щетки обувной.

Что еще придумать на дорожку:
выкрутить звезду на 200 ватт?
Не играют сапоги в гармошку,
просто в стельку пьяные стоят.

В них живут почетные херсонцы,
в них шумят нечетные дожди,
утром, на веранду вносят солнце
с самоварным краником в груди.

* * *

Отгremели русские глаголы,
стихли украинские дожди,
лужи в этикетках Кока-Колы,
перебрался в Минск Салман Рушди.

Мы опять в осаде и опале,
на краю одной шестой земли,
там, где мы самих себя спасали,
вешали, расстреливали, жгли.

И с похмелья каялись устало,
уходили в землю про запас,
Родина о нас совсем не знала,
потому и не любила нас.

Потому, что хамское, блатное —
оказалось ближе и родней,
потому, что мы совсем другое
называли Родиной своей.*

* Автор опубликован в «Избранном».
Такая публикация считается в
«Poezia.ru» высшим пилотажем...

Марк Луцкий
Ōāēó à. Èçðàèèù
Èç ĭ óò èè ĩ ñêĭ ā òèèèà

В Бессарабии

Была ли это ссылка?
Пожалуй, «да» и «нет».

Стихи слагает пылко
Мятущийся поэт,
Оттачивает фразы,
Растит поэмы план,
Заучивает сказы
От стариков-цыган,
И знает их квартиры —
Шатры и лунный свет,
Алеко и Земфиры
Трагический сюжет.
Он многое увидел
В лазоревой степи:
Когда-то здесь Овидий
Стихами осветил
Холмы до горизонта,
И, музою храним,
В античных «Письмах с Понта»
Искал державный Рим.

А здесь — ковыль стеною
И солнца рыжий круг,
Но снится над Невою
Придворный Петербург.
Торжественные лица,
Самовлюбленный двор.
Отменит ли столица
Державный приговор?
И все ж грустить не надо,
Пусть размышляет власть.
Взошла «Гаврилиада»,
По спискам разоидься.
А дальше — пир вакханки,
Кинжал, Лемноса сталь
И смерть молодой гречанки
И в бурых пятнах шаль.

Не стоит убиваться,
Бушуют страсти в нем.
Когда чуть-чуть за двадцать,
Все бури — нипочем.
С утра вкушает брынзу,
Вечор спешит на бал,
И любит его Инзов,
Начальник-генерал.
Растет его копилка,
Горит его звезда...

Была ли это ссылка?
Скорее — «нет», чем «да».*

* Автор опубликован в «Избранном».

**Обращение к современнику
второй венок сонетов**

1.

Прекрасна жизнь на этом свете!
Но кто расскажет, как на том?
Нет ни ответа, ни привета
От всех, покинувших свой дом...

«Мороз и солнце; день чудесный!»
А где чудеснее найти,
Мой современник,
друг прелестный?
Ведь нам с рожденья по пути,

По той, отмеренной однажды,
Нам вместе выпало пройти.
Никто тот путь не мерит дважды,

Нам это только раз дано!
Но помни — больше нет пути.
Жужжит судьбы веретено...

2.

Жужжит судьбы веретено...
Мой современник, дай мне руку!
Познать с тобой нам суждено
Совместной радости науку:

Ведь мы с тобой пройти должны
Далекий путь под небесами,
Со всех сторон окружены,
Как мы — такими же друзьями!

Враги и недруги — случайны,
Мы знаем так же, как — они,
Что станут явными все тайны.

Сотри случайные приметы!
Мы на Земле совсем одни,
Одни мы люди на планете!

3.

Одни мы люди на планете!
Но Человек — чело и век...
И в этом мире, в этом свете
Все будет тот же Человек

Со мною рядом и повсюду,
С другими вместе и с тобой.
Прости апостола Иуду,
Давно прощенного судьбой

И Тем, которого он предал,
Таким же людям, как и он...
Прости любого, кто не ведал

Благую весть... Во тьме темно!
Ведь он, родившись, не рожден.
Так что же свыше нам дано?

4.

Так что же свыше нам дано?
Не зная времени и места,
Блуждают в сумраке давно
Умы, не ведавшие вести,

Живя лишь только для себя,
Они тюрьму себе создали.
Но журавли, простор любя,
Летят без гнева и печали,

Высоким клином, в небе тают.
Они, покорные судьбе,
Птенцов полету обучают,

Хоть им не ведомо преданье:
На век, который дан тебе,
Чело — вместилище сознания...

5.

Чело — вместилище сознания,
В себя вобравшего притом
Всю беспредельность мироздания,
Со всем его добром и злом.

Се — Человек! Смотри и внемли,
Каким он в замысле рожден...
Пока рождается... Приемли
Того, кто рядом. Может, он

Достигнет замысла в итоге!
Приняв его, растешь и ты
В лачуге или же в чертоге.

Но, если сам себе кумир,
Оставь надежды и мечты...
Вмести себя, вместишь и мир.

6.

Вмести себя, вместишь и мир.
И распахнется дверь свободы
(Отстанет сонмище сатир),
А там за сводом — своды, своды...

Учись внимать и созерцать,
Как Бог громами и зарницей,
Тебя пытается создать
И разлучить с твоей темницей!

Но осененный благодатью,
Не будет клясться тьмою слов
И посылать врагам проклятья.

Все заклинанья — для закланья
Овец невинных и рабов.
Где клятвы — там и оправданья!

7.

Где клятвы — там и оправданья!
Но лишь покоем жизнь сильна,
Когда от мысли, созерцанья
Нисходит с неба тишина...

Ты небу, может быть, обязан,
Но сердце просится к земле,
Где ты рожден, и крепко связан
С корнями в недрах и во мгле.

Все бродит там и, созревая,
Стремится к солнечным лучам.
Ты сам растешь и, прорастая,

Корнями связываешь мир.
Но не молись своим корням.
Где идол — там же и кумир!

8.

Где идол — там же и кумир!
Не создавай себе, другому —
Кумиров, идолов, сатир...
Любому трону или дому

Не верь. Не ими ты рожден.
И не для них. Другие силы
Тобой владеют испокон,
Ведя до неба иль могилы.

«Скользя по утреннему снегу...»,
«Пока свободой горим...»
«Друг милый, предадимся бегу...»

Прости, за это отступленье,
«Мой друг, Отчизне посвятим...»
Но где закон — там преступленье...

9.

Но где закон — там преступленье,
Там с небом связь оборвалась,
Там вместо веры — лишь сомненье,
Сомненье в вере — ложь и грязь...

«Будь благ!» — сказал себе Сенека
И благодарен был судьбе.
Но все пороки человека
И человечества — в тебе...

Не воспитай себе Нерона,
Благими помыслами в ад
Дороги устланы закона...

Ты хочешь выбрать этот путь,
Чтоб повернуть потом назад?
Моралью душу не вдохнуть...

10.

Моралью душу не вдохнуть...
«Но там, где небо мглой одето...»
Туда, не хочешь ли взглянуть —
Узнать свой путь по вспышке света?

Великий случай: Млечный путь,
Песчинка встретила песчинку!
Обняться им бы и прильнуть
Друг к другу. Но они дубинку

Достали с криками и бранью,
А может ружья.... Но убить
Спокойно можно на собрание,

Проголосовав за чье-то мнение!
Решая — быть или не быть.
Не вспыхнет в сердце озаренье...

11.

Не вспыхнет в сердце озаренье,
В душе не вырастут цветы.
Но Бог не знает вдохновенья,
А людям свойственны мечты...

Мой современник, друг прелестный,
Нам рано счет вести годам.
На этом свете, в этом месте
Кому довериться здесь нам?

Мы столько в жизни повидали,
Пройдя сквозь бури и снега,
Но все же лучшего не знали,

Чем эта жизнь, что нам давно
Мечтами стала дорога...
Чтоб ни случилось — все равно...

12.

Чтоб ни случилось — все равно
Остаться надо Человеком!
Ведь это свыше нам дано —
Челом нам быть, и быть нам веком.

Ведь каждый что-то и вместили,
Хотя и выместил, что надо
(Пусть это было свыше сил),
Но жизнь — награда и отрада.

Мой современник, дай мне руку!
Земля и Небо — нам державы,
Им благодарны за науку...

Еще земной не пройден путь.
Быть Человеком — это право,
Быть Человеком — в этом суть.

13.

Будь Человеком — в этом суть...
Не пожелай того другому,
Чего не хочешь ты ничуть
Себе, всем близким или дому.

«Блестя под солнцем, снег лежит...»
«Прозрачный лес один чернеет...»
«И речка подо льдом блестит...»
«И ель сквозь иней зеленеет...»

Ты вспомни луг, и сенокосы,
Как мы любили и ценили,
В алмазах утренние росы...

Куда и что унесено?
Но ничего мы не забыли!
Ведь это свыше нам дано...

14.

Ведь это свыше нам дано...
Всего один раз повстречаться!
Все в этом мире решено.
Чего ж друг друга опасаться?

Все человечество — в тебе!
И вот мы встретились, песчинки.
Ты расскажи мне о себе,
Я — о себе. И ни пылинки

Упасть друг с друга не позволим,
Но будет только говорить.
Один лишь раз! Не в нашей воле

Прожить две жизни на планете,
Себя в другом боготворить...
Прекрасна жизнь на этом свете!

15. Магистрал

Прекрасна жизнь на этом свете!
Жужжит судьбы веретено...
Одни мы люди на планете!
Так что же свыше нам дано?

Чело — вместилище сознания...
Вмести себя, вместишь и мир.
Где клятвы — там и оправданья,
Где идол — там же и кумир!

Но где закон — там преступленье.
Моралью душу не вдохнуть,
Не вспыхнет в сердце озаренье...

Чтоб ни случилось — все равно
Будь Человеком — в этом суть,
Ведь это свыше нам дано!*

В ночь с 8 на 9 января 2009 года.

* Автор приглашен на сайт полтора года назад. Около 20 000 читателей, находится в активной переписке со многими авторами сайта.

В одной из рецензий, присланной членом СП Израиля Юрием Арустамовым, есть такие строки: «Виктор, без всякого кокетства: дико завидую людям. способным создать венок сонетов. Если это аттестат зрелости для поэта, то Вы уже доктор поэтических наук».

Poezia.ru ждет Вас, дорогие читатели!

Сергей Брель

Москва. Россия

Стихи о русской рыбалке

Егору Брелю

1.

Там вечно не спящие брёвна
и качка черничных болот,
и лепет «буржуйки» церковный —
горячего духа оплот.

Читаешь роман с продолженьем
и тёплую водку томишь,
а рядом — внимательный жерех
ложится в песчаный тайник.

Штурмуют тревожные люди
тягучих широт скипидар,
и щучья улыбка пребудет
с тобою, братишка, всегда.

Не так ли и мы на кукуане
у тёмного неба бредём
за днищем шаланды лукавой
под звук неживых веретён?

Ты — лещ чернобровый, я — окунь,
и мой ошетинился лоб
навстречу дремучим протокам,
на зорь ежевичный сироп.

Над нами расплакались чомги,
и лёгкий бензиновый след
проходит сквозь наши печёнки,
пугая незрячий скелет;

нас прежние ловят приманки
верченьем снастей золотых.
Кто в манну поверил,
кто — в манку, —
забвением полнятся рты.

Отбросим чужие виденья,
на тёплых полатях уснув,
пока настаёт понедельник,
и вновь поднимает волну
забот...

2.

Как разбуженный карп,
пожирающий мякиш,
ночь спускается
в осени зыбкую глушь,
и с голодным урчаньем
бездомной собаки
шевелится полено в жаровне. Иглу
света бледного
бросит звезда костяная

Душа хранит

Стихи и проза литераторов России, посвященные
Николаю Рубцову. Сборник издан в 2001 году

ЧУДО ТИХОГО СЛОВА

Вопреки юбилейной дате трудно представить Николая Рубцова шестидесятипятилетним. В восприятии отечественного читателя он остался — не только обстоятельствами жизни, но и трепетным дыханием творчества, — в том мгновении поэтического взлета, которое было предопределено судьбой. Впрочем, таков, видимо, удел большого поэта, ибо истинная лирика — это всегда дело душевной и творческой молодости.

Уйдя за грань земного бытия, Н. Рубцов своей милозвучной поэзией остался в народном сознании человеком порывистым, импульсивным, исполненным чувства проникновенной и тревожной любви к России.

Не сегодня замечено, что истинный поэт есть явление пророческое, ибо ему дарована способность ощущения сокровенных движений жизни. Н. Рубцов — в ряду таких поэтов потому, что вряд ли кому другому из по-своему блестящей плеяды лириков 60-х годов было суждено с такой точностью, с такой сердечной болью и надрывом передать предчувствие не столь отдаленно грядущих потрясений, которые вновь выпадут на долю его народа.

Некогда М. Горький пронизательно высказался об одном из крупнейших поэтов своей эпохи, о С. Есенине, что он «не столько человек, сколько орган, созданный природой для выражения неисчерпаемой «печали полей». Нечто подобное можно сказать и о Н. Рубцове, который, кажется, был создан природой для выражения состояния души русского человека, тщетно жаждущего «миротворного» покоя для себя и своей Родины. Не случайно в его поэзии так пронзительно запечатлелось чувство горечи от грядущей утраты чего-то самого родного и близкого, того, что составляет сокровенную суть духовных устремлений соотечественника — целостности бытия, единства человека и мира. Даже в самые благословенные, исполненные душевного лада, мгновения, «в минуты музыки», поэт не покидает ощущение грядущего разлома, который, однако, его не только не страшит, но с достоинством принимается:

**С каждой избою и тучею,
С громом, готовым упасть,
Чувствую самую жгучую,
Самую смертную связь.**

Однажды Ф. Тютчев, один из наиболее почитаемых Н. Рубцовым предшественников, произнес афористически: «Нам не дано предугадать, как наше слово отзовется». Вероятно, смысл этой суровой

сентенции имеет отношение ко всем. Ко всем, кроме истинного поэта. Читая Н. Рубцова, трудно отрешиться от ощущения, что он-то знал, как и где его слово будет услышано. И чрезвычайно дорожил этой дарованной ему честью:

**Я улыву на пароходе,
Потом поеду на подводе,
Потом еще на чем-то вроде,
Потом верхом, потом пешком
Пройду по волоку с мешком —
И буду жить в своем народе!**

*Ю. Дворяшин,
доктор филологических наук*

В. Распутин

Чудный изнев русской души по Родине вслед за Есениным пропел Рубцов. Но не повторил, а извлёк в небывалых доселе звуке и чувстве, в которых радость и боль, близкое и далёкое, небесное и земное существуют настолько слитно, будто это одно и то же и есть!

В. Коротаев

Потеряем скоро человека,
В этот мир забредшего шутя.
У законодательного века
Вечно незаконное дитя.
Тридцать с лишним лет как из пеленок,
Он, помимо прочего всего,
Лыс, как пятимесячный ребенок,
Прост, как погремушечка его.
Ходит он по улицам Державы,
Дышит с нами Временем одним,
Уважает все его Уставы,
Но живет, однако, по своим.
«Как сказал он! Как опять слукавил!» —
Шепчут про него со всех сторон.
Словно исключение из правил,
Он особым светом озарен.
Только на лице вечерне-зыбком
Проступает резче что ни день
Сквозь его беспечную улыбку
Грозная трагическая тень.
И не видеть мы ее не вправе,
И смотреть нам на нее невмочь,
И бессильны что-нибудь исправить,
И не в силах чем-нибудь помочь.
В нашем мире риска и дерзання,
Где в чести борьба да неуют,
Эти отрешенные создання,
Как закаты, долго не живут.

В. Белов

На смерть Николая Рубцова

О, как мне осилить такую беду —
Явилась и тучей нависла.
Не скроюсь нигде, никуда не уйду
От этого подлого смысла.

Подсчитано всё, даже сны и шаги.
Как холят тебя и как любят!
Но губят меня не они, не враги, —
Друзья уходящие губят.

Как будто позор предстоящего дня
Узнали и — рады стараться —
Один за другим, не жалея меня,
В родимую землю ложатся.

Мне страшно без них! Я не вижу не зги,
Ступаю, не чувствуя тверди.
Кого заклинать: не отринь, помоги,
В безжалостный час не отвергни?

Ни Бога, ни Родины... Лишь Мавзолей
И звёзды, воспеты хором.
И тихо мерцающая, светило полей
Горит над бессонным Угором.

1971 г.

В. Балдоржиев

«В горнице светло...»

В горнице светло. И светит снова
Мне звезда ночная вдалеке.
Где-то лодка Коленки Рубцова
На ночной качается реке...

Никогда я слушать не устану,
Как звезда с звездой говорит,
Как душа плывет по океану —
Ничему не хочет научить.

Как люблю я слушать тайны ночи,
Никакой в тех тайнах нет беды.
Пусть никто, никто ночами молча
Не несет мне в горницу воды...

Тишина. Прохлада. Тусклой медью
Вдруг блеснет у берега река.
Никакой не надо мне победы.
Ни над кем! Дорога далека...

Век Рубцова...

...Вечность Мандельштама.
Светел и печален звездный дым.
Крепко сплю! Душа моя упрямо
Все плывет по далям мировым...

1971 г.

1992 г.

Наши друзья и авторы

Лучший сайт филологов, литераторов, журналистов – «Грамота.ру». Сотрудники нашего журнала постоянно на страницах этого сайта, в общении и переписке с авторами.

Конкурс: «Живой как жизнь»

Авторы будут объявлены после завершения конкурса. Подобный конкурс будет объявлен и в нашем журнале.

Не убий матом... хромосому

Сквернословие почитается издавна тяжким грехом, потому что «В начале было Слово...» В стране некогда победившего нас коммунизма, где Бога официально не было, а церковь оцеплена от государства колючей проволокой, но нормы религиозные уже за многие века настолько проникли во все институты гражданского общества и уже кристаллизировались в них, что стали восприниматься – раз церкви нет – как общественно приличные, «выражаться», особенно при дамах, считалось невоспитанностью, дурным тоном. В наше время и дамы выражаются так, что дадут фору всякому. Меж тем ученые – психологи и генетики – доказали, что сквернословие угнетающе влияет на психику и даже изменяет свойства и структуру ДНК. Именно эти молекулы ответственны за наследственность как женщины, так и мужчины.

Не надо уродовать людей

Не считаю разумным нынешнее словесное недержание, у которого нет никаких тормозов. Оно проявляется и в выборе тем для публичных бесед, и в выборе, собственно, слов. Сегодня, к примеру, с легкой подачи вольницы – ТВ (да и СМИ в целом) считается свободным, нормальным, да просто естественным, как дыхание, и даже прогрессивным обсуждать половую жизнь – личную и чужую (чего стесняться – кругом свои люди!) публично, а то и на всю страну. Может быть, оттого победоносно и радостно эстрадная певица с восторженным лицом доярки громогласит: «Секс – это всё в моей жизни...» И ничего, что в этот момент ее могут слышать и созерцать собственные дети или родители. Прощайте, нормы, иго порядочности и прочих нафталинов!

Я все силюсь понять причины проявления такой свободы, помимо тех, что называются коммерческими интересами и прибылью. Либо людям, действительно, есть чем гордиться, что их просто распирает-таки поведать миру о личных достижениях и заодно побалдеть вволю от собственной смелости, либо, простите, имеются какие-то проблемы на данном поприще, иначе к чему этот перемол? Впрочем, проблема-то, конечно, существует в обоих случаях. «Проблема в головах», почти так сказал бы булгаковский профессор Преображенский. Иначе давно бы стало понятно, что сие есть индивидуальный опыт каждого конкретного человека, обсуждать и живописать который, привлекая значительные человеческие аудитории, по меньшей мере, бессмысленно. Тем более глуповато чувствовать себя от подобной смелости просто королями эфира или газетных полос, равно как и от своей лингвистической находчивости в употреблении грязных, нецензурных слов. В этом месте впору бы вспомнить наблюдательного Роберта Уилсона: «Большинство млекопитающих, –

писал он, – метит территорию экскрементами. Одомашненные приматы метят территорию чернильными экскрементами на бумаге». Таков закон эволюционного детерминизма.

И все-таки справедливости ради, а не самокомплиментом, замечу, что более чуткими к мнению и уху народному оказались все-таки коллеги журналисты-газетчики. Или, может быть, наш печатный русский язык под мат не очень заточен изначально? Так или иначе, в газетах и журналах на месте этого – скромные отточия после первой буквы, как фиговые листочки, не менее мерзкие, надо сказать, но и на том спасибо.

Подобный парад-алле все чаще почему-то называется Российским или Общественным телевидением (дабы не дразнить гусей, теперь оно переименовано в ОАО «1 канал»). Общественного ТВ у нас нет. И тогда возникают закономерные вопросы: в существующем ТВ-хламе – так нуждается российское общество? Это его интересы учитываются? Только уж, пожалуйста, не надо убеждать меня в том, что это есть та свобода, к которой нам должно стремиться или истинное наше лицо. Даже в наше непроглядное время все-таки можно разглядеть при желании и другие лица...

К слову или для справки, в мировой практике известно три формы ТВ: государственное, финансирующееся из госбюджета и стоящее на страже интересов власти (классический пример ТВ СССР). В развитых странах таковых сейчас почти не найти. Вторая – коммерческое ТВ. Это чисто американское изобретение: товар – реклама, программы – упаковка, приманка. Ведущие фигуры – рекламодатель, спонсор. Здесь мало учитывается вкус потребителя, потому что в игру вступают деньги, очень большие деньги. Это – цель. Следствие – выстраивание низменного ориентира (этакий IQ – минус) и – неизбежное сползание вниз по шкале вкуса. То, что, в принципе, мы наблюдаем сейчас в родной нашей стране. Ведь ТВ, когда-то названное общественным, кормит всех лапшой «Доширак». Мы и здесь, сами понимаем, своим путем. Только еще грубее, еще тупее, еще циничнее.

Третья же форма, на самом деле, общественное телевидение, возникла как альтернатива коммерческому опять же в Штатах, но наибольшее распространение получило в Западной Европе. Это бедное, но гордое телевидение. Оно существует на пожертвования некоммерческих фондов (здесь их деятельность не облагается налогами, поэтому жертвовать выгодно) и, чаще всего, на абонентные отчисления владельцев телевизоров, причем платится за каждый работающий в доме телевизор. Общественное телевидение сторонится рекламы, либо тщательно чистит ее. Если и впускает ее на экран, то строго дозированных, изолированных, оторванных от программ блоками. Свободно оно и от отношений с реальной властью, и от оголтелой гонки за массовой аудиторией, от неизбежности потакать ее заниженным запросам. Оно называется общественным не потому, что ему приходится приманивать, уловлять зрителя красивой оберткой, а потому, что

именно он, зритель, внося абонплату, влияет на содержание и качество того, чем его «кормят». Самая развитая форма общественного телевидения – в Германии. Там оно еще называется общественно-правовым, потому что истинное общественное телевидение соблюдает закон.

Зачем, скажете, пустился автор в столь отдаленные изыскания? За тем, чтобы показать, что ни в одной культурной стране (цивилизация и культура, замечу, вещи все-таки разные), ни в одной просто уважающей себя и своих граждан стране средний уровень не является нормой. Без этого понимания невозможна эволюция. Попросту говоря, будущее невозможно. Вниз всегда проще скатиться, а дальше-то что – прямиком к динозаврам? Люди должны – раз они люди – развиваться, а не деградировать. Выбора у нас другого нет. У меня же такое ощущение, что мы постоянно живем в ситуации, которую одной фразой очень точно описал Андрей Платонов. Один из его героев вместо голоса души слышит шум сознания, льющийся из репродуктора. Каждый нормальный человек должен внутри себя противостоять этому шуму. Ибо человек с одичавшим сознанием, с упрощенными представлениями о реальности не может жить в современных (нормальных, не абсурдных) условиях. Он становится опасным не только для общества, но и для себя самого.

Поэтому не надо уродовать людей! То, что телевидение, да и любая информация вообще есть ментальный наркотик, способный изменять раз за разом нашу картину мира, наши представления о жизни, жизненные приоритеты, в общем-то, не новая истина. (Вспомним опять советское время). Ведь вся магия ТВ, в сущности, состоит в следующем: то, что не показывают, то якобы не существует, его как бы и в природе нет. А то, что с утра до ночи крупным планом (в нашем случае это зротический хлам, от которого скоро треснет голова, россыпи убивалок да целовалок), так вот это-то, вроде бы, и есть жизнь. Другими словами, хотим мы того или не хотим, признаемся себе в этом или нет, но телеэкран все равно дает некоторую норму жизни, и многим начинает казаться, что все, что мы видим там это нормальное дело. Информация постепенно складывается и начинает восприниматься не как информация, а как реальность. Так, мало-помалу мы становимся пленниками тех клише, которые нам навязывают. Начинаем воспринимать жизнь не такой, какая она есть, а с помощью упрощенных схем, которые нам любезно представляют жуликоватые властители телевизионных дум (откровенно говоря, вымазанных экскрементами, простите на слове, но оно здесь как нельзя лучше подходит). И упомнутые властители скорее согласятся убить того, кто покусится на их схемы (и гонорары соответственно), чем с ними расстанутся.

Мудрецы и философы, и писатели, художники и люди науки сегодня никого особенно не интересуют, поэтому спрямляет-таки наши мозговые извилины так называемая «элита», «цвет нации». Самоназвание, замечу, омерзительное. Отвратительно видеть и слышать, как безголосые певцы, стилисты с визажистами, а также наш брат – журналист, говорящий так, как можно научиться в любой подворотне, воображают себя солью земли Русской, а какой-нибудь врач или воспитатель – они не элита...

Честно говоря, я в мечтах от всей души желаю отправиться этой королевской рати куда-нибудь в резервацию на крайний север, на лесоповал, во главе с Примадонной, которая первая изобразила хамку из очереди и возвела ее в перл создания и ранг нормы. И там, в холодных продуваемых бараках, пусть бы они «очаровывали» своим внутренним миром собственных близких, родственников, ненаглядных чад. Если б силы оставались. Толь-

ко подальше от нормальных людей и молодежи. Или хотя бы штрафовать их что ли за оскорбление общественной нравственности...

Считая всех, по-видимому, безбашенными существами, толпой, которая, если что, может разбежаться, щелкнув на другой канал, они изо всех сил пытаются развлекать телеаудиторию (то есть нас с вами) различными токшоу, напоминающие базар, за который, известно, никто не в ответе, с всенепременными байками («А и Б сидели на трубе»), недвусмысленными и незамысловатыми «приколами». Да, что вы, без оных-то нас и не приманишь! А как уж приманили – бей с плеча по-«ущербному», по мнению «элиты», воображению, сотрясая основы «первобытных» понятий о прекрасном и норме вообще. И главное заставить всех поменьше думать, сосредоточиться на суете. От ума-то ведь горе. (Замечу, что в безумии тоже счастья немного.) Похоже, государству выгодны граждане, которым кажется, будто они размышляют над важными проблемами, хотя на самом деле это, как правило, размышления о пустоте. Ведь толпой всегда легче управлять, нежели личностями.

Не знаю, как вам, а мне не очень нравится, когда мною манипулируют, пытаюсь за меня решить, как и чем мне жить.

«Слово гнилое да не изыдет из уст...»

Русскую культуру всегда отличала большая строгость к речи. Не то, чтобы наше общество, как японцы, не знало браных слов. Просто на них существовал всегда как бы внутренний запрет, табу. То, что считалось пошлым, безнравственным, традиционно не упоминалось в речи, почиталось неудобным. Это все равно, что культурному человеку плюнуть на пол.

Матерщина, или непечатные слова, передавались изустно. От одного поколения к другому, от отца к сыну, от забору к забору. Матерное слово всегда было патентованным средством от словесной, мозговой анемии. Бравируя, приправляли им свою речь в компаниях средней раскрепощенности, заполняли паузы, преодолевая собственное косноязычие (вместо красноречивого э-э-э или глотания слюней). Потому что у мата есть некоторое специфическое свойство: оно может стать этаким джокером, принять на себя значение любого слова, оборота (раз уж по-другому не можем!). Часто мат использовался и используется, как считается, для снятия стресса (о результатах таких релаксаций – ниже). Словом, функций у матерщины предостаточно, только оставим это «благородное» дело для анализа специалистам, тем более что таковые имеются. А пока мы остановимся на одном ее «коньке». Вспомним, что матерщина всегда эмоциональна, что «выпускаются пары» обычно с нарочитой распушенностью, а то и с нескрываемой агрессией. А это есть нечто иное, как психологическое воздействие. И не только на собеседника, но, главным образом, и на себя любимого.

Ученые-биологи поставили эксперимент. Человек в спокойном состоянии начинает произносить последовательно одно за другим грязные, нецензурные слова и выражения в течение заданного времени. Затем с помощью томографа снимают показания головного мозга испытуемого. Проанализировав снимок, специалисты обнаружили низкое содержание гамма-амино-масляных кислот, которое указывает на наличие у человека депрессивного состояния на фоне стресса или тоски. Иными словами, в мозге изменяется гормональный баланс: уменьшается выработка серотонина и норадреналина – гормонов, влияющих на хорошее настроение, и падает содержание выше-

указанных кислот. Получается, что большая часть мозга находится в режиме «угасания»; мозг начинает «тормозить» — так, как это бывает при глубокой депрессии. Таким образом, матерщина угнетающе действует на психику не только того, кто вынужден ее выслушивать, но и главным образом, на самого сквернословя. Ведь слова, которые мы слышим или произносим — это не просто какие-то воздушные вибрации, они становятся частью нас самих. Это мы сами!

Иными словами, всякая информация имеет дух, и не важно откуда она пришла: через телевизор, радио, книгу, газету. Это будет жить в нас, срастаться с нашей душой, быть нашей частью. И если мы будем допускать в свое сердце те или иные слова, чувства, переживания, впечатления, если будем давать своему уму оскверняться теми или иными мыслями, то рано или поздно наступит отуманивание. Такое, что станет невозможным восприятие культуры, красоты. Мы просто не сможем приобщиться к этому сердцем, потому что подобное притягивается подобным, а в нас его попросту уже не будет. Целостности не будет, такой, которая позволяет человеку преодолеть самого себя и сделаться той единственной личностью, которая есть у нас где-то в глубинах. Стать самим собой до предела. Вы не хотите этого, читатель?

Психологи утверждают, что ругань — это, прежде всего, самовнушение, это способ внушить самому себе, что от меня ничего не зависит, мне не везет, все очень плохо и безнадежно. В таком состоянии человек не способен к конструктивным действиям, творческим, да и вообще активным (в позитивном смысле) решениям. Чем не психологическое воздействие? А на первый взгляд — подумаешь, поругался немножко.

Давно доказано, что слово, будучи нематериальным, способно воздействовать на нас вполне материально, реально. Принято считать, что доброе слово приятно даже кошке, не говоря уж о венце творения. И бранное, соответственно, имеет свою силу. Наши предки понимали это лучше нас. Доподлинно известно происхождение ругательств — это современные варианты древних магических заклинаний и проклятий. Наши предки — язычники, ощущая свое бессилие против природы или человека, обращались к своим противникам с пожеланиями смерти или болезни: «Чтоб ты ушел обратно в землю, которая тебя породила», «Чтобы ты покрылся землей, я для этого забросаю тебя грязью». К таким вариантам восходят все ругательства, связанные с «посыланиями». Говоря «пошел ты к дьяволу (лешему, черту...», а также «чтоб ты провалился», «да провались (пропади) оно всё», «гори оно синим пламенем» (известно, что огонь, вечное пламя — символ ада), произносятся такие ругательства, человек, не осознавая, использует видоизмененное древнее магическое послание не просто в мир иной, а прямиком в преисподнюю. Даже когда мы говорим слова типа «мне на тебя наплевать, начхать и т. п.», то, по сути дела, используем первобытные ругательства. Раз наплевать, значит, забросать грязью, покрыть землей, предать смерти.

Матерщину ведь не случайно называют «черной» бранью. Черный цвет — отсутствие света, символизирует в данном случае цвет сатаны (в противоположность свету Божьему). В православном понимании мат — это грех, который называется сквернословием (от слова «скверна»). Хорошо бы здесь вовремя вспомнить из Даля: «скверна — мерзость, гадость, пакость, все гнусное, противное, отвратительное, непотребное, что мерзит плотски и духовно, нечистота, грязь и гниль, тление, мертвечина, смрад, непотребство, разврат, нравственное растление, все богопротивное». Не самый, надо сказать, приятный из синонимических рядов. Такое перед обедом и не прочтешь. Что поделывать, описывать свинство весьма тяжело и чревато, увы, мазохизмом.

А если серьезно, то нам дано Слово, которое есть Бог. И именно словом мы обращаемся к Нему. Другого способа, канала общения с Ним, у нас попросту нет. В слове заключена сила. Доказано, что при чтении молитв над водой, изменяется ее кристаллическая структура. Вода становится святой от слова. Человеческое тело на 80% состоит из воды. Слова молитв, как и всякие добрые слова, являются своеобразным камертоном — настройкой для всего организма. Ученый-физик Виктор Вейник в книге «Почему я верю в Бога» делится своим открытием: при произнесении вслух (или мысленно) молитвы «Отче наш» в тысячи раз увеличивается радиус эллипсоида, характеризующий энергетику человека. Церковь называет это чудом Божественной Благодати.

О том, что молитва повышает энергетическое состояние человека, говорили и на недавней всемирной медицинской конференции в Аризонском университете США доктор биологических наук, заведующий лабораторией института им. В. Бехтерева, профессор В. Селезин и кандидат медицинских наук И. Рыбина. Эти ученые сделали также и вполне логичный вывод: когда в жизни человека по его же воле (свободной, надо сказать, воле) происходит удаление от Божественной Благодати (я употребляю религиозный термин, ученые называют это необходимым «четвертым физиологическим состоянием мозга»), то в жизни человека начинают происходить негативные процессы. Это вполне объяснимо. В русском языке мат всегда связан с оскорблением Богородицы, собственной матери и матери собеседника, а также с отвратительным именованием детородных органов человека. Получается, что Словом, которое есть Бог, мы проклинаем Богородицу и людей, сотворенных по Божьему подобию. Так, по собственной воле, отходя от Бога, мы становимся ближе к его противоположности. А эта персона, как известно, никогда и ничего доброго для человека не совершала.

Программа самоликвидации

У французского писателя Эмиля Золя есть цикл романов «Ругон Маккары». В нем автор описывает жизнь нескольких поколений одной семьи. Это люди разных профессий, характеров, связанные отношениями наследственности. В общем, картина жизни общества в миниатюре. На протяжении всего цикла Золя делает важное наблюдение: каждое новое поколение фамилии Маккаров слабее, хилее, менее адаптировано физически к жизни, чем предыдущее. Каков итог такой эволюции? Автор предостерегает сделать этот, в общем-то, легко вычленимый вывод читателю.

Физическое вырождение — не есть литературная метафора. Несколько лет назад у нас, в России, в институте квантовой генетики кандидат наук Г. Т. Тертышный и кандидат биологических наук П. П. Горяев проводили исследования, пытаясь, на свой манер, найти хотя бы частично ответ на вопрос: что происходит с родом человеческим? С помощью разработанной ими аппаратуры человеческие слова рассматривались в виде электромагнитных колебаний. Ученые пришли к сенсационным выводам: эти колебания непосредственно влияют на структуру и свойства ДНК.

Установлено, что ДНК воспринимает речь и ее смысл, их «уши» приспособлены к восприятию акустических колебаний. Мало того, эти молекулы, отвечающие за наследственность человека, получают и световую информацию: человек может не произносить вслух, а мысленно читать текст, но содержание все равно дойдет до его генетического аппарата по электромагнитным каналам. Но, самое

главное, ДНК не безразличны к получаемой информации. Одни сообщения оздоравливают их, другие – травмируют. Поэтому содержание речи непосредственно влияет на человеческий геном.

Например, человек постоянно употребляет бранные слова или часто слышит матерную речь. Причем для ДНК не имеет значения, является ли собеседник живым человеком или телевизионным героем, вещающим журналистом, телеведущим. Во всех случаях в молекулах начинает выработываться, так сказать, «отрицательная программа». Постепенно эти изменения становятся столь значительными, что деформируют структуру ДНК, и это передается потомкам. Накопление такого негатива может быть названо «программой самоликвидации». Скажете, преувеличение? Отнюдь. Ученые зафиксировали, что бранное слово вызывает мутагенный эффект, аналогичный радиационному облучению.

Что же произойдет, если детородные органы постоянно обзывать дикими матерными словами или употреблять для связки эти слова в общении? Ученые определили, что мутагенные изменения в данном случае приблизительно эквивалентны для дозы, которую получают в эпицентре атомного взрыва. Это губительно действует на производящего и постоянно слышащего ругательства, на их детородные органы и половые функции, что, в конечном итоге, приводит не только к неспособности родить здорового ребенка, но и к невозможности вовсе иметь интимные отношения.

Здесь, как мне кажется, важен один момент. В языке заложено все, что есть в нашем бытии. А человек, как известно, состоит из духа, души, и тела. (Кстати, если кто-то думает о себе, что произошел от обезьяны, значит, так оно и есть). Так вот, мы таковыми созданы Богом. Соответственно в теле нет ничего стыдного, его называют даже вместилищем духа. Это как бы храм. Плоть безгрешна, есть только уродское обращение с ней человека, именуемого части тела непотребными словами, растлевание ее отвязными лжефилософиями или, простите, скотским к ней отношением. И нет ничего удивительного в том, что происходит разрушение внутренних истоков гармонии при варварском обращении с ее, на первый взгляд, внешними продуктами.

Есть слова, несущие свет любви, и не надо делать вид и заставлять поверить других в то, что их и любви самой не существует. Это скучно и неново. Общество уже зомбировало тем, что в СССР нет секса, теперь внушают, что нет любви. Это также глупо и приемлемо только умственноотсталыми, глубоко несчастными людьми. Даже сама мысль об отсутствии Любви делает человека оставленным и несчастным, потому что человек – это человек, а не скот на откорме, как нас пытаются заверить. А так как мы существа все-таки разумные, то должны различать слова, несущие свет любви и отрицательные по смыслу словообразования, которые повреждают даже обычные программы, обеспечивающие нормальную, естественную работу нашего организма. Зачем надо быть врагом себе, грешить против собственной природы в целом? Неужели быть физическим и духовным калекой – это наше счастье и конечная цель нашего развития?

Литературоведческий словарь

ЛИТЕРАТУРА (лат. *lit(t)eratura*, букв. — написанное), произведения письменности, имеющие общественное значение (напр., художественная литература, научная литература, эпистолярная литература).

Чаще под литературой понимают художественную литературную продукцию (художественная литература; соответствие в 19 в. — «изящная словесность»). В этом значении литература — явление искусства («искусство слова»), эстетически выражающее общественное сознание и в свою очередь формирующее его. Материальный носитель образности в литературе — речь — позволяет ей необычайно широко осваивать и активно истолковывать жизненные процессы во всей их сложности, в т. ч. внутренний мир людей и их общение, воплощаемые в высказываниях.

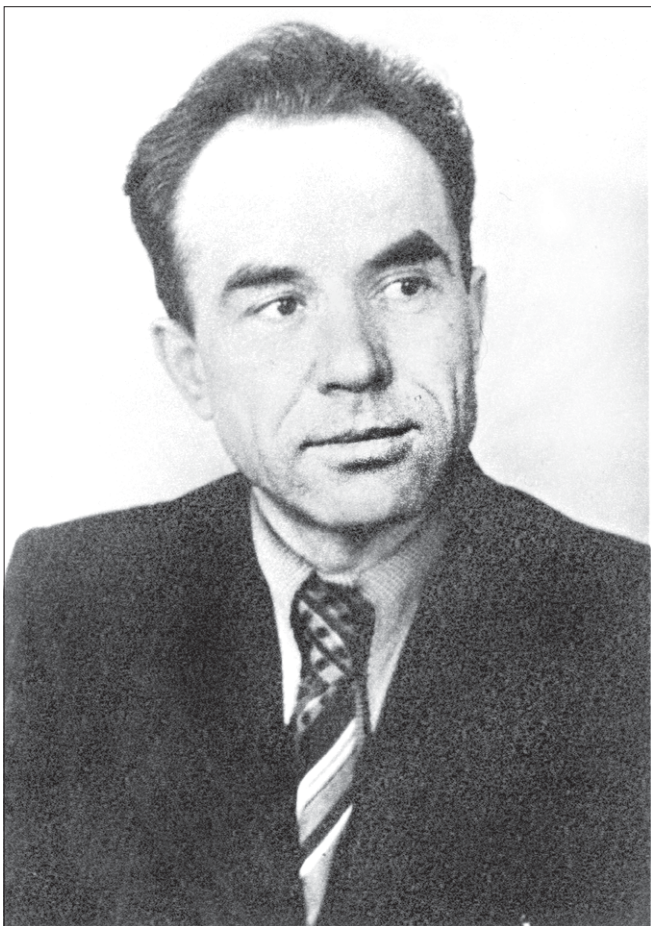
Художественная литература как вид искусства возникает на почве мифологии и устно-поэтического народного творчества. Художественная литература хранит, накапливает и передает от поколения к поколению эстетические, нравственные, философские, социальные ценности.

Литература представляет собой формирующуюся на протяжении тысячелетий динамическую систему литературных родов (эпос, лирика, драма), жанров, мотивов, сюжетов, образов, стиховых и прозаических форм (Проза и Поэзия), изобразительных средств языка, приемов композиции. Существуют виды письменных произведений, смыкающиеся с художественной литературой, — мемуарная, эпистолярная, документальная литература.

Древнейшие произведения писались в стихах, проза — относительно более поздняя область художественной литературы. Только в 18-19 вв. эти две области сравнялись по значению. Для 20 в. характерны связи художественной литературы с другими преимущественно новыми видами искусства — кино, радио, телевидением. Творчество выдающихся деятелей художественной литературы знаменует важнейшие фазы развития мировой и национальной культуры. Литература изучается филологией, по преимуществу литературоведением.

РЕЧЬ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ (речь поэтическая), реализация эстетической функции языка. Специфика художественной речи — в максимальной организованности и выразительно-смысловой значимости каждого ее элемента. Формируется в устном народном поэтическом творчестве при отождествлении явлений жизни человека и природы (психологический параллелизм); приобретает свойства переносить признаки с предмета на предмет по сходству (метафора) и по смежности (метонимия); сближая далекие по значению слова, формирует и развивает многозначность слова, придает речи усложненную фонологическую организацию, в т. ч. ритmicность. Делится на стихотворную и прозаическую области. Наряду с этим художественной речи свойственны и внеэстетические функции языка: установление контакта между говорящим и слушающим (автором и читателем), передача информации, прямое эмоциональное воздействие на слушателя (читателя), выраженные отношения говорящего (пишущего) к предмету речи, уточнение и истолкование сообщения.

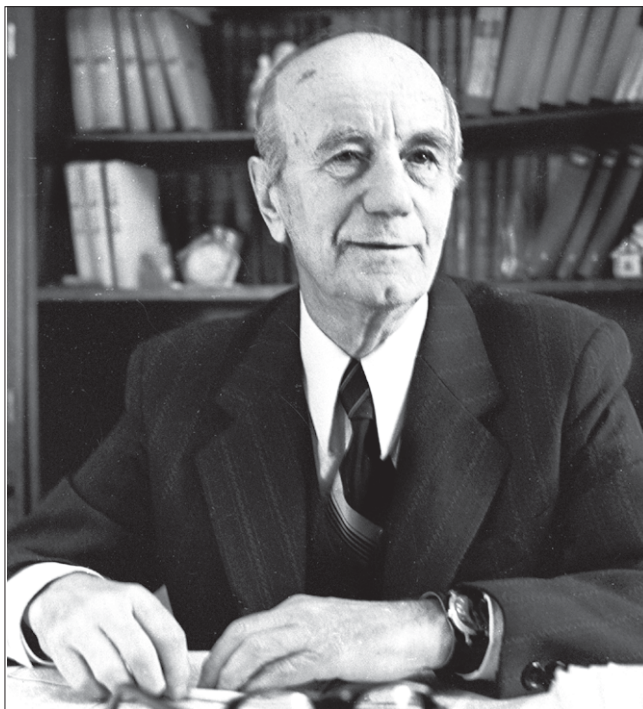

Константин Седых

В истории Забайкалья было довольно много русскоязычных литераторов и, вообще, повествователей. Мы не зря назвали этот раздел именно так – «Память благодарной Отчизны», ибо какая-то часть Отчизны, естественно, бывает беспамятной, а значит и неблагодарной, что, к сожалению, иногда очень даже заметно... Но кого же мы помним?

На сегодня история русскоязычной литературы Забайкалья охватывает период от протопопы Аввакума до поэта Михаила Вишнякова. В маленькой книжечке «Краеведы и литераторы Забайкалья. Дореволюционный период» указаны 768 авторов! А сколько их было за советский период истории? Кто занимается таким исследованием? Считаем ли мы нужным сохранить имена авторов, а также их работы, за всю историю?

Мы застали последнюю плеяду советских писателей.

Виктор Лавринайтис

Писатели Забайкалья

Имена многих еще на слуху. А пройдет еще немного времени, вырастет новое поколение? Какова будет его память?

И славен буду я, доколь в подлунном мире

Жив будет хоть один пиит.

Писал Александр Сергеевич Пушкин. Имя не будет забыто, пока будут жить литераторы... Здесь нет фотографий многих писателей, которых мы помним. Но мы их обязательно найдем и, в свое время, расскажем о каждом.

С каким упоением я читал в детстве книги Константина Седых, Оскара Хавкина, Георгия Шелеста... Потом встретился и подружился, по-родственному, с Василием Ивановичем и Викторией Геннадьевной Бялябиными, Геннадием Семеновичем Донцом, Виктором Брониславовичем Лавринайтисом, Василием Григорьевичем Никоновым, Николаем Дмитриевичем Куза-

Евгений Куренной

Михаил Вишняков на площади Читы. 2006 год

Виктория Балябина

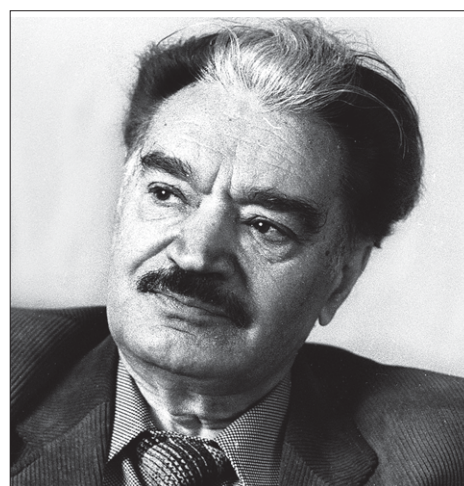

Геннадий Донец и Василий Балябин

ковым, Евгением Евстафьевичем Куренным... Михаил Вишняков был единственным с кем я, в нашем крае, мог говорить откровенно о муках и радостях творчества. Как с братом. После него осиротел... Из жизни ушла целая эпоха. Мы только начинаем осознавать это. В помрачневшей и скучной без них суете неожиданно оживают в моей памяти их лица, и я говорю с ними. Потом начинают звучать строки Василия Белова, с которыми душа моя согласна абсолютно:

**Как будто позор предстоящего дня
Узнали и – рады стараться –
Один за другим, не жалея меня,
В родимую землю ложатся...**

Позор не замедлил: стыд и совесть у нас перешли в разряд остаточных явлений, а то и вовсе исчезли. Отношение ко всем и ко всему остальному (к труду) выстроено на этом же остаточном принципе. В крае издаются два журнала, именуемых литературными. Что там? Открыл, перечитал. Ну и ну! Закрыл. Больше не прикоснусь... Нет, друзья мои, так жить и трудиться нельзя. Впереди непочтатый край работы. У нас много талантов, творческих сил... А сколько одаренных наших земляков – литераторов, живописцев, скульпторов, композиторов – покинули по тем или иным причинам родные края, обосновались в городах России. Это наши люди! В моих записях более двадцати фамилий только писателей. Какая мощь мысли и духа могла бы сконцентрироваться в Забайкалье, если бы

Оскар Хавкин

мы собрались все вместе... Теперь будем встречаться на страницах журнала. Сбирать по крупицам литературное прошлое края. Оберегать литературу от бездарности и цинизма. Негоже, когда бескультурье толпится у гробов ушедших и дверей работающих литераторов.

Прошлое рядом. Только руку протянуть... Евгений Евстафьевич Куренной нашел мне комнату в общежитии и предлагает съездить, посмотреть. Смеется Миша Вишняков, что-то строго выговаривает Николай Дмитриевич Кузаков, Виктория Геннадьевна забеливает чай, а Василий Иванович, косолапая, выходит из кабинета... Но проснусь и – тишина. Окликаю тишину. Нет ответа! Пусто стало без братьев, и никто эту пустоту не заполнит. Остается только – помнить...

Виктор Балдоржиев.

Николай Кузаков. «Забайкальская осень». 1980-ые годы

Виктория Измайлова

Чита

Пляска с Судьбой залихватская, выучка канатоходская,
Горше, чем доля солдатская, скотская доля сиротская.
Олухи, лохи, молчаливники,

встречные вечные мальчики —
Все командиры-начальники, все бессердечные мачехи.

С бала на пир приказав вести, балуясь черной икоркою,
Сыщут причины для зависти,

выкрячат черствую коркою.
Спесь и презрение выкричат, глянут —
и то по-недоброму,

И отберут, коль не выклячат,
грош, на дороге подобранный.

Знатны ли, славны, залешены,
сломлены ль и обезличены,

Равно щедры на затрещины,
шпильки, тычки, зуботычины.

Если наследство, так враг отца,
невус семейного «неуда»,
Некому, некому плакаться, некуда спрятаться, некуда.

На столичных ратушах бьют часы,
поступь дня прогоняет ночь.

В королевском доме родится сын,
в царском доме родится дочь.

Утопает сад в огневых цветах,
рвется в небо победный стяг,

Но этот мир стоит не на трех китах,
он стоит на твоих костях.

Император свято блюдет закон,
триумфатор пленил врага,

Из толпы, из женских рук,
из окон-лепестков прозрачных пурга.

Имена прекрасные на устах,
мертвый змей в орлиных когтях.

Но этот мир стоит не на трех китах,
он стоит на твоих костях.

Не ропщи, не смей, не дыши вообще,
не крутись в напрасной борьбе!

Ты и есть тот змей в золотом луче
на величественном гербе!

Терпеливый смерд, разоренный град,
пленный гранд, не вставший с колен!

Беспольный свет оскверненных правд,
чей любой носитель — растлен.

Ты — забитый бык, ты — забитый раб,
граб, расколотый на дрова,

Ты под рёв пожара и конский храп обесчещенная вдова.
Ты шахтер, упавший с кайлом в руке,

ты — дитя, что всем — ни к чему,
Ты дурак, поднявший в чужом платке
ослепительную чуму.

Ты солдат, солдат, столько раз солдат,
что уже ни счесть ни имен,
Ни числа погибших, ни скорбных дат,
ни предлогов войн всех времен.

Тот, кто чудом выжил, всегда в гостях
в этом мире, всегда в долгах,
Хоть этот мир стоит на его костях, на его руках и ногах!

Не смущайся звонами майских дней,
не чини худое рядом,

Ибо добровольнее — праведней,
это всем известно давно!

Вот они родят, вот они — кутят, тянут руки, делят пайки.
Ты же их не вышвырнешь, как котят,
на промерзший берег реки?!

Без тебя им некого будет есть,
презирать и клясть до зари.

Смерть твоя — настолько благая весть,
что посовестись — и умри!

Так отдай им жизнь, не держись,
не жмись, не страшись ножа, топора!

Ну, ложись им под ноги, в прах ложись,
потому что уже пора!

Эта девушка лучше во всем, эта девушка круче.
Уж она-то умеет не пить, не курить, не глупить,
Перманентным нытьем

сердобольных знакомых не мучить
И любить кого радостно и ненакладно любить.
Даже ежели с нею беда, не скатившись до драмы,
Еле слышно вздохнет, гордо слезы утрёт — и вперёд!

Вот таких и берут в космонавты и первые замы,
А нелепых дурилок никто никуда не берёт.

Уж она не вздичает, она за себя отвечает,
Волю масс признаёт, в рост на самом краю не встаёт,

Экстремалкой хранителю ангелу не докучает,
Беспардонными просьбами Господа не достаёт.

Улыбаётся ей эволюция из колыбели,
Извиня ей всё, даже кровь голубых королей,

И капризной Фортуне, и Гестии, даже Кибеле,
И Христу, и Аллаху она, безусловно, милей.

Ты — горбатая дробь, а она выражается целым
Совершенным числом, небольшим для любой головы,

Вот и локти кусай, и мечтай о винтовке с прицелом,
Хоть поэму пиши, ничего не попишешь, увы!

* * *

Солнце льет жаркий мед в степи и луга,
Платя желтой парчи дарит всем подряд.
Бриллианты мои — стекла да лужга,
А поди, погляди, как они горят!

Солнце смуглой рукой травы ворошит,
В золоченой печи яблоки печет,
Каждый лист на ветвях золотом прошит,
И река золотой лавою течет.

Я богат, как набоб, солнцем залитых,
Гомонящих монет я не берегу,
При себе у меня столько золотых,
Сколько гальки речной здесь, на берегу!

Весь песок — золотой, как ни погляжу,
Что ни капля росы — чистый самоцвет,
Я из золота пью, в золоте хожу,
Из бумаги сложу — золотой корвет.

Эх, пока я живой, не мираж, не блеф —
Нет богаче меня в мире богача!
Над моей головой пляшет красный лев,
Всё, что есть на земле, гривой щекоча.

Магистериум мой, кто тебя щедрей?!
Приоткрой Эмпирей, полымем слепя,
Ясным светом умой, Божьим днем согрей!
Я пришел в этот мир лишь из-за тебя!

* * *

Гроши последние считая, с тугим баулом на спине,
Когда приедешь из Китая, кати немедленно ко мне,
И не в скупых подарках дело, ты знаешь,
мне на них плевать,
Не то, чтоб очи проглядела, но умудрилась тосковать.

Гадала ночью, затихая, — людскою черною рекой,
Плывешь, ручонками порхая,
хороший, беленький такой,
Под паром виноградных гроздей
не примечая явный брак,
С дружкой дурацким, с этим Костей,
который выпить не дурак.

О благоденствии мечтая, монетой медною звеня,
Когда приедешь из Китая, прости меня, прости меня!
За Забайкальское ненастье, за то, что решка — за орла,
За всё обещанное счастье, что я тебе не додала.

Прости — лишь ты уполномочен,
что сгибла светлая звезда,
Что загранпаспорт мой просрочен и мне не надо никуда,
И что надежд не оправдала, и не жила, как человек,
И все изъяны увидала, и исковеркала навек.

По пустякам рыдая, тая, я вижу слишком дальний край.
Когда приедешь из Китая, целуй, баулы открывай.
Дары чужие разбирая, я не взропщу и не взыщу,
Мне хватит снившегося рая.

Мне лень ворчать — я все прошу:

Что вал твоей душевной лени,
бывало, с ног меня сбивал,
Что ты не падал на колени и хварн моих не признавал!
И не тащи ни язв, ни струпов, не хулигань и не бузи,
И сохрани хоть малость рупьев, и черта в ступе не вези.

* * *

Ничтожный гнилой уют, но в сытости и тепле
Парадик банальных блюд, огарчишко на столе.
Хотелось тебе, прости, несчастное существо,
По-божески провести Последнее Рождество.

В сиянье бледных шаров, сосновой клейкой смолы,
Скупых прощальных даров, в преддверии вечной мглы,
В пылу наивных речей напутствия и любви,
Простить своих палачей, не чуют холод в крови,
Не думая ни о чем, довериться торжеству,
Прижаться к плечу плечом к родимому существу.

Чтоб было все, как всегда, и пир на пару персон,
Бокалов тонких слюда, шампанское и Кобзон,
Плоды заморских оливок, в бюджете свежая брешь,
И шелест поздних молитв, и рой безумных надежд.
Не лютый рок провести, а только то и всего,
По-божески провести Последнее Рождество!!!

Огарок гаснет, коптя. Увы, тебе, существу!
Единственное дитя рвануло на randevu.
Он младше ее на треть, увертлив, да не гласт.
На воск не надо смотреть — он тоже ее продаст.
Легко упорхнула прочь, безмозглое существо!
Такая долгая ночь, короткое волшебство.

А если что вспоминать, тогда уж сразу — концы.
Осталось что — уминать салаты и голубцы.
И правда — не все ль одно? Расходитесь пьяный люд.
Пойти посмотреть в окно. Давно отпылал салют.

Метель заметает рвы, раскачивает стволы,
Стоят на коленях львы, олени, кони, волю,
Вплывает в снежный ручей из тьмы, зеленой, как мох,
На струнах лунных лучей в серебряной зыбке Бог.

Он плачет — агу, агу! — не глядя на мир голгоф,
Где движутся на снегу седые тени волхвов,
Где пьют до утра вино, счастливо впадая в грех,
Где, в общем-то, скудно, но уж смиренны хватит на всех.

И что ему до того, что три часа как померк
В Последнее Рождество на площади фейерверк,
Что пятый балбес подряд свалился в тот же сугроб,
Что вот — на тебе наряд, в котором положат в гроб...

Не то, чтобы все одно, не то, чтобы все одни,
Но, верно, все сочтено, обиды, ночи и дни,
Без гнева и баловства для каждого существа,
Недолгого, как трава от Пасхи до Покрова.

Если бы я был студентом и меня спросили бы: «Вот стихотворение, расскажите о нем все, что Вы можете, но именно о нем, а не вокруг да около», – то это был бы для меня очень трудный вопрос. Как на него обычно отвечают? Возьмем для примера стихотворение Пушкина «Предчувствие» 1828 года. Вот его текст:

Снова тучи надо мною
Собралися в тишине;
Рок завистливый бедою
Угрожает снова мне...
Сохраню ль к судьбе презренье?
Понесу ль навстречу ей
Непреклонность и терпенье
Гордой юности моей?
Бурной жизнью утомленный,
Равнодушно бури жду:
Может быть, еще спасенный,
Снова пристань я найду...
Но, предчувствуя разлуку,
Неизбежный, грозный час,
Сжать твою, мой ангел, руку
Я спешу в последний раз.
Ангел кроткий, безмятежный,
Тихо молви мне: прости,
Опечалась: взор свой нежный
Подыми иль опусти;
И твое воспоминанье
Заменит душе моей
Силу, гордость, упованье
И отвагу юных дней.

Скорее всего отвечающий студент начнет говорить об этом стихотворении так: «В этом произведении выражено чувство тревоги. Поэт ждет жизненной бури и ищет ободрения, по-видимому, у своей возлюбленной, которую он называет своим ангелом. Стихотворение написано четырехстопным хореем, строфами по 8 стихов. В нем есть риторические вопросы: «сохраню ль к судьбе презренье?...» и т. д.; есть риторическое обращение (а может быть, даже не риторическое, а реальное): «тихо молви мне: прости». Здесь, наверное, он исчерпается: в самом деле, архаизмов, неологизмов, диалектизмов тут нет, все просто, о чем еще говорить? – а преподаватель ждет. И студент начинает уходить в сторону: «Это настроение просветленного мужества характерно для всей лирики Пушкина...». Но преподаватель останавливает: «Нет, это Вы уже говорите не о том, что есть в самом тексте стихотворения, а о том, что вне его», – и студент, сбившись, умолкает.

Ответ получился не особенно удачный. Между тем на самом деле студент заметил все, нужное для ответа, только не сумел все это связать и развить. Он заметил все самое яркое на всех трех уровнях строения стихотворения, но какие это уровни, он не знал. А в строении всякого текста можно выделить таких три уровня, на которых располагаются все особенности его содержания и формы.

Первый, верхний, уровень – идейно-образный. В нем два подуровня: во-первых, идеи и эмоции (например, идеи: «жизненные бури нужно встречать мужественно» или любовь придает сил», а эмоции: «тревога» и «нежность»); во-

М. Л. Гаспаров

Если бы я был студентом...

(разбор стихотворения)

«Снова тучи надо мною...»: методика анализа

вторых, образы и мотивы (например, «тучи» – образ, «собралися» – мотив; подробнее об этом мы скажем немного дальше).

Второй уровень, средний, – стилистический. В нем тоже два подуровня: во-первых, лексика, т. е. слова, рассматриваемые порознь (и прежде всего – слова в переносных значениях, «тропы»); во-вторых, синтаксис, т. е. слова, рассматриваемые в их сочетании и расположении.

Третий уровень, нижний, – фонический, звуковой. Это, во-первых, явления стиха – метрика, ритмика, рифма, строфика; во-вторых, явления звукописи – аллитерации, ассонансы.

Различаются эти три уровня по тому, какими сторонами нашего сознания мы воспринимаем относящиеся к ним явления. Нижний, звуковой уровень мы воспринимаем слухом: чтобы уловить в стихотворении хореический ритм или аллитерацию на **р**, нет даже надобности знать язык, на котором оно написано, это и так слышно. Средний, стилистический уровень мы воспринимаем чувством языка: чтобы сказать, что такое-то слово употреблено не в прямом, а в переносном смысле, а такой-то порядок слов возможен, но необычен, нужно не только знать язык, но и иметь привычку к его употреблению. Наконец, верхний, идейно-образный уровень мы воспринимаем умом и воображением: умом мы понимаем слова, обозначающие идеи и эмоции, а воображением представляем образы собирающихся туч и взглядывающего ангела.

Наш гипотетический студент совершенно правильно отметил на верхнем уровне строения пушкинского стихотворения эмоцию тревоги и образ жизненной бури; на среднем уровне – риторические вопросы; на нижнем уровне – четырехстопный хорей и восьмистишные строфы. Если бы он сделал это не стихийно, а сознательно, то он, во-первых, перечислил бы свои наблюдения именно в таком, более стройном порядке; а во-вторых, от каждого такого наблюдения он оглядывался бы и на другие явления этого уровня, зная, что именно он ищет, – и тогда, наверное, заметил бы и побольше. Например, на образном уровне он заметил бы антитезу «буря – пристань»; на стилистическом уровне – необычный оборот «твое воспоминанье» в значении «воспоминание о тебе»; на фоническом уровне – аллитерацию «снова... надо мною», ассонанс «равнодушно бури жду» и т. п.

Почему именно эти и подобные явления (на всех уровнях) привлекают наше внимание? Потому что мы чувствуем, что они необычны, что они отклоняются от нейтрального фона повседневной речи, который мы ощущаем интуитивно. Мы чувствуем, что когда в маленьком стихотворении встречаются два риторических вопроса подряд или три ударных у подряд, то это не может быть случайно, а стало быть, входит в художественную структуру стихотворения и подлежит рассмотрению исследователя. Филология с древнейших времен изучала в художественной речи именно то, чем она не похожа на нейтральную речь.

Попробуем тематически расписать все существенные пушкинского стихотворения. Мы получим приблизительно такую картину:

<i>тучи</i>	<i>рок</i>	<i>презренье</i>	<i>ангел</i>
<i>(тишина)</i>	<i>беда</i>	<i>непреклонность</i>	<i>(2 раза)</i>
<i>буря</i>	<i>судьба</i>	<i>терпенье</i>	<i>рука</i>
<i>(пристань)</i>	<i>жизнь</i>	<i>юность</i>	<i>взор</i>
	<i>разлука</i>	<i>воспоминанье</i>	
	<i>час</i>	<i>душа</i>	
	<i>дни</i>	<i>сила</i>	
		<i>гордость</i>	
		<i>упованье</i>	
		<i>отвага</i>	

Первый столбец – явления природы; все эти слова употреблены в переносном значении, метафорически, мы понимаем, что это не метеорологическая буря, а буря жизни. **Второй столбец** – отвлеченные понятия внешнего мира, по большей части враждебные: даже жизнь здесь – «буря жизни», а час – «грозный час». **Третий столбец** – отвлеченные понятия внутреннего мира, душевного, все они окрашены положительно (даже «к судьбе презренье»). И **четвертый столбец** – внешность человека, он самый скудный: только рука, взор и весьма расплывчатый ангел. Что из этого видно? Во-первых, основной конфликт стихотворения: мятежные внешние силы и противостоящая им спокойная внутренняя твердость. Это не так тривиально, как кажется: ведь в очень многих стихах романтической эпохи (например, у Лермонтова) «мятежные силы» – это силы не внешние, а внутренние, бушующие в душе; у Пушкина здесь – не так, в душе его спокойствие и твердость. Во-вторых, выражается этот конфликт больше отвлеченными понятиями, чем конкретными образами: с одной стороны – рок, беда и т. д., с другой – презренье, непреклонность и т. д. Природа в художественном мире этого стихотворения присутствует лишь метафорически, а быт отсутствует совсем («пристань», и в прозаическом-то языке почти всегда метафорическая, конечно, не в счет); это тоже нетривиально. Наконец, в третьих, душевный мир человека представлен тоже одномерно: только черты воли, лишь подразумеваются эмоции и совсем отсутствует интеллект. Художественный мир, в котором нет природы, быта, интеллекта, – это, конечно, не тот же самый мир, который окружает нас в жизни. Для филолога это напоминание о том, что нужно уметь при чтении замечать не только то, что есть в тексте, но и то, чего нет в тексте.

Посмотрим теперь, какими **прилагательными** подчеркнуты эти существительные, какие качества и отношения выделены в этом художественном мире:

завистливый рок, **гордая** юность, **неизбежный грозный** час, **последний** раз, **кроткий, безмятежный** ангел, **нежный** взор, **юные** дни.

Мы видим ту же тенденцию: ни одного прилагательного внешней характеристики, все дают или внутреннюю характеристику (иногда даже словами, производными от уже употребленных существительных: «гордая», «бурная», «юные»), или оценку («неизбежный грозный час»).

И, наконец, **глаголы** со своими причастиями и деепричастиями:

глаголы состояния – *утомленный, спасенный, жду, предчувствуя, опечалься;*

глаголы действия – *собрались, угрожает, сохраняю, заменит, понесу, найду, хочу, сжать, молви, подыми, опусти.*

Глаголов действия, казалось бы, и больше, чем глаголов состояния, но действенность их ослаблена тем, что почти все они даны в будущем времени или в повелительном наклонении как нечто еще не реализованное («понесу», «найду», «молви» и т. д.), тогда как глаголы состояния – в прошедшем и настоящем времени как реальность («утомленный», «жду», «предчувствуя»). Мы видим: художественный мир стихотворения статичен, внешне выраженных действий в нем почти нет, и на этом фоне резко вырисовываются только два глагола внешнего действия: «подыми иль опусти». Все это, понятным образом, работает на основную тему стихотворения: изображение напряженности перед опасностью.

Таков вырисовывающийся перед нами художественный

мир стихотворения Пушкина. Чтобы он приобрел окончательные очертания, нужно посмотреть в заключение на три самые общие его характеристики: как выражены в нем пространство, время и точка авторского (и читательского) зрения? Точка авторского зрения уже достаточно ясна из всего сказанного: она не объективна, а субъективна, мир представлен не внешним, а внутренне пережитым.

А пространство и время – что из них выражено в пушкинском «Предчувствии» более ярко? У нас уже накоплено достаточно наблюдений, чтобы предсказать: по-видимому, следует ожидать, что пространство здесь выражено слабей, потому что пространство – вещь наглядная, а к наглядности Пушкин здесь не стремится; время же выражено сильнее, потому что время включено в понятие ожидания, а ожидание опасно – это и есть главная тема стихотворения. И действительно, на протяжении первых двух строф мы находим единственное пространственное указание: «снова тучи надо мною», и лишь в третьей строфе в этом беспространственном мире распахивается только одно измерение – высота: «взор свой нежный подыми иль опусти», – как бы измеряя высоту. Вширь же никакой протяженности этот мир не имеет.

Время, наоборот, представлено в «Предчувствии» со все нарастающей тонкостью и подробностью. В первой строфе противопоставлены друг другу прошлое и будущее: с одной стороны, «тучи собрались» – прошлое, с другой – будущее, «сохраню ль к судьбе презренье, понесу ль навстречу ей непреклонность и терпенье...?»; и между этими двумя крайностями теряется настоящее как следствие из прошлого, «рок... угрожает снова мне». Во второй строфе автор сосредоточивается именно на этом промежутке между прошлым и будущим, на настоящем: «бури жду», «сжать твою... руку я спешу»; и лишь для оттенения того, куда направлен взгляд из настоящего, здесь присутствует и будущее: «может... пристань я найду». И наконец, в третьей строфе автор сосредоточивается на предельно малом промежутке – между настоящим и будущим. Казалось бы, такого глагольного времени нет, но есть наклонение – повелительное, которое именно и связывает настоящее с будущим, намерение с исполнением: «тихо молви мне», «опечалься», «взор свой... подыми иль опусти». И при этом опять-таки для направления взгляда продолжает присутствовать будущее: «твое воспоминанье заменит душе моей...». Таким образом, будущее присутствует в каждой строфе как сквозная тема тревоги автора, а сопоставленное с ним время все более приближается к нему: сперва это прошедшее, потом – настоящее и наконец – императив, рубеж между настоящим и будущим.

Не нужно думать, будто филолог умеет видеть и чувствовать в стихотворении что-то такое, что недоступно простому читателю. Он видит и чувствует то же самое – только он отдает себе отчет в том, почему он это видит, какие слова стихотворного текста вызывают у него в воображении эти образы и чувства, какие обороты и созвучия их подчеркивают и оттеняют.

Неужели поэт сознательно производит всю эту кропотливую работу, подбирает существительные и прилагательные, обдумывает глагольные времена? Конечно, нет. Если бы это было так, не нужна была бы наука филология: обо всем можно было бы спросить прямо у автора и получить точный ответ. Большая часть работы поэта происходит не в сознании, а в подсознании; в светлое поле сознания ее выводит филолог.

Людам земли за Ононом —
истока Великой степи,
жившим в прошлом и живущим
ныне, посвящается...

Превращения духа

История — это вечное движение действительности, которая всегда преходяща, во всем субъективна, а потому — мнима. Но, став историей, эта мнимость становится реальностью, ибо только временное расстояние, также как и пространственное, позволяет увидеть живое движение прошедшей яви. От величины события или личности будет зависеть и расстояние, с которого возможно их увидеть или же не заметить вовсе.

Но мы, с расстояния своего времени, попытаемся рассмотреть не просто kaleidoscope движений событий и явлений, народов и личностей земли за великим Ононом, но — историю превращений их духа. Наверное, никогда не раскрывать причины возникновения корней, но увидеть и ощутить, как растет, крепчает и созидает, а потом недомогает, слабеет и умирает дух не только можно, но и нужно живущим. Ведь во тьме исторической почвы корни живут всегда и ждут только случая, чтобы прорасти и обрести новый дух, который в свое время увидит и оценит нашу мнимую действительность, субъективных во всем людей в обнаженной реальности.

Отсюда начинается Великая степь, которая тянется, расширяясь и сужаясь, до Каспия и Причерноморья. Именно с этого места, с берегов Онона и степи, где встречались и воевали друг с другом народы древнего Востока, начались движения, которые вольно или невольно обусловили развитие цивилизаций I-го и II-го тысячелетий истории человечества: хунну и монголов. Хочет или не хочет этого современный человек, но история именно такова. Есть в этом какая-то непостижимая уникальность, отличающая наш район от всех других мест на планете! Но, живя в работах и заботах, горе и радости своей современности, у начала Великой степи и берегов Онона, в те времена люди вряд ли задумывались о таких глобальных событиях, которые породил их дух, рожденный степью, природными и климатическими условиями и, наверное, еще чем-то космическим, что за пределами человеческого сознания. Ведь и мы в суете своей современности тоже не думаем об этом...

Прошлое рядом, всегда живо и часто соприкасается с преходящей действительностью у границ цивилизаций и стран, где смешиваются народы и культуры, где зарождаются новые сообщества людей, прошедших извилистый путь от противостояния до согласия и кровного родства. Наша приграничная степь и берега Онона именно такое место, наши люди — именно такое сообщество.

В I тысячелетии гонимый собратьями дух наших предков — хунну устремился с берегов Онона и степи на Урал и, обуйав многие племена, ставших гуннами, вызвал Великое переселение народов. И назван он был ими «бичом божьим». Завоевывав народы и пространства, гунны дошли до Галлии, но были разбиты римлянами, вестготами и франками. Дух гуннов не вернулся на свою прародину — к началам Великой степи и берегам Онона. Погибший на полях сражений

Виктор Балдоржиев

Корни и дух: рождение и смерть

Главы из рукописи книги «Земля за Ононом»

от дротиков и мечей гепидов и германцев, он в них и ожил, а они, в конце концов, и сокрушили могучую Римскую империю — владычицу тогдашнего мира.

Во II тысячелетии земля и небо породили могучий дух монгольских племен, который, вырвавшись из начала Великой степи и берегов Онона, три столетия неистовствовал по просторам Азии и Европы, создав невиданную и неслыханную по размерам империю, непревзойденную и до наших дней. Погубив и смешав роды и племена, зародив новые народы и страны, не уразумел дух того времени, что всякая инерция не только сильна, но и губительна. Сила связывает, а потому, слабая от собственных деяний и умирая на просторах успокоенных, но чуждых земель, этот дух стал прорастать мощными корнями в перемешанной и удобренной костями разных народов Московии, мучительно рождающейся из окровавленного и агонизирующего чрева Золотой Орды.

Так на Руси появился новый мощный дух, который защитил страну от извечной агрессии рационального Запада и двинул беспокойные ватаги отважных казаков на Юг, где шумело Дикое поле, на Восток — встречу солнца.

Именно этот дух, порождавший, смешивая, новых людей и вселявшийся в них более двух веков, всего за сто лет покорил огромные пространства и, дойдя до пределов Великой степи — за Онон, остался здесь, удерживая, расширяя и укрепляя рубежи новой страны — Российской империи. По большому счету здесь этот дух зародился, сюда он и вернулся, чтобы снова умереть или родиться в новом качестве.

Превращения этого духа: неоднократные рождения, обретения невероятной мощи, недомогания и умирания — это история исчезновения и зарождения многих народов и стран на огромных пространствах мира. Но удивительно то, что родину этого духа — начало Великой степи у берегов Онона эти превращения почти не затронули. Ни жестокие войны и революции, ни достижения науки и техники, ни привнесенные извне модели и структуры обустройства человеческой жизни — капитализм и коммунизм, которые исчезают на наших глазах, — ничто не смогло изменить нашу степь и Онон.

Вернувшись обратно с ватагами мужественных землепроходцев, обновив угасающий дух в местных племенах, переродившись в процессе объединения русских и жителей истоков Великой степи, берегов забайкальских рек и тайги, перерожденный дух еще долго жил в обновленном человеке старой и новой окраины России, пока не пришло и его время умирать. Ибо дух живет только созиданием. В алчном обывателе, жалкая энергия которого уходит только на удовлетворение собственных телесных потребностей, дух умирает, ибо нет неутраченного беспокойства, боли и радости, симпатий и антипатий, великих целей и стремлений к идеалу, красоте, жертвенности, объединяющих людей. Ведь для достижения этих целей и рожден человек. Иначе для чего же он живет? Мы не можем сказать, каким будет следующее рождение духа. Но оно обязательно будет, ибо корни его живут в любой почве, в любом человеке и ждут только случая. Большие явления имеют свойство повторяться, качественно улучшаясь, там, где они и происходили.

Так какими же были превращения исчезающего духа начала Великой степи и берегов Онона? Что мы видим с отметки нашего времени?

Метаморфозы фактов

По всему побережью Онона и в степи покоятся в белеющих, среди зеленых трав, ковылях плиточные могильники грозных и древних народов. Это реальные и видимые факты. Сяньби, дун-ху, хунну и многие другие, населявшие когда-то нашу степь, были предками живущих ныне. Не признание этого означает и отрицание собственного бытия.

Это случилось здесь, где, как и две тысячи лет назад, растут ургуй, сарана и ковыль, где стоят наши села, а над ними величаво плывут в синем небе белые облака: однажды хуннский царевич Модэ приказал своим воинам стрелять только в том направлении, куда будет стрелять он сам. И пустил острую стрелу в любимого коня, многие не осмелились сделать этого. Им отрубили головы. Потом Модэ выстрелил в любимого сокола, тем, кто не посмел стрелять, отрубили головы. И в любимую жену Модэ послал стрелу, и снова не решившимся на такую жестокость отрубили головы. Но их было уже намного меньше. На охоте Модэ увидел своего отца, царя хунну, и, взглянув на воинов, выстрелил в него. Теперь уже выстрелили все. Так Модэ добился повиновения воинов и в 209 году до нашей эры стал царем. Какое было время, такими были и нравы, но таковы же и метаморфозы фактов.

Племя дун-ху, бравшее в то время дань с хунну, потребовало лучших коней. Многие хунну запротестовали, Модэ отрубил им головы и отдал коней. Затем дун-ху пожелали лучших женщин и даже жену царя. Некоторые из хунну были против, но Модэ обезглавив их, отдал и женщин, жену – тоже. Пришло время, дун-ху возжелали кусок земли, где никто и не жил. Такую землю надо отдать, ведь она не нужна нам, заволновались и советовали царю мудрые хуннские мужи. Но Модэ сказал, что любая земля – основание государства и духа. И, отрубив советчикам головы, двинулся с теперь уже абсолютным верным ему войском на дун-ху. Победив их, повернул на Китай, хотя их было всего 300 тысяч, а китайцев в то время – 50 миллионов. Хунну вступили с ними в бесстрашную схватку, ибо таков был их дух. Последствий своего решения Модэ не предвидел, так как они устремлялись вглубь веков и определяли обустройство всего мира. Как это можно предвидеть?

Умер жестокий и мудрый Модэ, противостояние с Китаем длилось более ста лет. В 93 году Великую степь поразила засуха, хуннская держава разваливалась от войн и падежа скота. Обезвоженная и раскаленная степь расширялась, вытесняя за свои пределы все живое, люди стали искать более влажные и спокойные просторы. Одно ответвление хунну в 50-ых годах 2 века вышло к берегам Волги. Все их женщины умерли в пути, остались только самые сильные и закаленные мужчины. Они сохранили дух, смешались с местными племенами, взяли оттуда жен, стали еще сильнее. Так появились гунны, ставшие для тогдашнего мира «божьим бичом». Мир того времени стал после них другим. Но разве думали они об этом? Онон и Великая степь помнят, что они ушли отсюда. Когда степь сотрясает табуны, мчащийся по зеленому и бело-рыжим травам, кажется, что еще не выветрился запах их пота.

Таково здесь дыхание истории...

Это случилось здесь, где, как и тысяча лет назад, растут синий ургуй, красная сарана и белая ковыль, в долине Онона цветет душисто черемуха, где выживают наши села, а над ними плывут в лазурном небе белые облака: в местности Дэлиун-Болдог на берегу Онона в 1162 году родился мальчик, сжимая в правой руке запекшейся сгусток крови, отец его назвал Темучжином. Впоследствии он стал великим Чингисханом. Этот факт, живущий в сердце каждого степняка, подтвержден в «Сокровенном сказании монголов», персид-

ским ученым Рашид ад-дином, историком Львом Гумилевым и современными научными поисками. Место это находится в пяти-шести километрах от села Нижний Цасучей, центра современного Ононского района. 7 апреля 1958 года китайское агентство «Синьхуа» сообщило, что советские ученые во главе с членом-корреспондентом Академии наук Киселевым нашли место рождения Чингисхана. **«Местечко Дэлиун, – сообщало агентство «Синьхуа» и газета «Вен Хой боу», – находится на берегу реки Онон в шести километрах от Центрального района. Как только приехали на то место, поисковая группа выяснила, что слово «болдог» означает бугор, холмик...»** Сообщалось также, что есть на берегу Онона гора Багатур, известная нам как Батор, и чаша Чингисхана. И это реальные и неоспоримые факты. Но современные исследователи Монголии и Китая стараются тщательно обходить российскую часть Онона, забывая о том, что пространства в древности не были разделены современными границами.

Мы должны знать, помнить и говорить миру, что вся долина Онона и степь, многие места и их названия – величайшие исторические памятники, где истоки духа многих народов, живущих все еще здесь, а также далеко от прародины зарождения собственного духа.

Какие события произошли после рождения Темучжина на берегу Онона, «в шести километрах от Центрального района», его биография и жизнь, могучий дух, который вселился во всех монголов того времени, известно всему миру. Гениальный поэт Николай Заболоцкий, переложивший «Слово о полку Игореве», писал о наших предках:

**В родных краях, где по излучкам
Текут Онон и Керулен,
Он бродит с палицей и луком,
В цветах и травах до колен.**

**Но лишь заслышит голос меди –
Пригнувшись к гриве скакуна,
Летит он к счастью и победе,
И чашу битвы пьет до дна.**

**Глядишь – и Русь пошадя просит,
Глядишь – и Венгрия горит,
Китай шелка ему подносит,
Париж баллады говорит.**

**И даже вымершие гунны
Из погребенья своего,
Как закатившиеся луны,
С испугом смотрят на него!**

В этих строках история духа, зародившегося во II тысячелетии в истоках Великой степи на берегах исторического Онона. Мир после монголов стал совершенно другим. Но разве знали об этом простой монгол Мухули или Субедэй, которые искали пастбища и добычу, а между тем их поступки послужили началом объединения Китая и Руси? Но таковы метаморфозы бытовых фактов, которые случались в дни XIII века, когда они были такой же современностью, как и наша.

Въезжая в Цасучейский бор и вдыхая аромат хвои, бродя по ковыльной степи, вглядываясь в дали, где подрагивают в мареве синие горы, стоя на берегу Онона или Торейских озер, мы чувствуем, как незримый дух древних монголов витает над нами. Потому мы, жители степи и Онона, лучше, чем кто бы ни был, ощущаем и видим живую историю, ведь в дыхании знойных или в завывании метельных ветров мы слышим голоса наших предков, которые пытаются заглушить слуги разных идеологов, прячущие от жи-

вущих историю за обывательской плесенью и паутиной. Так они оберегают политическую приверженность своих хозяев, кормящих их со своих вороватых и нечистых рук, преследуя собственные цели. Но прошлое от слов и дел современников не меняется, а современники уходят в прошлое.

У каждого человека и даже народа есть свои симпатии и антипатии, которые, в общем-то, и решают его судьбу в пространстве и во времени. Но для кого-то сегодняшние пристрастия, дающие сиюминутные блага, могут обернуться забвением навеки и наоборот. Таких фактов в истории множество. Пусть политические пристрастия нас не волнуют, ведь нам важно увидеть движение прошедшей действительности и превращения духа.

Это случилось в 1249 году: папа римский Иннокентий IV отправил Александру Невскому посольство с предложением принять католичество, якобы в обмен на помощь в борьбе с монголами. Князь категорически отказался. Он только прибыл из ставки Орды, где пробыл 3 года. В течение почти двадцати лет Александр Невский ездил к золотоордынским ханам, дружил с ними. Давая несокрушимый отпор западным завоевателям, он заложил добрые отношения с народами востока и Золотой Ордой. Что же могло случиться, если бы он согласился с предложением римского папы? Но он не согласился, в результате этого появилась великая Россия, от истоков Великой степи, где князь бывал неоднократно, до Прибалтики, где он громил немецких крестоносцев. То, что аукнется во мгле веков, откликнется сегодня...

Это случилось далеко отсюда, но навеки связано не только с историей всей России, но и духа Великой степи и Онона: 8 сентября 1380 года на реке Непрядве, впадающей в Дон сошлись два огромных войска — московского князя Дмитрия Донского и монголо-татарского хана Мамаю. У Руси всегда было больше симпатий к Востоку и неприятие Запада. Ведь и Александр Невский стал приемным сыном хана Батые и братом его сына Сартака, которые мощно поддерживали его в борьбе с немцами и шведами. На этот раз союзником Дмитрия Донского выступил хан Тохтамыш, Мамай — литовский князь Ягайло, генуэзская пехота и другие иноземные полки, мобилизованные на генуэзские же деньги, а также рязанский князь Олег Иванович. У Дмитрия Донского и его союзников было 150 тысяч воинов, у Мамай — столько же. На поле боя остались убитыми и ранеными 120 тысяч воинов Руси и их союзников, но победа была одержана. По сути, это была победа нового Востока. Вот окончание прекрасного стихотворения современного поэта Сергея Гонцова, показывающего возмужание русского духа, вместе с тем и симпатию ко всем народам, а в этом случае своим противникам:

**Что за вечный народ? Да откуда они, наконец!
Вольно княжить над нами, но меч мой хорош для размаха,
И простит меня Бог, ни один не ушел удалец
От руки моей легкой и воли, не знающей страха!**

**И простит меня Бог, что я крестик ношу золотой
Не из веры своей. Как слова мои дерзки и грубы!
Я неверьем палим, но тревожной спасен красотой,
То боярыни дар, темноликой московской голубы.**

**Веет с юга, собратья! Простор помолвился за нас!
Ни Бориса, ни Глеба не ждите с высококого неба.
Меч мой светлый рассек перевитый забвением час —
Ради черного стяга и черного божьего хлеба!**

**За последней дорогой победная скорбь глубока.
Тяжела голова удалая без крепкого тела.
Как слетела легко! Чем же сила моя велика?
«Я не знаю, кто ты!» — Беспокойная смерть просвистела.**

Здесь совершенно непредвзятое, человеческое отношение русского поэта, не зараженного никакой идеологией, к историческим событиям и людям.

Так Московская Русь проявила окрепший и возмужавший дух, который через два с лишним века после великой битвы двинулся на Восток и обогатил угасающий дух жителей истоков Великой степи и берегов Онона, имевших разные названия родов и племен, в очередной раз гонимых своими же братьями — монгольскими племенами и маньчжурами. И позже у пришедших на берега Онона смуглых русских казаков был такой же дух поиска и созидания, который создал и укрепил Забайкалье в его сегодняшних границах.

Именно приход русских объединил разные племена в один — бурятский, а затем и в забайкальский. Это факт. Разве думал пятидесятилетний сотник Петр Бекетов, сидя в съезжей избе Енисейска и размышляя о своих долгах и неудачах, что выслушивающий Василия Колесникова воевода Афанасий Пашков прикажет ему собирать людей для похода в Даурские земли? Колесников говорил о неведомой земле за Байкалом. Значит, надо туда идти, строить остроги и собирать ясак с местных жителей. И Бекетов восторженно от такой удачи: значит, можно поправить дела. В результате — получились мы и наше Забайкалье. А не зайдя он случайно в избу? Велики метаморфозы фактов.

Прошло время, и все мы стали забайкальцами. Каким был дух наших недавних предков. Вот несколько дореволюционных документов.

«Небольшого роста, с загорелыми лицами, в проплетенных рубашках и в простых ичигах вместо сапог, забайкальцы далеко не походили на воинов и, наверное, подверглись бы осуждению какого-нибудь «героя» Красносельского или Тельпеловского плаца под Берлином. Но этот забайкалец хорошо владеет своей винтовкой, шутя проходит сорок верст в один переход и спокойно, уверенно атакует врага. Забайкалец — чудный материал, которым только надо уметь пользоваться». Так вспоминал о своих бойцах генерал-майор Орлов в начале XX века.

Многие роды и племена Забайкалья исчезли, растворились в крупных народах, обогатив их кровь мужеством и отвагой, честью и совестью. Что из этого получилось? Вот что писал о штыковом прорыве наших земляков, сибиряков, из японского окружения фронтовой корреспондент Краснов в 1905 году, окруженные врагами, они выстроились, как для парада, и пошли, примкнув штыки, на прямой прорыв, падая под пулями и снарядами: **«Потрясенные небывалым мужеством русских солдат, японцы, обессиленные тяжелым боем, остановились на занятых позициях и наблюдали, как уходили русские. Один японский офицер стоял впереди своих солдат, приложив руку к головному убору, а солдаты кричали не то «ура», не то «банзай».** О таком духе своих прямых родственников нельзя читать без слез.

Это случилось в далеком Петрограде: бушевала весна 1917 года, в комитет по образованию добровольческой армии неожиданно вошел решительный казачий есаул и предложил полковнику Муравьеву неожиданный план спасения гибнущей России. Есаул сказал, что надо: **«ротой юнкеров занять здание Таврического Дворца, арестовать весь «совдеп» и немедленно судить всех его членов военно-полевым судом, как агентов вражеской страны...»** А затем расстрелять все руководство очага заражения. Но изумленные и «культурные» генералы и полковники не согласились с есаулом и решили подождать. Осуществив этот план и, кто знает, Россия миновала бы революцию и последующие за ней ужасы, которые делятся до сего дня.

Решительный и скуластый есаул отправился в родное Забайкалье, чтобы создать монголо-бурятский полк для спасения Отечества. Позже он записал: **«26-го июля с сибирским экспрессом я покинул Петроград, направляясь через**

Вологду, Екатеринбург и Иркутск в Забайкалье. Впервые, после трехлетнего пребывания на фронте, я увидел родную Сибирь. Несмотря на войну и последовавшую революцию, кругом мало что изменилось. Экономическое состояние Сибири и ее обитателей внешне не отражало той разрухи, которая уже наступила в стране. Станции были так же, как и в довоенное время запружены лотками с жареными гусями, утками, поросятами и пр. предметами разнообразной деревенской кулинарии. Все было баснословно дешево; например, стоимость целого жареного поросенка не превышала 50 копеек, утка стоила 30 копеек и т. д. Это наглядно свидетельствовало о хозяйственно-экономической мощи страны, даже по истечении трех лет тяжелого военного напряжения». Он ехал в поезде и размышлял, что одной ротой юнкеров или казачьей сотней, можно было предотвратить падение устоев государства. Жаль! Эх, демократия...

Этим есаулом был наш земляк, родственник, будущий атаман, генерал-лейтенант Григорий Михайлович Семенов из казачьего поселка Куранжа Дурулгуевской станицы. Только человек, обладающий смелым духом, рожденный в степи или на берегах Онона, мог предложить самые решительные действия бездарным либералам и демократам, которые всегда губят и раздирают страну на части. Он писал, что его монгольский титул Эрдэни, то есть Мудрый. В нем был жив дух великих богатырей степи и России. Он никогда не верил Западу и позже напоминал об этом адмиралу А. В. Колчаку, который не верил Востоку, но предан был Западом. Ощущения духа атамана были верными и даже пророческими.

Но этот же мужественный и наивный дух забайкальцев, зараженный подстрекателями, потерял свое единство в революцию и гражданскую войну.

По большому счету победа любой политики и любого политика означает, прежде всего, гибель эволюции, ибо разрывается связь времен, поколений, традиций и обычаев. Сказано в святых писаниях – мудрость мира есть безумие перед Богом. Носители безумных идей, одержимые властью, навязывая людям нечеловеческие мысли, преследуют только одну цель – обустроить общество по типу послушной машины, которой будут управлять они сами, тем самым методично убивая в человеке творческий дух, основу основ его существования на Земле. С гибелью духа человека распадается и государство. Но всегда остаются корни, из которых потом прорастает новый дух. Еще слабый, он мучительно долго ищет свои истоки, чтобы обрести силы и выжить.

Ононское казачество – слава и честь Российской империи в большинстве своем исчезло. Расстреляно, сослано, рассеяно или же покинуло пределы истоков Великой степи и берегов Онона. Русский поэт Белой армии Арсений Несмелов очень точно отразил состояние ононского казачества в годы гражданской войны:

Ловкий ты и хитрый ты,
Остроглазый черт,
Архалук твой вытертый
О коня истерт.

На плечах от споротых
Полосы погон.
Не осилил спора ты
Лишь на перегон.

И дичал все более,
И несли враги
До степей Монголии,
До слепой Урги.

Гор песчаных рыжики,
Зноя каминок.
О колено ижевский
Поломал клинок.

Но его не выбили
Из беспутных рук.
По дорогам гибели
Мы гуляли, друг.

Раскаленный добела
Отзвенел песок,
Видно, время пробило
Раздробить висок.

Вольный ветер клонится
Замести тропу...
Отгуляла конница
В золотом степу!

Оставшаяся половина этого раздвоенного духа – советские пролетарии Великой степи и берегов Онона, наши недавние предки, вместе со всей Россией каторжным трудом строили могучее тоталитарное государство, насмерть защищали Отчизну в небывалой войне. Сегодня они, брошенные новой Россией, принадлежащей безродным и бездушным олигархам и бюрократам, выпали из пространства, времени и государственности, без которой немислима жизнь.

В каких корнях и когда возродится новый дух, который родился на берегах Онона и отправился неистовствовать по просторам Азии и Европы? Много раз переродившись и облагородившись, он вернулся обратно совершенно другим и в начале XXI века умирает, ибо не в ком стало жить, чтобы стремиться к совершенству и жертвенности во имя ближнего и Родины...

Более ста лет назад о забайкальцах писали: **«Можно надеяться, что с такими запасами естественных богатств потомство нынешних ссыльных и разнородные кочевые племена, слившись в одно поколение с русскими, образуют впоследствии великую массу населения богатого, сильного и цветущего».** Случилось первое – мы, жители восточной окраины России, слились в одну общность. Но мы – не богатые, не сильные и не цветущие. Будем ли когда-нибудь такими? Коммунизм рухнул, вырождается на наших глазах и капитализм. Две модели, навязанные России и многим странам, рациональным Западом не выжили, ибо всякая машина бездушна, а человек – не деталь и не винтик. Любая бездушная система нежизнеспособна. Каким будет путь людей в новом веке? Чей дух возродится первым и окажется даже не сильнее других, но человечнее? **Явления имеют свойство повторяться: у нас есть веские основания для того, чтобы надеяться и возрождать собственный дух. Впереди – долгий путь и много работы, ибо современная политика стала фарсом и не страшна.**

Народам России всегда был присущ дух государственно-сти. На этом и держались царская и советская империи. Во имя сохранения Отечества и государства наши народы прощали властителям любые прегрешения и тиранию. Сегодня картина такова: еще дымятся воронки, но поле свободно для работы творческих сил. Вполне возможно, что из оставшихся корней на берегах Онона и в истоках Великой степи прорастет новый могучий дух. Ибо здесь за тысячелетия ничего еще не тронуто уходящими «цивилизациями» и гибнущими моделями обустройства человеческого бытия. Может быть, это снова окажется преимуществом, как и суровая наша Мать-Земля и наше Вечное Синее Небо, породившие в свое время всепобеждающий дух, претерпевший столько превращений?

Каковыми будут метаморфозы последующих фактов?

Николай Коняев

Санкт-Петербург

Прозе Николая Михайловича Коняева я поставила плюс. Есть в его романах «Пригород», «Заводское поле» аромат маленьких, невзрачных и в то же время убаюканных собственной самодостаточностью городков – спутников мегаполисов. Есть в них и живой человек, не надуманный и не трафаретный. И уже одно это побуждает к знакомству с писателем, чье перо водит не неодолимая сила тщеславия, а желание поделиться с другими тонкими и точными наблюдениями. Квартира, в которую меня пригласили, сразу дала четкий ответ: здесь живет литератор. Книжки, книги и ничего, кроме книг. В уголке жмется к книжным полкам кресло-качалка. Мерцает компьютер. На почти игрушечном диванчике – приветливый человек с бородой.

– Отец мой был педагогом, – говорит в начале беседы Николай Михайлович, – Он очень не очень хотел, чтобы кто-то из нас троих пошел по его стопам. Гораздо более привлекательной тогда рисовалась профессия инженера. Это была гарантия стабильности. А что касается филологии, то у отца имелись веские основания относиться к ней с осторожностью. Родной брат моей бабки, Иван Шергин, был довольно крупным журналистом, издавал в Петербурге журнал «Вестник Севера». Отличался непобедимым правдолюбием, за что сидел при царском режиме, при Временном правительстве, при Советской власти и в конце концов скончался на этапе к Соловкам. Поэтому на литературные поползновения отец смотрел строго.

– И все же не усмотрел...

– Да. Причем первая публикация состоялась, когда мне было четыре года. Исследователь русского фольклора Владимир Бахтин собирал сборник сказок Ленинградской области, и одну из них рассказала ему моя бабушка. Я ее тут же опроверг, предложив другой вариант. Так и остался в сборнике как «народный сказитель Николай Коняев, 4 года».

Я учился в нескольких технических вузах, но странным было бы избежать собственной судьбы. Так или иначе, но она привела меня в московский Литературный институт имени Горького, где я, пока не «удалили» на заочное отделение, учился в семинаре у Георгия Бакланова. Заканчивал институт уже у Николая Евдокимова.

– Для перевода была причина?

– Своего рода хулиганство. Я довольно-таки хорошо знал историю, читал Ключевского, других историков. В те годы разновидностей этого предмета было всего две: история КПСС и история СССР. И ту, и другую преподавал нам профессор Водолагин. Для меня сдача экзамена по истории КПСС с каждым днем становилась все более устрашающей, и, разумеется, я здорово обрадовался, когда альтернативой экзамену Водолагин объявил написание реферата по этому же предмету. Надо оговориться, что во время Великой Отечественной войны он был третьим секретарем Сталинградского обкома партии. Желая сделать приятное себе и ему, я взял тему «Роль местной коммунистической организации обкома КПСС в организации коренного перелома в ходе Великой Отечественной войны». Простудировал сборник воспоминаний «Битва на Волге» (одним из авторов там выступал и Водолагин), описал, как зимой, в тяжелых условиях рыли траншеи, окопы, и все бы было замечательно, если бы... не мое любопытство. Полистав монографию, я чуть дальше обнаружил воспоминания одного маршала, что командовал войсками, которые в 1942 году отступали по степи. Он писал, что на подходах к Сталин-

граду зияла голая земля, зацепиться было не за что. Те траншеи, что намечалось выкопать по плану наркомата, существовали лишь в виде намеченных колышков.

Прочитав это, я все-таки добавил к реферату, что, мол, об этих оборонительных сооружениях с глубокой благодарностью вспоминает такой-то Маршал Советского Союза. Для неспециалиста это прошло бы незаметно, но для Водолагина, очевидно, снятого с должности по этой причине, это было оплеухой. В общем, историю КПСС я сдавал двенадцать раз.

– Николай Михайлович, в прошлом году в серии «Жизнь замечательных людей» у вас вышла книга о поэте Николае Рубцове. Чем вызван ваш интерес к судьбе этого замечательного русского лирика?

По заметно оживившемуся облику собеседника я угадываю, что тема ему приятна. И не ошибаюсь.

– Рубцов – это постоянный лейтмотив моей жизни. Когда-то, в годы учебы в Литинституте, меня свел с одной актерской труппой Вадим Кожинов. Требовалось написать для них композицию по стихам Рубцова. Чтобы с чего-то начать, он дал мне сборник воспоминаний о поэте. Это была гигантская папка машинописного текста. Я ее читал в холодном общезжитии вечер, ночь, утро и... не мог оторваться. Ощущение появлялось такое, что читаю сам про себя. Не в том смысле, что у нас с Рубцовым одинаковая судьба, хотя мы очень близко родились: он на стыке Архангельской и Вологодской областей, я – на стыке Вологодской и Ленинградской, нет, я просто узнавал все: те овраги, речку, омут, в котором утонул его детдомовский друг. Через эти воспоминания я полюбил его стихи. Не скажу, что они гораздо лучше других, просто Николай Рубцов совершил полное попадание в мое сердце. Композиция тогда появилась на свет, ее даже поиграли, но какая-то недоговоренность не переставала тревожить. Я написал повесть «Путник на краю поля», она получила годовую премию журнала «Север» и Нордвестбанка. На нее поступило очень много откликов, отзывов, рецензий. С точки зрения писателя-беллетриста, могу сказать, что это подлинный успех. Книга состоялась, а тема... тема продолжала жить. И я написал книгу «Ангел Родины», о посмертной судьбе Рубцова. Ведь что любопытно, его творческое наследие – стихи, я считаю, шедевры русской лирики, ведут свое особое существование, а сама его жизнь – это отдельное произведение искусства. Не надо далеко ходить, вот близкий пример. Когда дописывал в Комарово, в Доме творчества, повесть «Путник на краю поля», со мною соседствовал поэт Глеб Яковлевич Горбовский. Он заканчивал сборник воспоминаний «Остывшие следы», читал корректуру. Помнится, я только что привез книгу Николая Рубцова, вышедшую в издательстве «Советская Россия», где впервые были помещены новые материалы. Дал прочесть Глебу Яковлевичу. Он нашел там письмо, ему адресованное, но неотправленное. От Рубцова. Горбовский двадцать лет до этого не пил, а тут пришел в такое сильное волнение, что не удержался. Это уже не мистика, а прямая реальность. Может, это объясняется тем, что Рубцов, как не один поэт ушедшего века, был наделен способностью к пророчеству. Он настолько точно представлял себе будущее, что его теперь можно по нему сверять. Это необыкновенное свойство больших поэтов – умение жить во всех временах и вне времени. Во многих его стихах постоянное со-

прикосновение времен, глаголы переходят из прошлого в будущее, в настоящее, возвращаются оттуда. Вот ведь как построена рубцовская поэзия?

**«В горнице моей светло,
Это от ночной звезды.
Матушка возьмет ведро,
Молча принесет воды...»**

Вы можете себе представить, чтобы от ночной звезды осветилась горница? Почему матушка среди ночи принесет воды? Нелепица? Но это Рубцов! Матушка умерла, когда ему было четыре года. Понятно, что это сновидение, какая-то тончайшая ирреальность и реальность одновременно. Свидание с матушкой, принесшей воды. Живой. Такая в этом пронзительная детская тоска!

**Красные цветы мои
В садике завяли все,
Лодка на речной мели
Скоро догнет совсем.
Дремлет на стене моей
Ивы кружевная тень,
Завтра у меня под ней
Будет хлопотливый день!
Буду поливать цветы,
Думать о своей судьбе,
Буду до ночной звезды
Лодку мастерить себе...**

Образы, которые необычайно тонки, переплавлены в его жизни и воспринимаются как его жизнь. Вообще поразительные вещи происходят, если говорить о неисчерпаемости жизни Рубцова. За последние десять лет, когда российская литература переживает не лучшие времена, он – самый издаваемый поэт! Ему поставлено четыре памятника, счет музеев Рубцова перевалил за сотню, десятки улиц названы его именем. Хотя его стихи – без красивых метафор, без вычурности, без поисковых метаний и без судорожности формы. Не надо задумываться и поражаться образу.

– Может, в этом разгадка?

– Наверное, в них есть «говорение» из души в душу. Без посредника. Это предельная высота в литературе. Мои книги о Рубцове – своего рода попытка оградить то светлое и чистое, что несет он нам. Не секрет ведь, что не утихает история, связанная с его гибелью. Николай Рубцов был убит женщиной, своей сожигательницей. Поэтессой. Это нужно воспринимать как трагедию, потому что другое определение подобрать трудно. Однако сейчас, к сожалению, стало модным возводить в достоинство то, что достоинством быть никак не может. Мне неприятно встречать то здесь, то там стихи, воспоминания, интервью с этой женщиной не как с поэтессой Д., а как с убийцей Рубцова. Если бы это была молоденькая литераторша (а они на многое способны в попытке привлечь к себе внимание), то ей было бы простительно некое литературное кокетство с призывами сблизиться с Люцифером, но это человек, прошедший через конкретное убийство. Какой-то абсолютный пик безнравственности.

– В финале романа «Заводское поле» ваш герой приходит к Богу...

– Я православный человек, и было бы абсолютно нелогично, если бы мой герой приходил к кому-то еще. В последнее время я пишу много книг о жизни святых, вот совсем недавно вышла повесть «Апостольский колокол» про игумена Валаамского монастыря Дамаскина. Подолгу работаю в архивах, и эти поиски оказывают неоценимую услугу: позволяют взглянуть на героев другими глазами. То есть не придерживаться обкатанной темы: родился святым, жил праведно, совершал только подвиги и умер с нимбом над головой. Нет, многим из этих людей приходилось соприкасаться с реальными проблемами, принимать решения, иногда правильные, иногда нет. Это преодоление трудностей и ценно для нас, потому что каждый находит в поступках такой неканони-

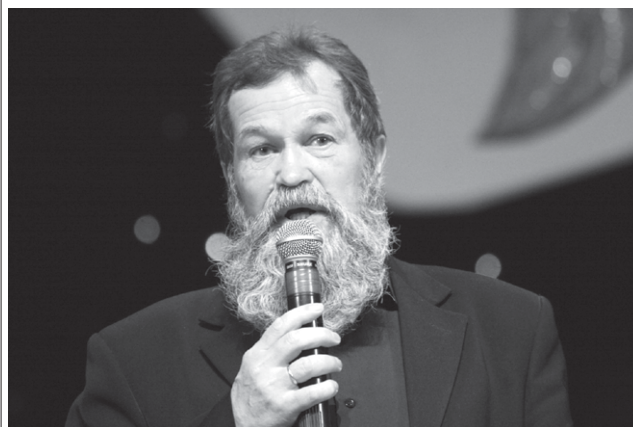
зированной личности ответ на свой вопрос. Мне кажется, жизнь святого, по-настоящему понятая, дает ясную картину того, как нам жить.

– Каково ваше отношение к нынешней литературе?

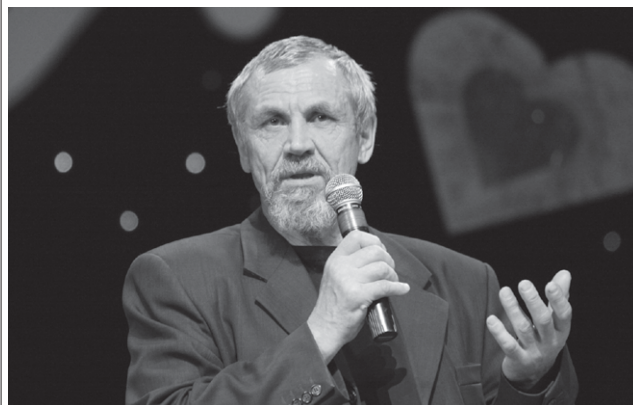
– В литературе, как в истории, нужна определенная культура, чтобы научиться отличать историческое исследование от политического памфлета. Нужно всматриваться в цель автора, которая всегда стоит за произведением. Если она способствует отторжению человека от идеалов, то, поверьте, ничего хорошего это не принесет. Грамотный читатель переплюется, а доверчивый воспримет как истину в последней инстанции и этим довершит недоброе дело разрушения собственной души.

Наталья Алексютина.

«Забайкальская осень-2006» на сцене Читинского Драматического театра:

Николай Коняев. г. Санкт-Петербург.

Василий Козлов. г. Иркутск.

Àèààè èð Ááðýçáá. ä í í âí ñéàéðñé.

Фото А. Гордеева.

легендарная земля хори-бурят

Магическое для слуха бурят название «Ная Нава» или «Наи Нава» (в транскрипции русского правописания), а в известной в 70-х годах прошедшего века песне Ч. Павлова «Песня о родной стороне — «Наян Нава», всегда вызывало интерес у людей (особенно у хори-бурят). В конце 2000 года известный бурятский писатель Ц. А. Жимбиев опубликовал в газете «Бурятия» (№ 243 от 26.12.2000 г.) статью «Наян Нава — песня тысячелетия», в которой справедливо указывает, что одним из следствий демократизации в стране стало снятие запрета-табу на тему о Наян Нава.

Действительно, этот вопрос странно замалчивался, хотя, казалось бы, для историков и не только для них, он должен представлять несомненный интерес. О причинах стремления ограничить прошлое бурятского народа строгими границами российского Прибайкалья остается только догадываться.

Суть вопроса такова. У хори-бурят существует очень старинная и широко известная песня «Ная Нава» или «Наи Нава», где есть слова:

Аян (хан) заяа заянай
Наи Нава минии лэ (миниеэ лэ гу)
Байдан, Байдан байдалай
Бада Его минии лэ (миниеэ лэ гу)

(возможны другие вариации, но сути они не меняют).

На вопрос — что означает содержание этой песни? — наши предки давали однозначное разъяснение о том, что в очень древние времена, наш народ проживал в очень далеком и прекрасном южном крае, которое называлось Ная Нава (Наи Нава), а песня родилась после того, как люди покинули родные места. Смысловой перевод этой, на первый взгляд, простой, но с философской сутью, наподобие японских четверостиший хокку, песни можно, по-моему, сделать примерно так:

Походная жизнь от судьбы
Наи Нава ты моя (моя ли?)
Байдан, байдан от жизненной ситуации
Бада Его ты моя (моя ли?)

Делать ссылки на разных исполнителей разных вариаций этой песни автор считает необязательным — исполнителей может быть множество, вариации по сути и содержанию практически не различаются, все они воспевают Ная Нава и Бада Его как свою родину.

Даже в далекой Баргузинской долине эта песня исполняется со словами — «Наелон Наволон миниеэлэн» и дается разъяснение, что эта песня о древней земле бурят, расположенной очень далеко, дальше Монголии, где мягкий климат, не требуется теплой одежды, люди часто питаются фруктами и другой растительной пищей.

(Записано со слов Евреевой Марии Цыбиковны, 1931 г. р., уроженки с. Угнасай Курумканского района Республики Бурятия, представительницы рода Галзут, в 2001 году).

Знаменитая песня с древних времен стала своего рода гимном хоринского народа, атрибутом национального самосознания, также как и красно-черно-зеленый триколор (снизу вверх) на нагруднике дэгэла — национального праздничного халата.

В репертуарах знаменитых певцов, народного артиста МНР, Героя Труда Монголии, лауреата государственной премии МНР Ц. Пурэвдоржа, народного артиста Монголии, лауреата государственной премии МНР Жаргалсайхана и народного артиста СССР, лауреата государственной премии Рос-

сии К. Базарсадаева, есть песня «Мартагшагуйб» («Не забываю») со словами:

Багахандаа хаража ябахан
Урданай убгэдые мартагшагуйб,
Багахандаа дуулажа ябахан
Наян(хан) Нава дуугаа мартагшагуйб.

В дословном переводе:

Всегда помню (не забываю) прежних стариков,
Которых знал в детстве.
Всегда помню (не забываю) песню Наян Нава,
Которую я пел в детстве.

А в репертуаре народной артистки КНР Анандын Ну-маа есть песня «Ная Нава» со словами:

Заянхан Нава менялэ гу?
Заяанаймнай нютаг гу?
Наян Нава менялэ гу?
Зааханамнай нютаг гу?
Байдан, байдан байдудай
Бада Его минулай
Багын минии нютаг гу?

(Записано в январе 2002 года в Улан-Удэ со слов самой Анандын Нумаа, 1940 г. р. из рода Хуасай).

В 1990-х годах был популярен вариант знаменитой песни, переработанный и исполняемый известными бурятскими эстрадными исполнителями Эрженей и Саяном Жамбаловыми. В настоящее время пользуется известностью народный вариант песни, исполняемый молодой певицей Бадмахандой Аюшевой.

Вообще, надо признать, что это уникальное явление — в течение многих столетий практически в каждой семье многочисленного и крупного хоринского племени знали и пели песню «Ная Нава» и рассказывали предания связанные с далекой родиной. Ведь ничего аналогичного этому нет ни у одной из других бурятских племен (цонголов, сартулов, хонгодоров, эхиритов, булагатов, ашебагатов и т. д.). Насколько известно, нет подобного и у других монгольских народов, кроме калмыков.

В народной памяти слова Ная Нава (Наян Нава) и Бада Его ассоциируются с названиями местностей. В связи с этим встает вопрос: а где расположен этот прекрасный и загадочный край, на многие века оставшийся в преданиях и песнях хоринского народа?

Ответить на этот вопрос и полагает возможным автор предлагаемой работы.

Эту тему изучали многие авторы из Монголии и КНР — Н. Ням-Осор, Б. Шагдаржав, профессор филолог из Внутренней Монголии Б. Дабаадагва... Их выводы разнятся — от утверждения, что под Наян Нава подразумевается родина Чингисхана в верховьях реки Онон (Б. Шагдаржав), — до таких умозаключений, что этот край, якобы, находится севернее китайского озера Кукунор (в холодной пустыне? — авт.) и что слово «Бада (Его)» произошло от названия реки Ба-стонг (Бадунг), а слово «Заян» от названия горы «Зари», слово «Ная(н)» от названия реки Найжи, а слово «Нава» от слова «Нуб» (Б. Дабаадагва). События при этом отодвигаются аж на 2 тысячи (!) лет назад.¹

Т. Галсан сделал вывод о возможности 7 различных вариантов разъяснения песни Наян Нава, в числе которых называет, что это:

а) песня-воспоминание о своей прекрасной стране, в которой в течение двух столетий жили хоринцы в период великих переселений;

б) песня о родине баргу-бурятов, находящейся на западе (буриад-монголчуудын угсаа-түүхийн зарим асуудал. Улан-Батар хот. 2000 он. Стр. 87).

Доктор исторических наук Ш. Б. Чимитдоржиев в своей книге «Хождение хори-бурят к Сагаан хану «Белому царю» (Улан-Удэ. 2001 г.) пишет о Наян-Нава следующее: «...легенда эта весьма популярна в народе, однако, она остается лишь на уровне легенд, не подкрепленная научными данными». (стр. 21)

В связи с вышеизложенным и, выдвигая свою версию о Наи Нава, автор делает попытку объяснить содержание и суть бурятских преданий в контексте и в согласии с логикой хода исторических событий в средние века, с использованием конкретных фактов, а также методов исторической и физической географии, строго руководствуясь фактологическими данными из преданий, т. е. народной памяти.

Известно, что хоринцы (хори) относятся к числу тех древних монгольских (протомонгольских) племен, которые сумели сохраниться как этническая группа (наподобие дурбэтов, тумэтов и т. д.) в отличие от многих других, ассимилировавшихся в других этносах (например, найманы, хонгираты и др. в состав казахов; барласы, хатаганы, джалаиры и др. в состав узбеков; бесуды в состав хазарейцев и т. д.), либо наоборот разветвлялись, образуя самостоятельные родо-племенные объединения.

На древность хоринского племени указывают известные исторические хроники, написанные еще в 13-14 веках при ханских дворцах чингисидов Ирана, Средней Азии и Монголии, подчеркивая, что «золотой род Темучжина (Чингисхана) является ответвлением от хори-туматского племени из местности Баргуджин-тукум, которая начиналась вниз по течению реки Селенги».²

Однако, примерно со времени образования монгольского государства Чингисхана, упоминания о хоринцах как об отдельной народности исчезают, также как и о многих других племенах. Источники и хроники пишут о монголах, о монгольском войске и военачальниках, о ханах и князьях. Отдельные племена как бы перестают функционировать в качестве самостоятельных субъектов монгольской истории. Произошло естественное изменение масштабов общественного интереса. Его планка поднялась на всемирный уровень, на решение проблем в пространстве от Тихого океана до Европы, от Средиземного моря до Индии и Вьетнама, где были известны монголы, а не отдельные племена.

И лишь после окончательного распада величайшей в истории империи и начала периода бесконечных междоусобных войн в самой обескровленной метрополии, на исторической арене как бы вновь появляются отдельные племена и племенные союзы, как следствие попыток родовитых царевичей опираться на них в своих взаимных противостояниях. Не было исключения в этом плане и относительно уже немногочисленное, но сохранившееся племя Хори.

Итак, что мы можем знать об этом сложном и, надо полагать, интересном периоде, который стал «белым пятном» бурятской истории, охватывающем 13-16 века? Вероятно, немного. Многое из прошлого монголов того времени легче проследить по имеющимся историческим хроникам других стран мира, таких как – Иран, Ирак, Турция, Афганистан, Узбекистан, Индия, Китай и т. д. В историографиях этих стран имеется значительная информация о «монгольском периоде» их истории. Однако, нужные нам сведения (написанные в основном по-персидски) разбросаны по многочисленным источникам по истории Ирана, Ирака, Афганистана, северо-западной Индии и т. д., и к тому же они полностью не собраны, не систематизированы, не изучены, сведения зачастую очень краткие и отрывочные.³

Живя в России, мы больше слышали о Золотой Орде, но недостаточно представляем, что наибольшая монгольская экспансия происходила именно в юго-западном направлении,⁴ где были наиболее богатые и культурные страны того времени, да и природно-климатические условия благоприятствовали круглогодичному пастбищному жизнеобеспечению как многочисленного конного войска с его скотоводческим тылом, так и для последовавших за ними многочисленных монгольских переселенцев. Определенную роль играла и поддержка монголов со стороны местных кочевых тюркских племен (туркменских, азербайджанских и др.)

Кочевые монгольские племена того времени, как известно, были организованы как полностью конные, вооруженные и мобильные сообщества, соответствующие понятию – народ-воин. Отсутствие необходимых транспортных коммуникаций в средние века, вынуждало правителей огромной империи для закрепления своих завоеваний переселять в далекие страны на поселение и колонизацию значительное количество монгольского населения, представленное теми или иными племенами.

Характерным примером такой стратегии (при длительной экспансии) может служить то, как полководец Тимура – Джангир, получивший в управление территорию от Кандагара до реки Инд, переселил туда многочисленные отряды своих воинов вместе с их семьями.⁵

Огромные масштабы переселения монголов на юго-запад подтверждает и то, что именно там навсегда осели и впоследствии, особенно начиная с 15-16 веков, ассимилировались в составе новообразовавшихся народов – узбеков, казахов, хазарейцев, таджиков, азербайджанцев, иранцев, а также туркмен, персов и других, такие крупные коренные монгольские племена как – керейты, хонгираты, джалаиры, аргуны, мангиты, хатаганы, бесуцы, тайчжиуты, сальжиуты и другие, перечисленные и в «Сокровенном сказании монголов», и в «Сборнике летописей» Рашид-ад-дина и сыгравшие важную роль в истории монгольского государства Чингисхана.⁶

Для нас, например, представляется особенно интересным то, что среди монгольских племен, позднее вошедших в состав узбекского народа, называются баргуты, а иногда и буряты.⁷ Как известно, баргуты фактически являются разновидностью хоринцев и состоят из тех же одиннадцати (хоринских) родов.

Также одним из ярких свидетельств крупномасштабности монгольской экспансии 13 века в Юго-Западную Азию является ныне проживающий в центральных, горных районах Афганистана и в Иране двухмиллионный народ хазарейцев, которые сами себя считают потомками монгольских военных поселенцев и которые сохранили предания об этом, а соседние народы (пуштуны – гильзаи и др.) как называли, так и называют до сих пор их «монголы».⁸

Западные исследователи (А. Берне, Г. Белью, Г. Вамберг, Б. Дорн и др.) считают, что только с 17 века можно говорить о хазарейском народе, а до этого они представляли те или иные монгольские орды, такие как Бесуд, Дайзанги и т. п.⁹ Тут нужно отметить, что большая часть хазарейских кланов или племен является в своей основе территориальными, а не кровнородственными, объединениями и потому нынешние свои названия они получили по именам своих предводителей – обычно прославленных военачальников.

В топонимике Хазараджата неоднократно встречаются такие названия как Ная, Нау, Бада, Хор. Вообще, по мнению всех исследователей, монгольский пласт в топонимах регионов довольно большой.

Дж. Даллинг утверждает, что и ныне монгольские элементы составляют заметную часть хазарейской лексики, а отдельные группы хазарейцев в силу различных причин сохранили монгольский язык, пользуются им в быту, дополнительно к языку фарси.¹⁰

Ряд исследователей (Г. Вамбери, Х. Шарман и др.) доказывают, что хазарейцы вплоть до 16 века были фактически язычниками.¹¹ О фактическом сохранении язычества у кочевых народов Средней Азии вплоть до 19 века писал Ч. Ч. Ва-

лиханов, исследовавший эволюцию Тянь-Шаньских киргизов в 1856 году.¹²

В связи с рассматриваемой темой можно упомянуть и о такой народности этого региона как моголы (40 тысяч человек), которые до настоящего времени остаются монголоязычными или о народе чаар-аймак (свыше 700 тысяч человек), проживающих на северо-западе Афганистана и в Хоросане (Иран), о существовавшей хоросан-монгольской цивилизации.

По хроникам персидского ученого Рашид-ад-дина известно, что коренной юрт или фамильные владения чингисидов по бассейнам рек Онон и Керулен (современное Забайкалье и Северо-Восточная Монголия) – гол ун улус (гол – ось, стержень, основа – авт.) был передан, согласно обычаям, младшему сыну Чингисхана – Толую.¹³ А сыновья Толую – Мунхэ хан и Хулагу в середине 13 века снарядили крупную военную экспедицию из 30 тысяч человек, под командованием последнего, для закрепления и колонизации завоеванных еще в 20-30-х годах Ирана, Багдада и Западной Азии.¹⁴ Войско, согласно «Ясе» Чингисхана состояло из подразделений, представляющих собой отдельные племена и роды.¹⁵ Потому представляется довольно очевидным, что оно должно было включить в себя племена нынешнего Забайкалья – владений Толую, а затем Хулагу, где и обитали хоринцы. Вообще это время в Центральной, Средней и Западной Азии характеризуется как эпоха великого переселения народов, а большинство монгольского населения в этот период передвинулось в южном и юго-западном направлениях, вслед за действующими армиями, ближе к ним, по причине необходимости тылового обеспечения длительной военной экспансии. Вспомним, что это был кочевой народ-воин.

Хулагу же на юго-западе создал «самовольно», в пику Джучидам из Золотой Орды, улус ильканов (улусных ханов) Хулагуидов (Хулаги́дов) (1256-1353), признанный Хубилай ханом только в 1261 году и охватывающий территории от реки Инд в Индии до Средиземного и Черного морей на западе, от Индийского океана на юге до Кавказского хребта и Аму-Дарьи на севере.

Греческое Трапезундское царство, Грузия, Киликия, султанат сельджукидов Рума и даже островное королевство Кипр стали вассалами Хулагуидов, платили дань и поставляли вспомогательные войска.¹⁶

Покорение моголами Юго-Западной Азии сопровождалось не только неизбежными опустошениями и разрушениями в ходе военных действий, но и нередко носило для части людей освободительный характер. Например, если в Багдаде Хулагу хан учинил всеобщую резню за сопротивление, исключив ущемленных в правах христиан и иудеев как своих потенциальных сторонников, то шиитское население Хиллы, наведя мост через реку Ефрат, вышло навстречу монгольскому войску и радовалось его приходу.¹⁷

Исторические хроники свидетельствуют также о больших созидательных усилиях монголов по обустройству своего государства. Они охотно брали на службу врачей, хирургов; ученых, которых использовали в строительстве, в финансовом ведомстве; историков, которые должны были восхвалять (праведные) деяния Чингисхана и его потомков. Например, Хулагу хан построил для крупнейшего математика и астронома Насир-ад-дин Туси большую обсерваторию в Мараге с библиотекой из 20 тысяч книг, в которой работали наряду с местными, индийские и китайские астрономы.

Великий ученый-летописец монгольской истории Рашид-ад-дин в Тебризе создал библиотеку в 60 тысяч книг, ряд медресе с 6-7 тысячами студентов и госпиталь, где работали 50 хирургов, окулистов и врачей других специальностей из Индии, Китая, Сирии и Египта. Этот летописец характеризует Халагу хана следующим образом: «Хан чрезвычайно любил благоустройство, из построек которые он возвел осталось много. В Аладаге он соорудил дворец...».¹⁸ «... он очень любил знания, поощрял ученых к спорам в науках, был весьма склонен к алхимии...».¹⁹

Монголы «... в 1294 году в г. Тебриз выпустили в обращение (впервые для страны – авт.) бумажные деньги и указ был таков, чтобы тотчас казнили каждого, кто не будет их принимать».²⁰

Примечательно, что именно в улусе Хулагуидов созданы величайшие труды по средневековой истории монголов и Монголии. Например, в 1260 году (!) Ата Малик Джувеини создал большой исторический труд «История миропокорителя» (Чингисхана), а вазир Рашид-ад-дин около 1310 года составил в сотрудничестве со знатоками языков и истории разных народов грандиозный труд «Сборник летописей». Первая ее часть, в трех томах, содержит историю монголов и созданных ими государств, в частности Хулагуидского, до смерти Газан-хана, сына Аргун-хана. Ценен исторический труд Вассафа (1328 г.). Возможно, многие вопросы прояснило бы нам целевое изучение написанных по-персидски трудов Х. Казвини – исторического (1330 г.) и географического (1340 г.), содержащих подробное описание государства Хулагуидов.

При монголах создавал свои всемирно известные произведения гениальный персидский поэт Муслих ад-дин Саади, написавший элегии на взятие Багдада Хулагу ханом.

После гибели в Гургане последнего ильхана Туга Тумур хана в 1353 году, империя Хулагуидов (Хулаги́дов) распалась на несколько самостоятельных государств во главе с потомками Чингисхана, важнейшим из которых было государство монгольской династии Джелаиридов, просуществовавший до 1410 года на западе Ирана и в Ираке, до захвата его Тимуром и Тимуридами.

Если первоначальной столицей улуса Хулагуидов был город Марага к юго-востоку от озера Урмия, а позже ими стали города Тебриз и Султания, то столицей Джелаиридов был город Багдад. Но ильханы и Джелаириды вели полукочевой образ жизни и в столицах пребывали только часть года, а остальное время проводили в кочевьях: летних – в горах, зимних – в степях.²¹

Здесь необходимо отметить два важных момента.

Во-первых, надо иметь в виду, что под общим названием «монголы» улуса Хулагуидов и последовавших за ним других монгольских династий подразумеваются и хоринцы т. е. предки нынешних хори-бурят. Во всех завоеванных странах представители разных монголоязычных племен были известны под общим названием – монголы, монгольское войско...

Во-вторых. Автор, кратко описывая в целом улус Хулагуидов, считает необходимым показать в общем контексте ход исторических событий и обстановку в регионе, в котором в 13-15 веках оказались и проживали хоринцы.

Монгольские кочевья на территории улуса Хулагуидов были расположены в самых разных его частях, но при этом занимали обязательно такое стратегическое положение, чтобы одновременно быть недалеко и от границы страны, и от крупных административных центров. Это вытекало из необходимости контролировать огромную страну с преобладающим инородным населением, которое периодически поднимало восстания, где нередко существовали повстанческие движения. Об этом можно сделать выводы из различных источников, в т. ч. и из работы Рашид-ад-дина. Например, когда он описывает ярлык (зарлик) Газан-хана от 1303 года о наделении землями икта всех без исключения монголов, несших военную службу от реки Амуе до Мисра,²² с правом наследования для потомков.

Из географических карт видно, что наиболее удобным районом для монгольских кочевий во всех отношениях (и по стратегическому положению, и по природно-климатическим условиям) была верхнемесопотамская провинция Наи Нава (Ная Нава) – предгорная возвышенность с хорошими и обширными пастбищами по берегам рек Тигр, Большой Заба и Малый Заба (в хоринских преданиях о Наи Нава иногда упоминается и Заян Заба).²³

Важность стратегического положения географической об-

ласти Наи Нава заключалась в том, что она находилась в уловом центре монгольского государства Хулагуидов, недалеко от всех вышеперечисленных ее столиц, на стыке между Ираном, Ираком арабским, Сирией, Румом (большая часть нынешней Турции), Арменией и Азербайджаном, т. е. разных частей, регионов единой тогда страны. Также здесь был передовой форпост экспансионистских устремлений Хулагуидов против Египетского султаната с Палестиной заключивших военных союз с Золотой Ордой против улуса Хулагуидов и Крестоносцев.

Одновременно с этим, природно-климатические условия Наи Нава (Ная-Нава) очень благоприятствовали для кочевого и полукочевого скотоводства. Поэтому, пришедшие сюда монголы, как известно из исторических хроник, начали заселение и обустройство запустевшей в результате военных действий, но благодатной области в Верхней Месопотамии. Хулагу хан назначал наместником в Месопотамии персидского историка Ала-ад-дина Джувейни²⁴ (не путать с Ата Малик Джувейни и Шанс-ад-дин Джувейни), который в течении 20 лет провел большие работы по орошению и обустройству Верхней Месопотамии, восстанавливал дамбы и каналы.

Говоря о Месопотамии, наверное, нельзя не отметить то, что это родина древнейших человеческих цивилизаций, где еще в четвертом тысячелетии до нашей эры Шумеры создали регулярную систему ирригации и города-государства, а во 2-м тысячелетии до нашей эры образовалось Вавилонское государство. В 1-ом тысячелетии до н. э. здесь было Ассирийское царство; во 2-ом веке до нашей эры образовалось Парфянское царство, население которого говорило на арамейском языке. С 3 по 7 век нашей эры здесь существовало государство Сасанидов; с 7 века Месопотамия входит в Арабский халифат; в 11 веке завоевана сельджуками. В 13-15 веках Месопотамия – под властью монголов,²⁵ в числе которых были предки хори-бурят.

Правители государства Хулагуидов, будучи все чингисидами, ведущими происхождение своего «золотого» рода от хори-туматов из Баргуджин тукума, как видно, не только поселили хоринцев на благодатных для полукочевого скотоводства землях Наи Нава, недалеко от своих столиц, но и проявили серьезную заботу о них, целенаправленно проводя огромные работы по орошению, обустройству и заселению края, опустевшего после военных действий.

Климат этой предгорной географической области субтропический сухой, с жарким летом (до +30 градусов С) и сравнительно теплой зимой (средняя температура января +7 градусов С), со среднегодовым количеством осадков в 400-600 мм., и входит в так называемую степную зону Плодородного полумесца. Здесь имеются значительные насаждения винограда, инжира, фиштакки; посадки плодовых культур – персика, абрикоса, сливы...

Как уже отмечалось, в летнюю жару монгольские кочевья уходили на горные пастбища. Весь север и восток области Наи Нава окаймляют сплошные горные области, где высоты достигают 3-4 тыс. метров над уровнем моря. Известно, что когда Месопотамия входила в состав монгольского государства Джелаиридов (1340-1410 гг), то зимней резиденцией ее правителей служил город Багдад,²⁶ а летом они уходили в монгольские кочевья – в горы. А горные работы могли быть только на севере или на востоке области Наи Нава (см. физическую карту).

Особенно важно то, что главное богатство полукочевого уклада жизни – скот, мог пастись на естественных пастбищах круглогодично, не боясь главного бича скотоводов дзута – холодных снежных зим, ведь кочевники не заготавливали на зиму сено. Овец там стригли два раза в год, весной и осенью. Шерсть, получаемая осенью, считалась лучшей по качеству.²⁷

Жизнь широких масс простого монгольского населения за столетия текла своим чередом. Несмотря на то, что с монгольского населения взимался Купчур (монг. – налог) – по 1

голове со 100 голов каждого вида скота и он был не тяжел, по сравнению с подушными податями – Джизйа с оседлых крестьян и горожан или Тамга (монг.) от ремесел и торговли, которые взимались деньгами и были очень тяжелыми для христиан, иудеев, зороастрийцев и мусульман, все же имели место случаи, когда обедневшие монголы участвовали в бунтах и прятались от властей в горных ущельях, лесах и степях.²⁸

Представляется небезынтересным то, что в улусе Хулагуидов первоначально (в 13 в.) покровительством монгольских правителей пользовались христианская (несторианская) и, особенно, буддийская религии. Рашид-ад-дин описывает факт торжественного поклонения Шакьямуни-бурхану монголов во главе с самим Аргун-ханом («Сборник летописей». Повествование об Аргун-хане. Стр. 120). Или же в повествовании о Гейхату хане (царствовал на ханском престоле с 1291 по 1295 гг.) Рашид-ад-дин пишет: «Гейхату-хан, сын Абага-хана, внук Хулагу-хана (мать Нукдан хатун из рода татар). В детстве его Бахши нарекли именем Иринчин-Дорджи».²⁹ Вероятно, эта тенденция была связана с известной попыткой Хубилай хана официально насадить буддизм в Монголии.

Принятие Газан-ханом (1295-1305) сыном Аргун хана, по совету Рашид-ад-дина, исламской веры, в форме шиизма, в целях укрепления власти и опоры на влиятельное мусульманское духовенство в связи с антимонгольскими восстаниями мусульманского большинства населения под религиозными знаменами, «встретило ожесточенное сопротивление монгольского населения»,³⁰ и поэтому традиционная монгольская веротерпимость сохранилась. Да и правление Газан-хана, как видим, продолжалось недолго, – менее десяти лет. Как пишет Л. Темирханов, «даже в наши дни (в 20 веке – Ц. Д.) хазарейцы (тоже бывшие монголы улуса Хулагуидов - Ц. Д.) хотя и называются мусульманами-шиитами, они почти не молятся и не имеют мечетей. В их среде бытуют многие доисламские пережитки, не совместимые с догмами ислама».³¹

Что касается хоринцев, то они за каких-нибудь 1,5-2 столетия с их развитым родоплеменным самосознанием, конечно, никак не могли забыть свой язык, культуру и традиции, тем более – они жили отдельно в своих кочевьях, не подвергаясь давлению и насилию, а наоборот имели привилегии как монголы.

Эта истина подтверждается даже тем, что монголы проживающие на территории бывшего улуса Хулагуидов уже восьмое столетие (750 лет!) до сих остаются монголоязычными, а хазарейцы вплоть до 17 века оставались в своем изначально-монгольском виде, о чем было уже сказано.

После ухода хоринцев из Наи Нава вероятно многие топонимы изменили свои названия, но всегда остаются неизменяющиеся названия, такие как сама географическая область – Наи Нава. Потому и сейчас в этой области (провинции) обнаруживается немало топонимов, удивительно совпадающих и перекликающихся с упоминающимися в бурятских преданиях. Например, немного севернее города Мосул (Могул) – административного центра провинции Наи Нава, есть населенный пункт Айн-Зьала (в бурятской песне Аян (хан) Заяла (й), недалеко к западу от Мосула расположен городок Эль-Бади, т. е. Бада (эль – приставка в арабском написании названий). Там же, в Наи Нава, протекают реки Заб(а), Хабур, а на северной окраине есть город Заху. На реке Заба стоит городок Алтын кепрю (слово Алтын – не арабское и не персидское, а монгольское (монголо-тюрское), есть город Майдан (Байдан). Сохранились в этом регионе и другие названия монгольского корня, такие как, Чиган, Мандали, Бово-Нур, Кара-Булак, Барлут, Карату, Мангайш, Мала-Кара, Дорбанд и т. д. У шоссе Мосул-Холмс стоит населенный пункт Аршан, у северных окраин Наи Нава протекают речка Кяхта и есть населенный пункт Кяхта.

Все это на небольшой территории области Наи Нава и в приграничных с ней местностях.

Надо иметь ввиду, что монголы нередко давали свои, монгольские, названия местностям, где они обитали. Об этом Рашид-ад-дин пишет: «...на реке Заринаруд, которую монголы называют Чагату и Нагату...»,³² где Чагату означает «белый».

А что означает слово «Нагату»? Возможно, так называли реку в честь имени одной из легендарных жен Хоридоя – Нагатай, от которой ведут свое происхождение шесть хори-бурятских родов (Харгана, Бодонгуд, Худай, Батнай, Саган и Хальбин)? Он же пишет, что реку Аксу монголы называют Чаган морен (т. е. Белая река – авт.) или же «до Караруда, который монголы называют Туркан морен (т. е. Быстрая река – авт.)»³³ и т. д.

Из исторических хроник известно, что в 16 веке Верхняя Месопотамия (Наи Нава) снова характеризуется как опустевшая, малолюдная область, такой же безлюдной она оставалась и в первой половине 17 века. Даже расположенный значительно южнее город Багдад насчитывал в 1650 году всего 15 тысяч жителей, против 90 тысяч в 1401 г. и 250 тысяч перед взятием его монголами в феврале 1258 года.³⁴

В связи с этим интересно отметить то, что в хоринских преданиях говорится о том, что после их ухода из Наи Нава, край этот долго оставался незаселенным. Вероятно, информацию об этом хоринцы, находясь в южной Монголии, могли получать через своих мусульманских соседей – уйгуров, дунган (хуэй), монголоязычных дунсян (ширинголов), которые постоянно поддерживали религиозные связи (в т. ч. паломнические) с Юго-Западной Азией.

Как уже отмечалось, на территории улуса Халагуидов были, кроме Наи Нава, и другие районы расселения монгольских кочевий. Например, важное стратегическое положение на востоке Центрального Ирана занимал город Наин у восточных склонов крупной горной системы Кухруд, на границе с Хоросаном. О нем в хрониках говорится, что после прихода монголов в некогда крупном, цветущем городе осталось всего 500 домов. Здесь, недалеко от Наина, у хребта Кухе-Сарх, находятся населенные пункты Хор и Бадам. Район этот также благоприятен для скотоводческо-кочевой уклада жизни с сочетанием летних – горных и зимних – степных пастбищ.

Вообще кочевая монгольская знать (с 15 века монгольская и монголо-тюркская) продолжала быть руководящей политической силой как в государстве Тимуридов (1407-1507 г.г.) на востоке Ирана, так и в государстве Ак-Коюнлу (1468-1508 гг.) на западе Ирана и Месопотамии, вплоть до самого конца 15 века. (История стран зарубежной Азии в средние века. Изд. «Наука», Москва, 1970 г., стр. 361). В этом плане показателен пример того, что Тимур (Тамерлан) в 1396 году дал своему сыну Шахруху в качестве его личной охраны, когда тот был назначен правителем Хоросана, 1000 монгольских воинов (именно монголов!), которые были поселены в плодородной долине Бадагиса.³⁵

Жестокий разлад и окончательный кризис в монгольском государстве Юго-Западной Азии, приведший к краху династии Хулагуидов и в дальнейшем сопровождавшийся междоусобными войнами, способствовал завоеванию Ирана в конце 14 века Тимуром. Этот вставший у власти самаркандский монгол из племени барлас, действовал не только как реставратор монгольских государственных традиций, но и как кровавый усмиритель народных восстаний. Поэтому его поддержала монгольская кочевая знать, которая не могла справиться своими силами с народными движениями Ирана.³⁶ Однако и после, монгольская военная знать и племенные верхи не были заинтересованы в сильной центральной власти и стремились к феодальной самостоятельности.

Кочевые монгольские и тюркские феодалы обычно отличались своеволием и часто были мятежными. Нередко организаторами мятежей являлись отдельные царевичи из самих правящих династий, несогласные с той или иной политикой.

Но помимо всех тяжелых смут, одно только неприятие угрозы ассимиляции, уже охватившей самые верхние слои монгольского общества этого региона, могло быть достаточной причиной для ухода части их племен на историческую родину. В этом, наверное, можно не сомневаться. Даже в наш просвещенный век мы становимся свидетелями массового исхода русскоязычного населения из бывших республик СССР,

например, только за последние 10 лет из одного Казахстана выехало более 4 миллионов человек. История имеет сроки прихода и уходов народов. У монголов было исторически обусловленное время прихода в Юго-Западную Азию, а потом, для наиболее сохранившейся, не ассимилированной, части их, пришло время ухода.

Учитывая реалии и традиции того времени, а также нравы правителей монгольских династий, зачастую военным путем наводивших нужный им порядок и утверждавших свою власть, можно полагать, что хоринцы не могли, если бы и захотели, свободно сняться с насиженных мест и двинуться постепенно в Монголию. О том, чтобы они ушли оттуда при династии Хулагуидов не могло быть и речи. Для этого нужны серьезные и объективные причины. Предположительно, это могло стать возможным:

а) в период последовавший после разгрома династии Джеллаиридов (на западе Ирана и в Месопотамии) Тимуром и Тимуридами и смерти самого Тимура в 1405 году в возрасте 69 лет, в самом начале его грандиозного похода на Китай. (Как известно, после его смерти начались феодальные смуты и кровавые междоусобицы среди потомков завоевателя длившиеся 5 лет);

б) в самом начале 16 века, в связи с окончательным крахом монгольских династий на территории бывшего улуса Хулагуидов, с их исчезновением.

На взгляд автора, первый вариант представляется все же маловероятным, либо после распада империи Хулагуидов сразу же образовались на ее месте новые государства, во главе которых стояли Чингисиды. Поэтому более вероятным представляется, что уход предков хори-бурят из Наи Нава мог произойти в начале 15 века, или даже в самом начале 16 века. Если это так, то возможно сначала они передвинулись или были переселены из Месопотамии на восток, в сторону Хоросана, оттуда и ушли в Южную Монголию или Кукунор.

Например, Д. Г. Дамдинов в своей книге «К истории изучения языка хори-бурят» пишет: «Буряты каким-то образом были связаны не только с киргизами, но и с другими среднеазиатскими народами. Как сообщает Т. И. Султанов, среди узбекских кочевых племен было племя «бурат», о чем упоминается в традиционных списках 16 века. По предположению Г. Д. Санжеева, эти буряты вместе с другими монгольскими группами оказались в Средней Азии еще в 13-14 веках. Возможно, то были хори-буряты, которые оттуда направились на восток до Внутренней Монголии».³⁷

Все вышеизложенное, а также фактологические данные, сохранившиеся в народной памяти в форме преданий и исторической песни «Ная Нава» дают очень веское основание для рассмотрения версии о местонахождении «загадочной» родины многих (6-9) поколений бурят 13-15 веков, в пределах территории улуса Хулагуидов.

Несомненно, пространственно-временные факторы должны были как-то сказаться на качестве сохранившейся в народной памяти информации. Дошедшие до нас сведения в силу большой давности, изменения идеологии и интересов новых поколений людей – сглажены, скупы и носят обобщенный характер. Также они свободны от эпическо-сказочного пафоса и легкости, строги, реалистичны, подобно стилю «Сокровенного сказания». Но, несмотря на некоторые издержки, эти сохранившиеся в преданиях данные все же проясняют суть рассматриваемого нами вопроса.

Итак, в преданиях сохранились названия края, где жили хоринцы в 13-15 веках – Ная Нава (Наи Нава) и местностей (топонимов) Бада Его, Заян Заба, Аян Заяла. Из вышеизложенного мы видим, что совпадение названия географической (историко-географической) области Наи Нава с его топонимами, с названиями из преданий и песни не случайное. Именно здесь располагались кочевья монгольских племен (в том числе и племена Хори) во времена улуса Хулагуидов (1256-1353 гг.), государства Джеллаиридов (1340-1410 гг.) и даже Ак-Коюнлу (1468-1508 гг.)

Далее, хори-буряты ставят (ставили) семейную коновязь (сэргэ) обязательно на юго-западной стороне от своего дома и этим указывали, в согласии с преданиями, юго-западное направление местоположения Наи Нава.

В преданиях обязательно подчеркивается очень большая отдаленность края Наи Нава, указывается, что она расположена намного дальше Монголии. Но в то время Монголия включала в себя и Кукунор (Верхняя Монголия) и Джунгарию (Западная Монголия), которая всего 250 лет назад охватывала нынешние территории вокруг озер Иссык-Куль в Киргизии и Балхаш в Юго-Восточном Казахстане, в то время в основном с монголоязычным населением, впоследствии поголовно истребленным (по некоторым сведениям 600-700 тысяч человек) маньчжуро-китайскими захватчиками.

В народных сказаниях фактически дана характеристика природно-климатическим условиям того региона, когда утверждается «отсутствие холодных снежных зим в том прекрасном крае с мягким климатом и вечно-зеленой растительностью». Это очень важный ориентир для установления географического положения местности. География же нам удостоверяет, что в верхнемесопотамской провинции Наи Нава средиземноморский климат континентального типа, со средней температурой самого холодного месяца – января +7 градусов С, город Могул (или Мосул).

В преданиях говорится, что в том краю, бывало, кони топтали своими копытами изюм, т. е. виноград, что мориной тую (бурятск.) – углубление на днище конских копыт, бывало забито этим «узумом» – виноградом. Об этом пишет, например, известный монгольский писатель, лауреат государственной премии Монголии С. Эрдэнэ в своей книге «Встретимся в той жизни». Так вот, из географической науки мы знаем, что традиционными районами виноградарства являются именно районы Юго-Западной Азии, но никак не Восточной или Южной Азии.

В народной памяти сохранились еще сведения о том, как двигавшиеся из далекого западного края Наи Нава (по некоторым данным под предводительством известного своим крупным нравом Лобо-нойона)³⁸ хоринцы встретились на юго-западе Монголии (в стороне Алтайских гор) со своими сородичами. Этот эпизод из преданий приводит, например, и дочь генерал-лейтенанта японской армии, бурятка, Уржина Гармаева – Гармын Уржэнэй Шэмэд, в своей статье «Заян, заян, заялай...», об исторической бурятской песне.³⁹

В связи со сказанным можно предположить, что этими сородичами могли быть, скажем, часть хоринцев, ушедших из Наи Нава раньше, возможно, – с западными монголами-баятами (баитами), ассимилированная часть которых до сих порживает на западе и востоке Ирана.

Как видим, все вышеперечисленные явления и факты, связанные с племенем Хори, указывают на территорию улуса Хулагуидов – монгольского государства (ильханата) 13-14 веков в Юго-Западной Азии.

Также представляется небезынтересным и то, что в некоторых старинных хоринских песнях улавливается отдаленно-вторичная близость мелодий с некоторыми узбекскими мелодиями, тогда как подобные параллели трудно уловить при сравнении с тибетскими, казахскими или халха-монгольскими, не говоря уже о китайских, якутских или эвенкийских мелодиях. Объяснением тому, возможно является то, что среди этих народов только предки хоринцев и узбеков, в состав которых вошло более десятка монгольских племен, подвергались влиянию средневековой персидской культуры.

И, наконец, – в преданиях в краткой форме описывается маршрут передвижения кочевников из Наи Нава, где подчеркивается очень большая дальность и сложность пути, на котором им пришлось переправляться через большое количество крупных рек, преодолевать бесчисленное множество очень высоких горных хребтов, пройти огромную песчаную пустыню.

Наши предки, не изучавшие географию, все же передали своим потомкам информацию, позволяющую определить мар-

шрут их передвижения из Наи Нава. Объективный анализ физико-географической карты убеждает в том, что вышеописанный маршрут мог быть только из Юго-Западной Азии, а все другие возможные варианты сразу отпадают, хотя бы потому что при других допустимых маршрутах кочевникам никак не пришлось бы преодолевать и «бескрайнее песчаное море» пустыни и огромное количество очень высоких горных хребтов и переправляться через большое количество крупных рек (т. е. незамерзающих).

Для ясности возьмем и рассмотрим, в качестве примера, маршрут из Пекина до забайкальской реки Онон. Только беглый взгляд на физико-географическую карту убеждает нас в отсутствии на нем всего того, о чем говорится в преданиях. Более того, известен факт, когда забайкальские казаки с запасными конями «добежали» из Даурии до Пекина за одну неделю. Это расстояние сопоставимое с расстоянием из той же Даурии до Иркутска. А в преданиях всегда подчеркивается очень большая дальность Наи Нава.

Таким образом, не вдаваясь во многие подробности, можно достаточно смело констатировать, что на пути из Наи Нава хоринцам пришлось преодолеть Памиро-Тянь-Шаньское нагорье и выйти к великой песчаной пустыне Такла-Макан.

Эту огромную песчаную пустыню можно обойти по древним торгово-караванным путям, или по ее северной стороне, через Лоб Нор, ближе к Алтайским горам (где хоринцы возможно и встретились со своими соплеменниками), или же по ее южной стороне, через город Хотан, реку Ния с ее одноименным и загадочным мертвым городом у северных отрогов мощной горной системы Кунь-Лунь (кстати, из китайских источников известно, что еще во времена династии Тан (7-9 века), там, в предгорьях Кунь-Луны жили буруты). Но при любом направлении, обойдя пустыню Такла-Макан, они должны были неизбежно выйти на малолюдные кукунорские пастбища.

Некоторое обилие монгольских топонимов и названий Хор, Хорь, Хорь в северо-восточном Тибете и Кукуноре связано, возможно, с проживанием в 16 веке прибывших туда хоринцев, которые и принесли сюда эти названия. Но многие из них могут быть значительно более раннего периода, ибо тибетские племена проживающие к северу и к востоку от города Чамдо (в округах Лхадок, Нанчин, Дэрэг, Дзачю-Кава, Нголок и Хорь) не без гордости считают себя потомками ассимилированных шарыголов (шара и хара монголов или протомонголов), оставшихся после ухода обратно на север большинства их народа. Прибытие же воинственных протомонголов вместе с Гэсэр ханом и проживание их в данных местах под предводительством Эрхэ тайчи связывают с царствованием в Тибете монгола Орон Цзан Гамбо и относится, согласно китайским и тибетским источникам, к 7-9 векам,⁴⁰ что совпадает с периодом господства в Центральной Азии (особенно, в его северо-западных районах) тюркоязычных племен. Но это уже тема для отдельного разговора.

Во второй половине 16 века, к времени выдачи замуж княжны Бальжан хатан (примерно в 1580 году) за Дай Хун Тайжи, сына солонгурского Бубэй Бэйлэ Батора хоринцы кочевали на землях Тумэта и Ордоса, по берегам северной излучины Желтой реки (Хуанхэ), чуть западнее столицы тогдашней Монголии города Хух Хото. Насчет этой княжны существует предание, согласно которой в среде пришедших с далекого запада (Наи Нава) хоринцев была очень высокородная княжна, которую сосватал большой монгольский хан. От этого брака и вела свое происхождение Бальжан хатан, дочь Алтан хана тумэтского, внучка (по отцовской линии) Бэрс Булад нойона – третьего сына Бата Мунхэ Даян хана всемонгольского, ведущих свой род от Толюя – младшего сына Чингисхана.

Это утверждение подтверждает со ссылкой на многие источники, историк из Внутренней Монголии Бодонгуд Абида в своей статье «Бальжин хатан тухай угуулхэн».⁴¹ Вообще известно, что у Алтан хана тумэтского были 3 жены, от которых он имел 9 сыновей и 3 дочерей.

Согласно традициям, по которым монгольские ханы еще со времен Чингисхана передавали своих поданных детям, хоринцы стали «энжэ» Бальжан хатан «чтобы она могла отдыхать среди своих сородичей» и двинулись вместе с ней на север, в земли Дай Хун Тайжи, сына Бубэй Бэйлэ Батора.

Дальнейшая судьба Бальжан хатан, как известно, сложилась трагично, как и судьба самой Монголии. В связи с этими событиями логично полагать, что скрытые пружины принципиального раздора этой княжны с ее новой свекровью – молодой женой Бубэй Бэйлэ Батора, могли лежать в плоскости поддержки или не поддержки маньчжурской экспансии, по той причине, что новая жена Бубэй Бэйлэ солонгутского была из племени харчинов, активно поддержавших маньчжуров.⁴² И, как показали дальнейшие события, солонгуты действительно стали активными союзниками маньчжуров. Бальжан хатан же, будучи дочерью Алтан хана тумэтского, всю свою жизнь жестоко противостоявшего маньчжуро-китайцам, оказала твердое неповиновение свекрови и ушла со своими подданными хоринцами на северо-запад, – «на породные земли, где в древности жил и размножался их народ из рода Хори, Буртэ чино», – как пишут хоринские летописи.⁴³

Сам брак Бальжан хатан с Дай Хун Тайжи, сыном солонгутского Бубэй Бэйлэ был затеян еще при жизни ее отца, видимо, в целях скрепления союза в период сложных междоусобных раздоров в Монголии накануне маньчжуро-китайской агрессии. Легенды утверждают, что еще до замужества у княжны был другой избранник сердца за которого она сама желала выйти замуж.⁴⁴ Очевидно, одной из главных причин большого почтения Бальжан хатан хоринцами была поддержка ими ее позиции неповиновения маньчжуро-китайскому захвату Монголии, из-за чего она поплатилась своей жизнью.

За столетия малолюдности, после ухода в 13 веке хоринцев и других монголоязычных племен и родов на юг, в горнотазовые районы Забайкалья, в которых произрастает тундровое растение – ягель, являющийся кормом для оленей, стали постепенно проникать представители северной оленеводческой цивилизации – эвенки.⁴⁵ Они, как пишут бурятские летописи и говорят предания, – встретили возвращение бурятских кочевников враждебно из-за охотничьих угодий, стали заниматься воровством и разбоем мирного скотоводческого населения. Одновременно с этим, с юга совершали набеги подвластные маньчжурам и мобилизованные ими монгольские военные отряды с целью покорения хоринцев. В борьбе с этим бедами прославился Бабжа Батор, сын Бэхи Бухы из рода хуасай, который заставил отступить и тех, и других. Наверное, произошло то, что и должно было произойти.

Объективным результатом сложившейся в 17 веке новой геополитической ситуации в Центральной Азии стало принятие хоринцами подданства русского царя. Далекая Москва была для них более приемлема, чем соседняя огромная маньчжуро-китайская империя, с которой центральноазиатская степная цивилизация кочевников вела практически непрерывную борьбу не в течение веков, а в течение тысячелетий, ярким памятником чего является Великая китайская стена.

С установлением русско-китайской границы, утверждают исторические хроники, наступила относительно мирная жизнь. Если численность хоринцев мужского пола в возрасте от 18 до 55 лет в 1766 году составляла 11 тысяч 33 человека (т. е. всего населения было около 44 тысяч человек), то в настоящее время численность бурят хоринского происхождения можно оценить в 240-290 тысяч человек, абсолютное большинство которых владеет родным разговорным языком (будь то в Шэнхэне КНР или на северо-востоке Монголии), который они пронесли через все непростые века второго тысячелетия. Подтверждением последнего является то, что язык хоринцев имеет коренную близость или даже единство с говорами некоторых других бурятских родов и племен.

За обозреваемую нами, более чем тысячелетнюю, исто-

рию хоринцев, нередко часть их народа по различным причинам откладывалась от основной массы и впоследствии ассимилировалась в состав других племен и народов.⁴⁶ Свидетельством этого являются обнаруживаемые ныне целые группы населения хоринского происхождения по родоплеменным и иным признакам, и среди волжских калмыков на западе и среди баргутов на востоке Внутренней Монголии, и среди якутов на севере и среди узбеков и киргизов на юге, а также в среде некоторых других бурятских племен. Можно утверждать даже и то, что в состав русских вошло, согласно историческим хроникам, немалое число так называемых крещенных инородцев из их среды.

Например, фольклоре якутов, народа представляющего собой самый северный в мире ареал носителей центральной азиатской скотоводческой культуры, видное место отводится легендам и рассказам о хоринцах, прибывших в бассейн средней Лены с юга, через Алдан вместе с Улуу Хоро и неким витязем Хородой Хойогос, основавших Борогонский улус и Хоринский наслег. Считается, что с этим связано обнаружение в якутском языке 2,5 тысяч слов монгольского происхождения – 25 % словарного состава якутского языка. Исследование Ф. Г. Сафонова и Г. В. Поповым выявленных 1083 языческих имен якутов показало, что 47 % из них тюркского, 37 % монгольского и лишь менее 10 % из них имели эвенкийские и иные корни.

Любопытно, что якутки в старину, аналогично хори-бурятским женщинам, услышав крики лебединых стай, выбегали из юрты в головном уборе и безрукавке, с ковшом, брызгали навстречу летящей стае молочную пищу.

Помимо целого ряда наслегов и родов, сохранивших название хоро, среди якутов также распространены и другие монгольско-бурятские этнонимы – барын, хатагын, борто, нохой, тумат, сартол. Проникновение же монголо-язычных племен и родов на среднюю Лену по предположению якутских историков происходило начиная с 13 века и вплоть до 15-16 веков.

Все вышеизложенное указывает и напоминает нам о достаточной древности племен хори и недостаточной изученности ее непростой истории.

Современные хори-буряты ныне компактно проживают, занимая значительные территории, в большинстве районов южной половины Забайкалья, а также в смежных с ней районах Монголии и КНР. Они составляют основную часть коренного населения трех субъектов Российской Федерации – Бурятии, Читинской области и Агинского Бурятского автономного округа, являются основным населением в десятке приграничных сомонов северо-востока республики Монголия и в трех сомонах Хулунбуирского аймака Внутренней Монголии КНР.

ВЫВОДЫ

Историко-географический взгляд на карту монгольской империи 13-14 веков показывает, что основные людские ресурсы и военный потенциал этого государства на протяжении длительного периода были сосредоточены в основном по трем главным стратегическим направлениям:

- а) примерно вдоль Великой китайской стены с анклавом в провинции Юньнань (г. Дали) на юге;
- б) по линии Волга – Черное море;
- в) по линии Самарканд – Хоросан – область Наи Нава в Месопатамии.

На волне этой длительной и масштабной экспансии и оказались хоринцы под началом Хулагу хана, младшего сына Толуя и внука Темучжина (Чингисхана) в области Наи Нава (Ная Нава), о чем выше изложено в тексте.

Если считать, что за полтора-два столетия 6-9 поколений хоринцев рождались, жили и похоронены в крае Наи Нава в период т. н. «Золотого века монголов», то получается, что Наи Нава была родиной не только уходящих оттуда людей, но и их предков. Поэтому вполне объяснимо, почему пришедшие от-

туда люди передали своим потомкам песню и ностальгические рассказы о Наи Нава, впоследствии обретшего характер своего рода бурятского «Беловодья», земли обетованной.

Факт сохранения хоринцами особенностей своего языка (например звука «h») вероятно связано именно с тем, что они большую часть прошедшего тысячелетия имели какую-то территориальную особенность, при определенной (относительной) внутрплеменной самостоятельности.

Долголетие и живучесть песни и преданий о Ная Нава очевидно объясняется тем, что они существуют не в форме эпоса, исполняемого каким-то отдельным сказателем, а носит характер общенародных рассказов и информации, передаваемых аналогично родословной, от деда к внуку, при сохраняющихся родовых традициях, свойственных центрально-азиатским народам.

Сохранение в самых широких слоях народных масс разных подробностей, касающихся Наи Нава и ухода оттуда предков хори-бурят, а также более-менее относительная свежесть их, в т. ч. песни, показывает что событие это не могло быть очень сильно отдаленным по времени. Сравнение степени сохранности устной народной информации о событиях 300-400-летней давности, позволяет предполагать, что прибытие хоринцев в Южную Монголию или Кукогор из Наи Нава могло быть приблизительно 500-600 лет назад, но не далее, ибо более отдаленные события в народной памяти (тем более с подробностями), как известно, в устной форме не сохраняются.

Рассматривая свою версию о Наи Нава (Ная Нава), автор руководствовался известным принципом, что история должна отражать правду, какой бы она ни была.

19. 01. 2002 г.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА И НЕКОТОРЫЕ КОММЕНТАРИИ К НИМ

1. Буриад-монголчуудын угсаа – туухийн зарим асуудал. Улан-Баатар хот. 2000 он. Стр. 87-90, 93-106, 107-108, 248-250.

2. Сокровенное сказание монголов. Перевод С.А. Козина Улан-Удэ, 1990 г. стр. 12, 13.

«Тэмужин». Улаан-Баатар хот. 1998 он. Еронхий эрхлэгч доктор Л. Тудэв. стр. 15.

3. Темирханов Л. Хазарейцы. «Наука», Москва. 1972 г. стр. 16.

4. Монгольская экспансия в Юго-Западной Азии продолжалась более 250 лет (династии Тимуридов и Ак-Коюнлу просуществовали до начала 16 века), тогда как монгольская династия Юань в Китае продолжалась всего 89 лет (1279 – 1368 г.г.), пока не была изгнана китайцами в 1368 году.

5. Темирханов. Хазарейцы. «Наука», Москва 1972 г. стр. 22

6. Факты вхождения монголов (в т. ч. перечисленных племен) в состав указанных народов подкреплены известными энциклопедическими сведениями, вошедшими в официальные истории этих народов. Они отмечены в фундаментальном историко-этнографическом справочнике «Народы мира». Москва. «Советская энциклопедия». 1988 г.

Также эти факты подтверждаются трудами казахского ученого середины 19 века Ч. Ч. Валиханова, который в родовом делении бухарских узбеков выделяет в числе монгольских племен, вошедших в их состав, такие как конград, мангит, найман, джалаир, минг, бахрин, катаган, также и баркут (баргут) с указанием мест их проживания. (Валиханов Ч.Ч. Избранные произведения. «Наука». Москва. 1986 г. стр. 256.)

Монгольское происхождение узбекского племени барлас отмечают многие источники, начиная от истории Узбекской ССР и «Сокровенного сказания монголов» до работы Ю. Алескерова «Самарканд», (Ташкент. 1976 г. стр. 59, 60).

Об участии монголов в этнической истории персов в 13-14 веках сказано в историко-этнографическом справочнике «Народы мира». (стр. 359) и т. д.

7. Валиханов Ч.Ч. Избранные произведения. «Наука». Москва. 1986 г. стр. 256.

Дамдинов Д. Г. К истории изучения языка хори-бурят. Улан-Удэ. 2000 г. стр. 15.

8. Темирханов Л. Хазарейцы. «Наука». Москва 1972 г. стр. 16, 18.

9. Там же. стр. 20.

10. Там же. стр. 19.

11. Там же. стр. 27.

12. Валиханов Ч.Ч. Избранные произведения. «Наука». Москва. 1986 г. стр. 282

13. Трелавлов В.В. Система крыльев в монгольской империи 13 в. Сб. История и Культура народов Центральной Азии. Улан-Удэ 1993 г. стр. 11.

14. История стран зарубежной Азии в средние века. «Наука». Москва. 1970 г. стр. 216, 351

15. Там же. стр. 353.

16. Там же. стр. 351.

17. Там же. стр. 366.

18. Фазмуллах Рашид-ад-дин. Джамии ат-тавари (сборник летописей) т. 3, перевод с персидского А. К. Арендса. Баку. 1957 г. стр. 61.

19. Там же. стр. 62.

20. Там же. стр. 241.

21. История стран зарубежной Азии в средние века. «Наука» Москва. 1970 г. стр. 352.

22. Ф. Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т. 3. Баку. 1957 г. стр. 290-292.

23. Атлас мира. Азия (Зарубежные страны) Отв. ред. Воронина Л. М., Сергеева С. И. ГУГК при СМ СССР. Москва. 1982 г.

24. История стран заруб. Азии в средние века. М., 1970 г. стр. 366.

25. Большая Советская энциклопедия.

26. История стран зарубежной Азии в средние века. М., 1970 г. стр. 366.

27. Темирханов Л. Хазарейцы. «Наука». Москва, 1972 г. стр. 39.

28. История стран зарубежной Азии в средние века. М., 1970 г. стр. 354, 355.

29. Ф. Рашид-ад-дин. Сб. летописей. т. 3, Баку 1957 г. стр. 133.

30. Темирханов Л. Хазарейцы. «Наука». Москва, 1972 г. стр. 29.

31. Там же. стр. 30.

32. Ф. Рашид-ад-дин. Сборник летописей. т. 3, стр. 62.

33. Там же. стр. 164.

34. История стран зарубежной Азии в средние века. М., 1970 г., стр. 366, 367.

35. Темирханов Л. Хазарейцы. «Наука». Москва, 1972 г. стр. 22.

36. История стран зарубежной Азии в средние века. М., 1970 г., стр. 359.

37. Дамдинов Д.Г. К истории изучения языка хори-бурят. «Бэ-лиг». Улан-Удэ. 2000 г. стр. 15.

38. Цыбиков Б. «Үндэнэ бүхэтэй арад» Буряад Үнэн от 25.06. 1993 г.

39. «Буряад Үнэн» от 08.08. 1992 г.

40. Монголия и Камь. Труды экспедиции императорского Русского Географического Общества, совершенной в 1899-1901 г.г. под руководством П. К. Козлова. т.1. ч.2. Санкт-Петербург. 1906 г. стр. 419.

41. «Буряад Үнэн» от 02.10.1992 г.

42. Автономный район Внутренняя Монголия КНР. «Наука». Москва. 1980 г. стр.11.

43. Бурятские летописи. Улан-Удэ. 1995 г. стр.38.

44. Б. Абида «Бальжан хатан тухай үгүүлхэн» Буряад Үнэн от 02. 10. 1992 г.

45. Бабуев С.Д. «Из родословных закаменских бурят». п. Закаменск. 1993 г. стр.21.

Историко-этнографический справочник «Народы мира», М., 1988 г., стр. 490.

46. Бурятские летописи. Улан-Удэ. 1995 г. стр. 38, 40, 41.

Атлас мира. Азия (зарубежные страны) отв. ред. Л. М. Воронина, С. И. Сергеева. ГУГК при СМ СССР, Москва., 1982 г., стр. 26, 29, 30.

Атлас мира. Под ред. А. Н. Баранова. ГУГК, Москва, 1967 г. стр. 149-150.

Пилигримы

Мимо ристалищ, капищ,
мимо храмов и баров,
мимо шикарных кладбищ,
мимо больших базаров,
мира и горя мимо,
мимо Мекки и Рима,
синим солнцем палимы,
идут по земле
пилигримы.
Увечны они, горбаты.
Голодны, полуодеты.
Глаза их полны заката.
Сердца их полны рассвета.
За ними поют пустыни,
вспыхивают зарницы,
звезды дрожат над ними,
и хрипло кричат им птицы,
что мир остается прежним.
Да. Остается прежним.
Ослепительно снежным.
И сомнительно нежным.
Мир остается лживым.
Мир остается вечным.
Может быть, постижимым,
но все таки бесконечным.
И, значит, не будет толка
от веры в себя, да в Бога,
и, значит, остались только
Иллюзия и Дорога.
И быть над землей закатам,
и быть над землей рассветам.
Удобрить ее солдатам.
Одобрить ее поэтам.

Из Марциала

Нынче ветрено и волны с перехлестом.
Скоро осень, все изменится в округе.
Смена красок этих трогательней, Постум,
чем наряда перемена у подруги.
Дева тешит до известного предела —
дальше локтя не пойдешь или колена.
Сколь же радостней прекрасное вне тела:
ни объятье невозможно, ни измена!
Посылаю тебе, Постум, эти книги.
Что в столице? Мягко стелют? Спать не жестко?
Как там Цезарь? Чем он занят? Все интриги?
Все интриги, вероятно, да обжорство.
Я сижу в своем саду, горит светильник.
Ни подруги, ни прислуги, ни знакомых
Вместо слабых мира этого и сильных —
лишь согласное гуденье насекомых

Иосиф Бродский

Россия – США

Лауреат Нобелевской Премии 1987 года

Здесь лежит купец из Азии. Толковым
был купцом он — деловит, но незаметен.
Умер быстро: лихорадка. По торговым
он делам сюда приплыл, а не за этим.
Рядом с ним легионер, под грубым кварцем.
Он в сражениях империю прославил.
Столько раз могли убить! а умер старцем.
Даже здесь не существует, Постум, правил.
Пусть и вправду, Постум, курица не птица,
но с куриными мозгамихватишь горя.
Если выпало в Империи родиться,
лучше жить в глухой провинции у моря.
И от Цезаря далеко, и от вьюги.
Лебезить не нужно, трусить, торопиться.
Говоришь, что все наместники — ворюги?
Но ворюга мне милей, чем кровопийца.
Этот ливень переждать с тобой, гетера,
я согласен, но давай-ка без торговли:
брать сестерций с покрывающего тела
все равно, что drankу требовать у кровли.
Протекаю, говоришь? Но где же лужа?
Чтобы лужу оставлял я, не бывало.
Вот найдешь себе какого-нибудь мужа,
он и будет протекать на покрывало.
Вот и прожили мы больше половины.
Как сказал мне старый раб перед таверной:
«Мы, оглядываясь, видим лишь руины».
Взгляд, конечно, очень варварский, но верный.
Был в горах. Сейчас вожусь с большим букетом.
Разыщу большой кувшин, воды налью им...
Как там в Ливии, мой Постум, — или где там?
Неужели до сих пор еще воюем?
Скоро, Постум, друг твой, любящий сложенье
долг свой давний вычитанию заплатит.
Забери из-под подушки сбереженья,
там немного, но на похороны хватит.
Поезжай на вороной своей кобыле
в дом гетер под городскую нашу стену.
Дай им цену, за которую любили,
чтоб за ту же и оплакивали цену.
Зелень лавра, доходящая до дрожи.
Дверь распахнутая, пыльное оконце.
Стул покинутый, оставленное ложе.
Ткань, впитавшая полуденное солнце.
Понт шумит за черной изгородью пиний.
Чье-то судно с ветром борется у мыса.
На рассыпанной скамейке — Старший Плиний.
Дрозд щебечет в шевелюре кипариса.

Март 1972 года.

Осенний крик ястреба

Северо-западный ветер его поднимает над сизой, лиловой, пунцовой, алой долиной Коннектикута. Он уже не видит лакомый променад курицы по двору обветшалой фермы, суслика на меже. На воздушном потоке распластанный, одинок, все, что он видит — гряды покатых холмов и серебро реки, вьющейся точно живой клинок, сталь в зазубринах перекаатов, схожие с бисером городки Новой Англии. Упавшие до нуля термометры — словно лары в нише; стыннут, обуздывая пожар листьев, шпили церквей. Но для ястреба это не церкви. Выше лучших помыслов прихожан, он парит в голубом океане, сомкнувши клюв, с прижатою к животу плюсною — когти в кулак, точно пальцы рук — чуя каждым пером поддув снизу, сверкая в ответ глазою ягодою, держа на Юг, к Рио-Гранде, в дельту, в распаренную толпу буков, прячущих в мощной пене травы, чьи лезвия остры, гнездо, разбитую скорлупу в алую крапинку, запах, тени брата или сестры. Сердце, обросшее плотью, пухом, пером, крылом, бьющееся с частотою дрожи, точно ножницами, сечет, собственным движимое теплом, осеннюю синеву, ее же увеличивая за счет еле видного глазку коричневого пятна, точки, скользящей поверх вершины ели; за счет пустоты в лице ребенка, замершего у окна, пары, вышедшей из машины, женщины на крыльце. Но восходящий поток его поднимает вверх выше и выше. В подбрюшных перьях щиплет холодом. Глядя вниз, он видит, что горизонт померк, он видит как бы тринадцать первых штатов, он видит: из труб поднимается дым. Но как раз число труб подсказывает одинокой птице, как поднялась она. Эк куда меня занесло! Он чувствует смешанную с тревогой гордость. Перевернувшись на крыло, он падает вниз. Но упругий слой воздуха его возвращает в небо, в бесцветную ледяную гладь. В желтом зрачке возникает злой блеск. То есть, помесь гнева с ужасом. Он опять низвергается. Но как стенка — мяч, как паденье грешника — снова в веру, его выталкивает назад.

Его, который еще горяч!
В черт-те что. Все выше. В ионосферу.
В астрономически объективный ад птиц, где отсутствует кислород, где вместо проса — крупа далеких звезд. Что для двуногих высь, то для пернатых наоборот. Не мозжечком, но в мешочках легких он догадывается: не спастись. И тогда он кричит. Из согнутого, как крюк, клюва, похожий на визг эриний, вырывается и летит вовне механический, нестерпимый звук, звук стали, впившейся в алюминий; механический, ибо не предназначенный ни для чьих ушей: людских, срывающейся с березы белки, тьявкающей лисы, маленьких полевых мышей; так отливаться не могут слезы никому. Только псы задирают морды. Пронзительный, резкий крик страшной, кошмарнее ре-диеза алмаза, режущего стекло, пересекает небо. И мир на миг как бы вздрагивает от пореза. Ибо там, наверху, тепло обжигает пространство, как здесь, внизу, обжигает черной оградой руку без перчатки. Мы, восклицая «вон, там!» видим вверху слезу ястреба, плюс паутину, звуку присущую, мелких волн, разбегающихся по небосводу, где нет эха, где пахнет апофеозом звука, особенно в октябре. И в кружеве этом, сродни звезде, сверкая, скованная морозом, инеем, в серебре опушившем перья, птица плывет в зенит, в ультрамарин. Мы видим в бинокль отсюда перл, сверкающую деталь. Мы слышим: что-то вверху звенит, как разбивающаяся посуда, как фамильный хрусталь, чьи осколки, однако, не ранят, но тают в ладони. И на мгновение вновь различаешь кружки, глазки, веер, радужное пятно, многоточия, скобки, звенья, колоски, волоски — бывший привольный узор пера, карту, ставшую горстью юрких хлопьев, летящих на склон холма. И, ловя их пальцами, детвора выбегает на улицу в пестрых куртках и кричит по-английски «Зима, зима!

1975 год.

Язык и, думается, литература – вещи более древние, неизбежные и долговечные, нежели любая форма общественной организации. Негодование, ирония или безразличие, выражаемые литературой зачастую по отношению к государству, есть, по существу, реакция постоянного, лучше сказать – бесконечного, по отношению к временному, к ограниченному. По крайней мере, до тех пор пока государство позволяет себе вмешиваться в дела литературы, литература имеет право вмешиваться в дела государства. Политическая система, форма общественного устройства, как всякая система вообще, есть, по определению, форма прошедшего времени, пытающегося навязать себя настоящему (а зачастую и будущему), и человек, чья профессия язык, – последний, кто может позволить себе позабыть об этом. Подлинной опасностью для писателя является не столько возможность (часто реальность) преследования со стороны государства, сколько возможность оказаться загипнотизированным его, государства, монструозными или претерпевающими изменения к лучшему – но всегда временными – очертаниями.

Философия государства, его этика, не говоря о его эстетике, – всегда «вчера»; язык, литература – всегда «сегодня» и часто – особенно в случае ортодоксальности той или иной политической системы – даже и «завтра». Одна из заслуг литературы в том и состоит, что она помогает человеку уточнить время его существования, отличить себя в толпе как предшественников, так и себе подобных, избежать тавтологии, то есть участи, известной иначе под почетным именем «жертвы истории». Искусство вообще и литература в частности тем и замечательны, тем и отличаются от жизни, что всегда бегут повторения. В обыденной жизни вы можете рассказать тот же самый анекдот трижды и трижды, вызвав смех, оказаться душой общества. В искусстве подобная форма поведения именуется «клише». Искусство есть орудие безоткатное, и развитие его определяется не индивидуальностью художника, но динамикой и логикой самого материала, предыдущей судьбой средств, требующих найти (или подсказывающих) всякий раз качественно новое эстетическое решение. Обладающее собственной генеалогией, динамикой, логикой и будущим, искусство не синонимично, но, в лучшем случае, параллельно истории, и способом его существования является создание всякий раз новой эстетической реальности. Вот почему оно часто оказывается «впереди прогресса», впереди истории, основным инструментом которой является – а не уточнить ли нам лишний раз Маркса? – именно клише.

На сегодняшний день чрезвычайно распространено утверждение, будто писатель, поэт в особенности, должен пользоваться в своих произведениях языком улицы, языком толпы. При всей своей кажущейся демократичности и осязаемых практических выгодах для писателя, утверждение это вздорно и представляет собой попытку подчинить искусство, в данном случае литературу, истории. Только если мы решили, что «сапиенсу» пора остановиться в своем развитии, следует литературе говорить на языке народа. В противном случае народу следует говорить на языке литературы. Всякая новая эстетическая реальность уточняет для человека его реальность этическую. Ибо эстетика – мать этики; понятия «хорошо» и «плохо» – понятия прежде всего эстетические, предваряющие категории «добра»

и «зла». В этике не «все позволено» именно потому, что в эстетике не «все позволено», потому что количество цветов в спектре ограничено. Несмышленный младенец, с планчем отвергающий незнакомца или, наоборот, к нему тянувшийся, отвергает его или тянется к нему, инстинктивно совершая выбор эстетический, а не нравственный.

Эстетический выбор всегда индивидуален, и эстетическое переживание – всегда переживание частное. Всякая новая эстетическая реальность делает человека, ее переживающего, лицом еще более частным, и частность эта, обретающая порой форму литературного (или какого-либо иного) вкуса, уже сама по себе может оказаться если не гарантией, то формой защиты от порабощения. Ибо чело-

век со вкусом, в частности литературным, менее восприимчив к повторам и ритмическим заклинаниям, свойственным любой форме политической демагогии. Дело не столько в том, что добродетель не является гарантией создания шедевра, сколько в

том, что зло, особенно политическое, всегда плохой стилист. Чем богаче эстетический опыт индивидуума, чем тверже его вкус, тем четче его нравственный выбор, тем он свободнее – хотя, возможно, и не счастливее.

Именно в этом, скорее прикладном, чем платоническом, смысле следует понимать замечание Достоевского, что «красота спасет мир», или высказывание Мэтью Арнолда, что нас спасет поэзия. Мир, вероятно, спасти уже не удастся, но отдельного человека всегда можно. Эстетическое чутье в человеке развивается весьма стремительно, ибо, даже не полностью отдавая себе отчет в том, чем он является и что ему на самом деле необходимо, человек, как правило, инстинктивно знает, что ему не нравится и что его не устраивает. В антропологическом смысле, повторяю, человек является существом эстетическим прежде, чем этическим. Искусство поэтому, в частности литература, не побочный продукт видового развития, а ровно наоборот. Если тем, что отличает нас от прочих представителей животного царства, является речь, то литература и в частности поэзия, будучи высшей формой словесности, представляет собой, грубо говоря, нашу видовую цель.

...Положение, при котором искусство вообще и литература в частности являются в обществе достоянием (преферентивной) меньшинства, представляется мне нездоровым и угрожающим. Я не призываю к замене государства библиотекой – хотя мысль эта неоднократно меня посещала, – но я не сомневаюсь, что, выбирай мы наших властителей на основании их читательского опыта, а не на основании их политических программ, на земле было бы меньше горя. Мне думается, что потенциального властителя наших судеб следовало бы спрашивать прежде всего не о том, как он представляет себе курс иностранной политики, а о том, как он относится к Стендалю, Диккенсу, Достоевскому. Хотя бы уже по одному тому, что насущным хлебом литературы является именно человеческое разнообразие и безобразие, она, литература, оказывается надежным противовесом от каких бы то ни было – известных и будущих – попыток тотального, массового подхода к решению проблем человеческого существования. Как система нравственного, по крайней мере, страхования, она куда более эффективна, нежели та или иная система верования или философская доктрина.

Потому что не может быть законов, защищающих нас

от самих себя, ни один уголовный кодекс не предусматривает наказаний за преступления против литературы. И среди преступлений этих наиболее тяжким является не преследование авторов, не цензурные ограничения и т. п., не предание книг костру. Существует преступление более тяжкое – пренебрежение книгами, их не – чтение. За преступление это человек расплачивается всей своей жизнью; если же преступление это совершает нация – она платит за это своей историей. Живя в той стране, в кото-

рой я живу, я первый был бы готов поверить, что существует некая пропорция между материальным благополучием человека и его литературным невежеством; удерживает от этого меня, однако, история страны, в которой я родился и вырос. Ибо сведенная к причинно-следственному минимуму, к грубой формуле, русская трагедия – это именно трагедия общества, литература в котором оказалась прерогативой меньшинства: знаменитой русской интеллигенции.

В 1958 году ему была присуждена Нобелевская премия в области литературы. Его исключили из Союза писателей СССР, завели уголовное дело по обвинению в измене Родине. От премии он вынужден был отказаться. В 1989 году диплом и медаль получил его сын.

Борис Пастернак мог бы завещать нам не менее яркую Нобелевскую лекцию. Но он оставил другое завещание, которое многократно усиливает дух демиургов и помогает им жить. «Быть знаменитым некрасиво...» и «Гамлет».

* * *

**Быть знаменитым некрасиво.
Не это подымает высь.
Не надо заводить архива,
Над рукописями трястись.**

**Цель творчества – самоотдача,
А не шумиха, не успех.
Позорно, ничего не знача,
Быть притчей на устах у всех.**

**Но надо жить без самозванства,
Так жить, чтобы в конце концов
Привлечь к себе
любовь пространства,
Услышать будущего зов.**

**И надо оставлять пробелы
В судьбе, а не среди бумаг,
Места и главы жизни целой
Отчеркивая на полях.**

**И окунается в неизвестность,
И прятать в ней свои шаги,
Как прячется в тумане местность,
Когда в ней не видать ни зги.**

**Другие по живому следу
Пройдут твой путь за пядью пядь,
Но пораженья от победы
Ты сам не должен отличать.**

**И должен ни единой долькой
Не отступаться от лица,
Но быть живым, живым и только,
Живым и только до конца.**

Борис Пастернак Россия Лауреат Нобелевской Премии 1958 года

* * *

Никого не будет в доме,
Кроме сумерек. Один
Зимний день в сквозном проеме
Незадернутых гардин.
Только белых мокрых комьев
Быстрый промельк маховой.
Только крыши, снег и, кроме
Крыш и снега, — никого.
И опять зачертит иней,
И опять завертит мной
Прошлогоднее унынье
И дела зимы иной,
И опять кольнут доньне
Неотпущенной виной,
И окно по крестовине
Сдавит голод дровяной.
Но нежданно по портъере
Пробежит вторженья дрожь.
Тишину шагами мера,
Ты, как будущность, войдешь.
Ты появишься у двери
В чем-то белом, без причуд,
В чем-то впрямь из тех материй,
Из которых хлопья шьют.

1931 год.

Вальс с чертовщиной

Только заслышу польку вдали,
Кажется,
вижу в замочную скважину:
Лампы задули, сдвинули стулья,
Пчелками кверху порх фитили,
Масок и ряженных движется улей.
Это за щелкой елку зажгли.
Великолепие выше сил
Туши, и сепии, и белил,
Синих, пунцовых и золотых
Львов и танцоров, львиц и франтих.
Реянье блузок, пенье дверей,
Рев карапузов, смех матерей,
Финики, книги, игры, нуга,
Иглы, ковриги, скачки, бега.
В этой зловещей сладкой тайге
Люди и вещи на равной ноге.
Этого бора вкусный цукат

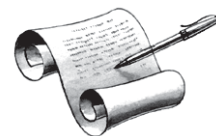
К шапок разбору рвут нарасхват.
Душно от лакомств. Елка в поту
Клеем и лаком пьет темноту.
Все разметала, всем истекла,
Вся из металла и из стекла.
Искрится сало, брызжет смола
Звездами в залу и зеркала
И догорает дотла. Мгла.
Мало-помалу толпою усталой
Гости выходят из-за стола.
Шали, и боты, и башлыки.
Вечно куда-нибудь их занастаишь!
Ставни, ворота и дверь на крюки.
В верхнюю комнату
форточку настезь.
Улицы зимней синий испуг.
Время пред третьими петухами.
И возникающий в форточной раме
Дух сквозняка, задувающий пламя,
Свечка за свечкой явственно вслух:
Фук. Фук. Фук. Фук.

1941 год

Гамлет

Гул затих. Я вышел на подмостки.
Прислонясь к дверному косяку,
Я ловлю в далеком отголоске,
Что случится на моем веку.
На меня наставлен сумрак ночи
Тысячью биноклей на оси.
Если только можно, Авва Отче,
Чашу эту мимо прonesи.
Я люблю твой замысел упрямым
И играть согласен эту роль.
Но сейчас идет другая драма,
И на этот раз меня уволь.
Но продуман распорядок действий,
И неотвратим конец пути.
Я один, всё тонет в фарисействе.
Жизнь прожить — не поле перейти.

1946 год.

Литературно-художественное издание

Литературный журнал

**Редактор Виктор Балдоржиев
Директор Александр Лагутин**

В СЛЕДУЮЩИХ НОМЕРАХ:

Вячеслав Вьюнов
Елена Ерофеева
Николай Ярославцев
Виктор Коврижник
Олег Димов
Елена Стефанович
Дугаржап Жапхандаев
Георгий Шелест

ЗАБАЙКАЛЬЦЫ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ:

Николай Переяслов, Чита – Москва
Николай Савостин, Кубухай – Кишинев
Эдуард Анашкин, Хилок – Самара
Владимир Попов, Балей – Москва
Василий Козлов, Оловянная – Иркутск
Анатолий Байбородин, Чикой – Иркутск

РОССИЯ И ЗАРУБЕЖЬЕ ЗАБАЙКАЛЬЮ:

Сергей Гонцов, Москва
Николай Берязев, Новосибирск
Александр Шаракшанэ, Москва
Юрий Арустамов, Хайфа, Израиль
Ася Сапир, Bar Harbor, Maine, USA

ТЕМАТИЧЕСКИЕ ПУБЛИКАЦИИ:

серия «Рассказы о Родине» –

рассказы и очерки о людях, городах, селах, районах,
предприятиях Забайкальского края;

рубрика «Лучший выбор из мира мысли» –

труды научной общественности Забайкальского края.

Контактная связь для приема заказов

на подготовку тематических публикаций

и монографий: 26-07-58, 8-924-570-87-53, imalka@mail.ru

Материалы не рецензируются и не возвращаются
Редакция в переговоры с авторами не вступает

Сдано в набор 20. 10. 2009
Подписано в печать 02. 05. 2010
Формат 60x84 1/8. Бумага офсетная
Гарнитура «Newton», «Arial Cyr», «Arial Cyr»
Печ. л.10. Тираж 999 экз. Заказ №

Творческая группа «Союз Искусств», Экспресс-издательство: создание книг
г. Чита, ул. Полины Осипенко 25, тел. 8-924-570-87-53, imalka@mail.ru